

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 4 (71)
2021

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Методологические основания анализа кризисов социально-экономических систем

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Предлагаемые пути усовершенствования системы сбалансированных показателей применительно к оценке эффективности управления сферой малого и среднего предпринимательства

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Управление кадровым потенциалом университета: конкурс на замещение должностей научно-педагогических работников

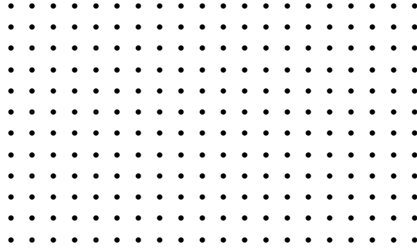
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

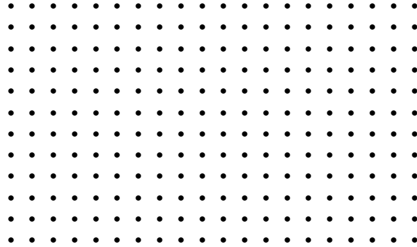
ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT
ISSUES

№ 4 (71) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Бальнская Наталья Ринатовна – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

Хайнс Джеффри – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Гаррисон Елена – Университет Монтаны (США)

Костина Наталия Борисовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Любовный Владимир Яковлевич – Всероссийская Академия внешней торговли (Москва, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Грей Патрик – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Ростовская Тамара Керимовна – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия)

Силин Яков Петрович – Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Скаво Кармин – Восточно-каролинский университет (США)

Скоробацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ли Минюэ – Чжуннаньский университет экономики и права (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Пирожкова Ирина Сергеевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF:

Natalia G. Chevtava – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

Natalya R. Balynskaya – Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Jeffrey Heinz – London Metropolitan University (Great Britain)

Helen Harrison – University of Montana (USA)

Natalia B. Kostina – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

Vladimir Ya. Lyubovny – Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Patric Grey – London Metropolitan University (Great Britain)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yakov P. Silin – Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

Carmine Scavo – East Carolina University (USA)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Li Mingyue – Zhongnan University of Economics and Law (China)

TECHNICAL SECRETARY:

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

HEAD OF TRANSLATION DEPARTMENT:

Irina S. Pirozhkova – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Материалы журнала размещаются:

- на офиц. сайте: <http://journal-management.com/>
 - на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)
 - в открытой библиотеке CyberLeninka.ru
 - в ЭБС «Лань»
 - в библиотеке «ЛитРес»
- Подписной индекс – 66020.

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

ЛитРес: CYBER LENINKA ЛАНЬ®

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific publications, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: **08.00.05** – Economy and management of the national economy (by industries and spheres of activity) (Economic Sciences); **08.00.10** – Finance, money circulation and credit (Economic Sciences); **22.00.08** – Sociology of management (Sociological Sciences); **23.00.02** – Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал индексируется:

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

 OCLC BASE TEI
Registry of Open Access Repositories

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

**Тажитдинов И.А., Атаева А.Г.,
Шатунова А.И.**

Методический подход к оценке транспарентности деятельности органов местного самоуправления

6

Трошин Д.В.

Методологические основания анализа кризисов социально-экономических систем

20

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Мицек С.А., Мицек Е.Б.

Статистический и эконометрический анализ российского экспорта

34

Архангельский В.Н., Фельдман М.А.

Союз малого и среднего бизнеса Свердловской области: испытание пандемией

49

Мокроносов А.Г., Зайцева Е.М.

Предлагаемые пути усовершенствования системы сбалансированных показателей применительно к оценке эффективности управления сферой малого и среднего предпринимательства

62

Мельман И.В.

Тенденции развития региональных лесопромышленных кластеров: архангельский и вологодский опыт

78

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Романова А.В.

Социальная поддержка многодетных семей в период пандемии COVID-19

94

**Капогузов Е.А., Чупин Р.И.,
Харламова М.С.**

Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности

108

CONTENTS

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

**Tazhitdinov I.A., Ataeva A.G.,
Shatunova A.I.**

Methodological approach to analysis of transparency of local authorities

6

Troshin D.V.

Methodological basis for analysis of crises of socio-economic systems

20

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Mitsek S.A., Mitsek E.B.

Statistical and econometric analysis of Russian exports

34

Arkhangelsky V.N., Feldman M.A.

Union of small and medium-sized businesses in the Sverdlovsk region: the test of the pandemic

49

Mokronosov A.G., Zaytseva E.M.

Ways to improve the balanced scorecard system applied to the evaluation of management effectiveness in small and medium-sized businesses

62

Melman I.V.

Trends in the development of regional timber industry clusters: Arkhangelsk and Vologda experience

78

SOCIAL MANAGEMENT

Romanova A.V.

Social support for families with many children during the COVID-19 pandemic

94

**Kapoguzov E.A., Chupin R.I.,
Kharlamova M.S.**

Assessment of family policy achievements in income increase and poverty decrease in Russia

108

**Вишнеvский Ю.Р., Забокрицкая Л.Д.,
Кульминская А.В.**

Самооценка здоровья студентов Свердловской области: мониторинговое исследование

123

**Vishnevskiy Yu.R., Zabokritskaya L.D.,
Kul'minskaya A.V.**

Self-assessment of health by the Sverdlovsk Region students: a monitoring study

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Окунева Т.В., Шестопалова О.Н.

Культура труда работников как фактор реализации корпоративной стратегии управления транспортным предприятием

137

Попов Е.В., Симонова В.Л., Челак И.П.

Систематизация факторов развития инновационной экосистемы предприятия

151

Федорова А.Э., Власова Е.Б.

Управление кадровым потенциалом университета: конкурс на замещение должностей научно-педагогических работников

166

CORPORATE MANAGEMENT

Okuneva T.V., Shestopalova O.N.

Work culture of employees as a factor of corporate strategy implementation in transport enterprise management

Popov E.V., Simonova V.L., Chelak I.P.

Classification of the factors of an enterprise innovation ecosystem development

Fedorova A.E., Vlasova E.B.

Management of university personnel capacity: competitive procedure for a faculty staff

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

И.А. Тажитдинов^a, А.Г. Атаева^{1b}, А.И. Шатунова^{2b}

^aУфимский государственный авиационный технический университет

^bУфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования: одной из характеристик двухстороннего коммуникативного процесса между органами власти и стейкхолдерами территорий является прозрачность деятельности органов местного самоуправления. В настоящее время в отечественных исследованиях не представлены методики оценки прозрачности в широком ее понимании – не только как информационной открытости власти, но и удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления и вовлеченности населения в самоуправление.

Цель исследования: анализ существующих методических подходов к оценке прозрачности деятельности органов местного самоуправления и разработка методики оценки на основе клиентоориентированного подхода.

Методы и методология. Разработанная методика оценки прозрачности деятельности органов местного самоуправления основана на интеграции клиентоориентированного подхода к муниципальному управлению с принципами вовлеченности населения в осуществление форм непосредственной демократии. Интегральный показатель прозрачности определяется на основе расчета четырех групп показателей: 1) реализации форм непосредственной демократии в муниципалитете; 2) взаимодействия органов местного самоуправления с населением через СМИ и социальные сети; 3) информационно-технологической обеспеченности; 4) качества предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности.

Результаты. Разработана методика оценки прозрачности деятельности органов местного самоуправления, которая позволяет выявлять проблемные точки при взаимодействии власти с населением, а также проводить оценку эффективности деятельности администраций муниципальных образований. Апробация методики осуществлялась на примере деятельности администраций 9 городских округов Республики Башкортостан. Определено, что в городских округах, несмотря на высокий уровень взаимодействия органов местного самоуправления со СМИ и с гражданами в социальных сетях, недостаточно уделяется внимание качеству предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00504-21-00 на 2021 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: местное самоуправление, прозрачность органов власти, информационная открытость, клиентоориентированный подход, формы непосредственной демократии, органы местного самоуправления.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тажитдинов И.А., Атаева А.Г., Шатунова А.И. (2021). Методический подход к оценке прозрачности деятельности органов местного самоуправления // Вопросы управления. № 4. С. 6–19.

¹AuthorID РИНЦ: 672203, ORCID: 0000-0002-2835-0147

²AuthorID РИНЦ: 1066908

Введение

Местное самоуправление, в отличие от государственного, характеризуется несколько иным форматом взаимодействия между властью и населением. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет местное самоуправление как «форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую... самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения». Соответственно население является и источником власти, и конечным потребителем муниципальных услуг.

Кроме того, на местном уровне законодательно закреплено достаточно большое количество форм непосредственного народовластия, участия населения в местном самоуправлении, что также влияет на формы взаимодействия между органами власти и местным сообществом. Одной из характеристик этого взаимодействия является транспарентность деятельности органов местного самоуправления (ОМСУ), под которой зачастую понимается информационная открытость власти. По мнению авторов, указанные выше характеристики местного самоуправления определяют необходимость более широкой трактовки этого понятия как двухсторонней коммуникативной среды взаимодействия ОМСУ и местного общества, со стороны органов власти – основанная на принципах открытости, доступности и достоверности информации об управленческих процессах, инициативности местной власти к развитию форм взаимодействия, со стороны местного сообщества – уровнем развития общественного контроля [1].

В таком понимании транспарентность может быть одной из характеристик эффективности деятельности ОМСУ, а ее формализованная оценка – одним из способов межмуниципального сравнения помимо традиционных

методик оценки (например, методика мониторинга эффективности деятельности ОМСУ городских округов и муниципальных районов согласно Указу Президента РФ от 28.10.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов») [2].

Целью статьи является анализ существующих методических подходов к оценке транспарентности деятельности ОМСУ и разработка методики оценки на основе клиентоориентированного подхода. Апробация методики будет проводиться на примере 9 городских округов Республики Башкортостан.

Анализ методических подходов к оценке транспарентности деятельности органов местного самоуправления

В настоящее время в отечественной литературе отсутствует «методика оценки транспарентности деятельности ОМСУ» именно в такой трактовке [3–6]. Есть отдельные методики оценки открытости органов власти, эффективности деятельности ОМСУ (где в качестве одной из составляющих оценивается информационная открытость), есть методики оценки коррупционной составляющей власти. Все эти виды оценки так или иначе связаны с транспарентностью власти. Мы рассмотрим существующие методики оценки всех этих составляющих, как для местного, так и для федерального и регионального уровней.

На федеральном уровне разработана Методика мониторинга и оценки открытости федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ)³, целью которой является оценка внедрения каждого из механизмов (инструментов) открытости, определенных Концепцией открытости ФОИВ⁴: реализация принципа информационной открытости ФОИВ; обеспечение работы с открытыми данными; обеспечение понятности нормативно-правового регулирования, государственных политик и программ, разрабатываемых (реализу-

³Методика мониторинга и оценки открытости федеральных органов исполнительной власти : утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26.12.2013 № АМ-П36-89пр). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165213/ (дата обращения: 23.07.2021).

⁴Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.01.2014 № 93-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158273/.

емых) ФОИВ; информирование о работе с обращениями граждан и организаций и др. Представленная методика отражает больше работу ФОИВ в области открытости с позиции властных отношений. Применение данной методики на муниципальном уровне не позволит учитывать потребности жителей муниципалитета, способов взаимодействия с муниципальными органами власти.

Для муниципальных органов власти оценка открытости отдельно не осуществляется. Косвенно она отражена в составе Методики мониторинга эффективности деятельности ОМСУ городских округов и муниципальных районов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317. Так, среди критериев оценки эффективности деятельности ОМСУ в сфере организации муниципального управления оценивается удовлетворенность населения деятельностью ОМСУ городского округа (муниципального района), в том числе их информационная открытость (процент от числа опрошенных)⁵. Но данный критерий является лишь одним из характеристик и принципов транспарентности.

Методика оценки открытости ОМСУ, разработанная в исследовании

А. М. Безносова [7], основываясь на положениях Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», больше учитывает эффективность работы муниципальных властей как управленческого аппарата. Открытость здесь можно оценить лишь с помощью таких показателей, как «коэффици-

ент взаимодействия с населением», «коэффициент общей информации об органе местного самоуправления в интернете». Остальные показатели не отражают транспарентности. В то же время стоит отметить, что возможности цифровых технологий здесь охвачены слабо.

Также есть методики, которые характеризуют уровень цифрового развития, технологической обеспеченности органов власти. Индекс развития электронного правительства (рассчитывается по методике ООН, демонстрирует степень готовности стран к реализации и использованию услуг электронного правительства)⁶, Методика мониторинга официальных сайтов органов государственной власти и местного самоуправления с помощью автоматизированной информационной системы «Мониторинг государственных сайтов» (вычисление сводного экспертного рейтинга информационной открытости по каждому официальному сайту)⁷, информационная система «Инфометр»⁸, с помощью которой оценивается информационная и технологическая доступность сайтов. Достоинством вышеперечисленных методов является их универсальность при определении параметров оценки в зависимости от специфики деятельности органа власти. С точки зрения анализа транспарентности деятельности ОМСУ, представленные методы позволяют проводить мониторинг уровня развития цифровизации в муниципалитете, но не учитывают иных возможностей взаимодействия власти с местным сообществом.

В третью группу следует выделить методики, которые направлены на измерение различных параметров уровня коррупции, что то-

⁵Методика мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов : утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 „Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов“ и подпункта „и“ пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 „Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления“». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508/ (дата обращения: 23.07.2021).

⁶Индекс развития электронного правительства (E-Government Development Index, EGDI). URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/index-razvitiya-elektronnogo-pravitelstva/#tabs|Compare:Place> (дата обращения: 24.07.2021).

⁷Методика мониторинга официальных сайтов органов государственной власти и местного самоуправления с помощью автоматизированной информационной системы «Мониторинг государственных сайтов». URL: <https://gosmonitor.ru/about> (дата обращения: 23.07.2021).

⁸Информационная система «Инфометр». URL: <http://system.infometer.org/ru/ratings/> (дата обращения: 23.07.2021).

же является одной из характеристик прозрачности (транспарентности) деятельности органов власти: индекс восприятия коррупции (ИВК)⁹, барометр мировой коррупции (*Global Corruption Barometer*)¹⁰, Индекс взяточдателей (*Bribe Payers Index*)¹¹. Данные методики основаны на опросах, что позволяет выявить общественное мнение по тому или иному вопросу, что безусловно является важной частью развития транспарентности деятельности органов власти на все уровнях. Однако такая оценка не характеризует все стороны транспарентности в анализируемой области.

Таким образом, одной из проблем методического обеспечения транспарентности деятельности ОМСУ является отсутствие единого комплексного подхода к оценке данного показателя, который бы учитывал все составляющие транспарентности. Кроме того, представленные подходы рассматривают оценку транспарентности деятельности органов власти, в том числе и муниципальной с точки зрения властных отношений. Однако муниципальный уровень власти имеет свою специфику, которая выражается в непосредственном участии населения в управлении, эффективной обратной связи при предоставлении муниципальных услуг и т.д. Все это определяет актуальность разработки методики оценки транспарентности деятельности ОМСУ с учетом этих аспектов.

Разработка методического подхода к оценке транспарентности деятельности органов местного самоуправления на основе клиентоориентированного подхода к муниципальному управлению и вовлеченности населения в местное самоуправление

В нашем понимании транспарентность – это не просто открытость ОМСУ, это двухсторонний процесс взаимодействия органов власти и населения, который заключается в двух основных положениях:

1. Клиентоориентированный подход к муниципальному управлению.

⁹Индекс восприятия коррупции. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii> (дата обращения: 23.07.2021).

¹⁰Барометр мировой коррупции (*Global Corruption Barometer*). URL: <https://transparency.org.ru/research/barometr-mirovoy-korruptsii/> (дата обращения: 23.07.2021).

¹¹Индекс взяточдателей (*Bribe Payers Index*). URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vzyatkodeley/> (дата обращения: 23.07.2021).

Одним из условий формирования транспарентных взаимоотношений между ОМСУ и населением является ориентация на потребителя муниципальных услуг. Подход, основанный на повышенном внимании к установлению и поддержанию взаимоотношений с потребителями, получил название клиентоориентированного или сервисного [8]. Клиентоориентированный подход для местного самоуправления предлагается определять как построение партнерских взаимоотношений ОМСУ и жителей муниципалитета, направленных на удовлетворение качеством проводимой муниципальной политики и оказываемых на территории муниципалитета услуг и достижение экономической и социальной эффективности деятельности ОМСУ в долгосрочном периоде посредством реализации различных задач [9–16].

Подход основан на следующих классических принципах: удовлетворение потребностей и интересов клиентов, интеграция персонала в процессы принятия решений, добросовестное выполнение работы и установление долгосрочных партнерских отношений с персоналом и клиентами, увеличение скорости поступления информации, в том числе обратной связи, цифровизации управления и др. Эти принципы легли в основу выделенных нами принципов транспарентности с учетом клиентоориентированного подхода (рис. 1).

2. Вовлеченность населения в местное самоуправление.

Несмотря на то, что Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» содержит достаточно большой перечень допустимых форм непосредственной демократии (местный референдум, правотворческая инициатива граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, общественные обсуждения, собрания и конференции граждан, опросы, обращения граждан в органы местного самоуправления и др.), они так и не получи-

ли широкого распространения в муниципальных образованиях. Население не знает или не желает участвовать в местном самоуправлении [17–20].

В связи с этим особенностью прозрачности на муниципальном уровне является необходимость привлечения широких слоев населения к участию в наиболее значимых вопросах местного значения, повышения социально-политической активности различных социальных групп (рис. 1).

В совокупности эти два положения определяют прозрачность ОМСУ также с позиции прозрачности и открытости власти, но с учетом интеграции клиентоориентированности власти и вовлеченности населения. Прозрачность, таким образом, представляет собой среду, в которой ОМСУ предоставляют всем стейкхолдерам территории необходимую информацию для получения муниципальных услуг, вовлечение и стимулирование населения в осуществлении форм непосредственной демократии, а также предоставление иной информации о деятельности власти в открытой, полной, своевременной и понятной форме.

На основе этого нами определены 4 группы показателей, на основе которых будет рассчитываться интегральный показатель прозрачности деятельности ОМСУ (рис. 1):

- реализация форм непосредственной демократии в муниципалитете;
- взаимодействие ОМСУ с населением через СМИ и социальные сети;
- информационно-технологическая обеспеченность муниципального управления;
- качество предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности.

Первая группа показателей, связанная с реализацией форм непосредственной демократии, включает в себя 4 структурных показателя и отражает соблюдение принципа вовлеченности местного населения в решение вопросов местного значения. Сюда относятся показатели оценки работы некоторых форм взаимодействия с населением, предусмотренных федеральным законодательством (работа с письменными обращениями, организация личного приема, возможность проведения общественной экспертизы управленческих решений ОМСУ на сайте и т. д.). Само по себе наличие форм взаимодействия не обеспечивает прозрачности деятельности органов муниципального управления. Однако их эффективное применение, поиск доступных способов реализации этих форм населением, проявление инициативности к взаимодействию с населением будут способствовать достижению высокого уровня прозрачных взаимоотношений.

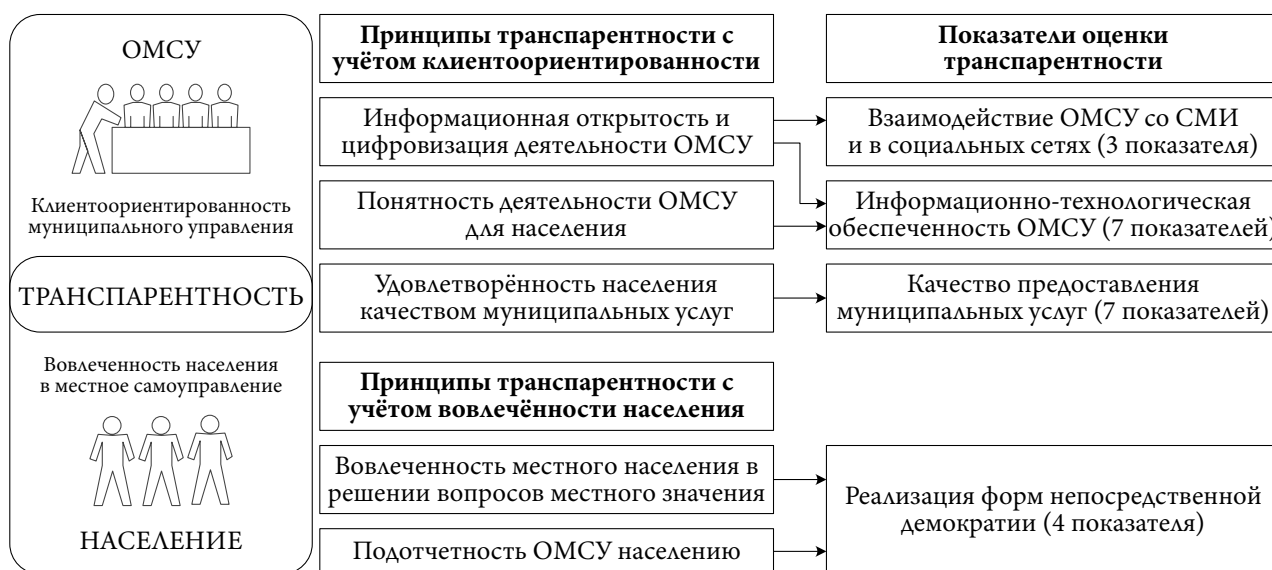

Рисунок 1 – Принципы и показатели оценки прозрачности деятельности ОМСУ с позиции клиентоориентированного подхода и вовлеченности населения в местное самоуправление
Figure 1 – Principles and indicators for assessing the transparency of local self-government activities from the perspective of a client-oriented approach and the involvement of the population in local self-government

Вторая группа показателей, отражающая взаимодействие ОМСУ с местным сообществом в социальных сетях, со СМИ, а также работу в системе «Инцидент-менеджмент» состоит из 3 показателей и позволяет оценить такие принципы транспарентности деятельности ОМСУ, как информационная открытость и понятность деятельности власти для населения.

Третья группа показателей формируют критерии, связанные с развитием цифровизации в работе официального сайта ОМСУ, применением ОМСУ информационно-коммуникационных технологий. Сюда входят 7 структурных показателей. Официальный сайт органа местного самоуправления должен, во-первых, размещать максимум информации о муниципальном образовании, о деятельности ОМСУ, о предоставляемых услугах, новостях, событиях, других полезных источниках. Во-вторых, этот объем информации должен быть доступным для понимания гражданам и достоверным. В-третьих, в условиях развития цифровой экономики повышается важность структурирования информации с точки зрения технологической доступности и удобства с применением различных информационно-коммуникационных технологий. Также в указанной группе оценивается востребованность сайта среди его пользователей. Таким образом, данная группа показателей отражает работу принципов открытости, доступности и достоверности информации при обеспечении транспарентности деятельности ОМСУ [21–25].

Четвертая группа показателей объединяет критерии качества предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности в работе ОМСУ. Одним из основных условий развития транспарентности деятельности ОМСУ является ориентация на потребителя, поэтому данная группа включает в себя 5 структурных показателей, отражающих количество муниципальных услуг, предоставляемых в электронном виде, выявление потребностей граждан при помощи опросов, степень удовлетворенности населения деятельностью муниципального управления. Показатели основываются на принципе удовлетворенности населения качеством муниципальных

услуг. С точки зрения клиентоориентированного подхода процессы деятельности ОМСУ должны быть ориентированы на максимальное удовлетворение запросов граждан. Под удовлетворенностью потребителей понимается степень соответствия качества оказанных услуг ожиданиям потребителей [17, 26–28].

В таблице 1 представлен перечень показателей, позволяющий провести комплексную оценку транспарентности деятельности ОМСУ по различным направлениям.

Новизна предлагаемой методики заключается в том, что интегральный показатель транспарентности деятельности ОМСУ через определенные параметры позволяет провести не только традиционную оценку процессов взаимодействия ОМСУ с гражданским обществом (прежде всего информационную), но и оценить ориентированность органов муниципального управления на граждан при решении вопросов местного значения, а также вовлеченность населения в местное самоуправление. Методика позволяет выявлять проблемные точки при взаимодействии ОМСУ с населением, а также проводить оценку эффективности деятельности администраций муниципальных образований в части транспарентности деятельности ОМСУ.

Содержащиеся в структуре сводного показателя частные показатели могут заменяться и дополняться в зависимости от особенностей муниципалитета, в котором они рассматриваются либо от целей межмуниципального сравнения.

Оценка транспарентности деятельности органов местного самоуправления на примере городских округов Республики Башкортостан

Для расчета интегрального показателя транспарентности деятельности ОМСУ использован интегральный метод расчета с использованием среднеарифметического метода свертки:

$$T_{\text{ОМСУ}} = \frac{T_1 + T_2 + T_3 + T_4}{4}, \quad (1)$$

где T_1 – сводный показатель реализации форм непосредственной демократии ОМСУ; T_2 – сводный показатель взаимодействия ОМСУ со СМИ и в социальных сетях;

Таблица 1 – Структура показателей оценки прозрачности деятельности ОМСУ

Table 1 – Structure of indicators for assessing the transparency of the activities of local self-government activities

Частные показатели	Примечание
--------------------	------------

Сводный показатель реализации форм непосредственной демократии ОМСУ (T_1)

T_1^1 – количество обращений на 1000 человек населения, ед.	характеризует эффективность работы с письменным и электронным обращениями граждан
T_1^2 – численность граждан, принятых на личном приеме в год на 1000 человек населения, ед.	характеризует эффективность организации личного приема граждан
T_1^3 – доля инициативных проектов, прошедших республиканский отбор, %	характеризует эффективность реализации мероприятий, имеющих приоритетное значение для жителей муниципального образования по решению вопросов местного значения
T_1^4 – количество общественных обсуждений в год, ед.	характеризует динамику участия граждан в принятии управленческих решений ОМСУ

Сводный показатель взаимодействия ОМСУ со СМИ и в социальных сетях (T_2)

T_2^1 – количество СМИ на 1000 человек населения, ед.	характеризует открытость, информированность о проводимых мероприятиях
T_2^2 – количество аккаунтов в социальных сетях, ед.	характеризует готовность к диалогу и информационной открытости для населения
T_2^3 – количество обращений в систему «Инцидент-менеджмент», ед.	отражает динамику работы в системе «Инцидент-менеджмент»

Сводный показатель информационно-технологической обеспеченности официальных сайтов ОМСУ (T_3)

T_3^1 – полнота информации на официальном сайте, баллы	отражает полноту предоставляемой информации на официальном сайте, оценка каждого пункта проводится экспертным путем в пределах 0,2 балла, при наличии всех пунктов – максимальный балл – 1.
T_3^2 – посещаемость сайта ОМСУ, %	характеризует динамику востребованности официальных сайтов ОМСУ
T_3^3 – обеспечение доступности языкового стиля изложения информации на сайте, баллы	отражает степень доступности языкового стиля для различных слоев населения
T_3^4 – обеспечение доступа к информации слабовидящим, баллы	отражает доступность информации на сайте ОМСУ для людей с ограниченными возможностями здоровья
T_3^5 – наличие раздела часто задаваемых вопросов (FAQ), баллы	позволяет найти ответ на имеющиеся вопросы на основании представленных примеров
T_3^6 – количество ссылок на другие сайты, полезные гражданам, ед.	характеризует удобство и технологичность сайта
T_3^7 – наличие информации о приеме граждан на официальном сайте, баллы	характеризует эффективность организации личного приема граждан, при положительном значении n1-n3 каждому из них присваивается по 0,5 балла.

Сводный показатель качества предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности (T_4)

T_4^1 – количество доступных электронных муниципальных услуг, ед.	отражает удобство и мобильность поиска муниципальных услуг
T_4^2 – число заявителей-граждан, обратившихся за получением муниципальных услуг в электронном виде, ед.	отражает уровень цифровой грамотности граждан и уровень развития цифровизации в муниципалитете
T_4^3 – наличие навигационного сервиса поиска подведомственных организаций ОМСУ по жизненным ситуациям, функциям на доступном языке, баллы	характеризует мобильность, удобство сайта, сокращая время поиска необходимой информации, учитывает индивидуальные потребности пользователей
T_4^4 – количество проведенных опросов граждан в онлайн и офлайн форматах на 1000 чел. в год, ед.	отражает учет потребности граждан при принятии решений о мсу, в том числе более мобильным способом
T_4^5 – удовлетворённость населения деятельностью органов МСУ по ежегодным опросам, % от числа опрошенных	отражает качество работы муниципальных органов власти

Таблица 2 – Результаты нормированных значений показателей прозрачности деятельности администраций городских округов Республики Башкортостан, ед.

Table 2 – Results of normalized values of transparency indicators of the administrations of urban districts of the Republic of Bashkortostan, units

Городские округа (ГО)	T_1	T_2	T_3	T_4	Интегральный показатель оценки прозрачности	Удовлетворенность жителей деятельностью ОМСУ за 2020 г. ¹²
ГО г. Уфа	0,60	1,00	0,29	0,34	0,56	73,99
ГО г. Агидель	0,44	0,54	0,61	0,47	0,52	80,03
ГО г. Кумертау	0,37	0,04	0,40	0,36	0,29	97,81
ГО г. Нефтекамск	0,11	0,57	0,52	0,12	0,33	74,54
ГО г. Октябрьский	0,20	0,44	0,24	0,21	0,27	80,59
ГО г. Салават	0,41	0,25	0,64	0,22	0,38	73,59
ГО г. Сибай	0,44	0,42	0,26	0,24	0,34	80,67
ГО г. Стерлитамак	0,25	0,64	0,19	0,25	0,33	84,66
ЗАТО г. Межгорье	0,13	0,51	0,48	0,59	0,43	—

T_3 – сводный показатель информационно-технологической обеспеченности официальных сайтов ОМСУ; T_4 – сводный показатель, отражающий качество предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности.

Каждый из сводных подынтегральных показателей рассчитывается как сумма от частных показателей по формуле 2.

$$T_{i_{\text{подынтегр}}} = \frac{T_{i_1} + \dots + T_{i_{2n}}}{n}, \quad (2)$$

где T_{i_1} – один из сводных подынтегральных показателей; $T_{i_1} + \dots + T_{i_{2n}}$ – частные показатели прозрачности деятельности ОМСУ; n – количество частных показателей прозрачности деятельности ОМСУ.

Поскольку частые показатели имеют разносторонний характер, показатели приведены к сопоставимому виду. Для этого использована формула нормирования значения полученных показателей (3):

$$x_{itn} = \frac{x_{it} - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}. \quad (3)$$

Рассчитаем показатель прозрачности деятельности администраций городских округов Республики Башкортостан. За отчетный период возьмем данные 2019–2020 гг. Результаты расчетов представлены в таблице 2.

Проведенный анализ показал, что наибольший уровень прозрачности деятельности

ОМСУ достигнут в городском округе города Уфа Республики Башкортостан (0,56), наименьший уровень – в городах Октябрьский (0,27) и Кумертау (0,29).

При этом в структуре интегрального показателя города Уфы прозрачность наиболее сильна в части взаимодействия ОМСУ со СМИ и в социальных сетях. Также активно работают в Уфе реализация форм непосредственной демократии. Полученные результаты говорят о наличии и функционировании различных каналов для взаимодействия с населением. Однако некоторые полученные результаты свидетельствуют о необходимости налаживания активной работы в направлении информационно-технологической обеспеченности деятельности ОМСУ и качества предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности.

Структура интегрального показателя прозрачности позволяет выявить слабые и сильные стороны прозрачности по каждому из городских округов. Например, по уровню развития форм непосредственной демократии отстающими городами являются Нефтекамск, Межгорье, Октябрьский, Стерлитамак, а наиболее эффективными – Уфа, Агидель, Сибай, Салават.

Взаимодействие местной власти со СМИ и в социальных сетях эффективно налажено в Уфе, активно развивается данное направление прозрачности в Стерлитамаке, Нефтекам-

¹²Обобщенная информация о результатах опроса населения об удовлетворенности жителей муниципальных районов (городских округов) по итогам 2020 г. URL: <https://pravitelstvorb.ru/ru/region/20210128-1.pdf>.

ске и Агидели. Минимальное значение показателя наблюдается в городе Кумертау, что свидетельствует о низкой эффективности работы данного процесса. В остальных городах по данному показателю отсутствуют сильно отстающие значения, это говорит о том, что взаимодействие с населением в настоящее время активно развивается.

По уровню информационно-технологической обеспеченности деятельности ОМСУ наиболее высокие значения наблюдаются в Салавате и Агидели. В Уфе этот показатель ниже в 2 раза. В таких городах, как Стерлитамак, Октябрьский и Сибай данное направление развито слабо.

По качеству предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности результаты распределились таким образом, что максимальные значения показателя являются чуть выше среднего. Полученные данные говорят о том, что работа муниципальных органов власти не основана на клиентоориентированности и выстраивании обратной связи для определения качества оказываемых услуг. В связи с этим муниципалитетам стоит обратить более пристальное внимание на развитие данного направления, вести муниципальный учет по некоторым показателям для обеспечения в дальнейшем возможности мониторинга текущей ситуации возникающих потребностей у населения, качества предоставляемых

муниципалитетом услуг и повышения транспарентности деятельности ОМСУ в целом.

В таблице 2 также представлены итоги результатов опроса населения об удовлетворенности жителей городских округов по итогам 2020 года для сопоставления с рассчитанной транспарентностью деятельности муниципальной власти (рис. 2).

Опрос населения об удовлетворенности жителей городских округов Республики Башкортостан по итогам 2020 года основан на результатах деятельности руководителей городских округов и муниципальных служб (организаций транспортного обслуживания и жилищно-коммунального комплекса, ответственных за качество автомобильных дорог), то есть касается степени соответствия реализуемых задач в муниципалитете ожиданиям граждан. Это один из показателей качества предоставления услуг и развития клиентоориентированности. На рисунке 2 представлена связь уровня транспарентности и удовлетворенности жителей анализируемых городов. В Уфе, несмотря на то что деятельность ОМСУ в целом является достаточно транспарентной, уровень удовлетворенности жителей города не является столь высоким. Причиной такого разрыва являются низкие значения в структуре интегрального показателя – информационно-технологической обеспеченности, качества предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности.

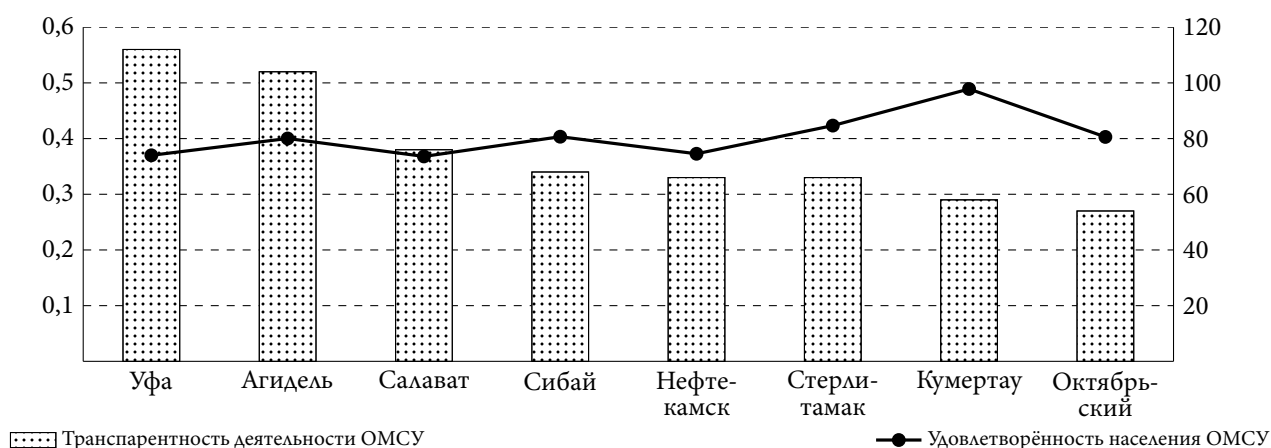

Рисунок 2 – Сопоставление результатов оценки транспарентности деятельности органов местного самоуправления и результатов опроса населения об удовлетворенности жителей городских округов Республики Башкортостан по итогам 2020 года

Figure 2 – Comparison of the results of assessing the transparency of the activities of local self-government bodies and the results of a survey of the population on the satisfaction of residents of urban districts of the Republic of Bashkortostan at the end of 2020

Напротив, в городах Сибай, Нефтекамск, Стерлитамак, Кумертау, Октябрьский уровень прозрачности деятельности муниципальных органов власти ниже среднего и развит недостаточно, в то время как жители этих городов довольны реализуемой политикой на данных территориях. В городе Октябрьский в структуре интегрального показателя прозрачности деятельности ОМСУ слабо представлены такие направления, как реализация форм непосредственной демократии, информационно-технологическая обеспеченность в части посещаемости официального сайта администрации, доступности языкового стиля изложения информации, наличия раздела часто задаваемых вопросов, полезных ссылок для граждан. Также в данных городских округах практически не уделяется внимания качеству предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности, но хорошо развит уровень взаимодействия ОМСУ со СМИ и с гражданами в социальных сетях. Такая связь говорит о том, что муниципальные органы власти могут предоставлять качественно свои услуги, но при этом их деятельность может быть закрыта или недостаточно прозрачна по определенным направлениям.

Заключение

В проведенном исследовании были рассмотрены и проанализированы существующие методики оценки в части информационной открытости деятельности органов власти различных уровней, развития цифровых технологий деятельности органов власти, уровня измерения коррупции. Установлено, что

прозрачность характеризуется двухсторонним процессом взаимодействия органов власти и населения и основывается на двух подходах: клиентоориентированный подход к муниципальному управлению и принципах вовлеченности населения в местное самоуправление по наиболее значимым вопросам местного значения, повышения социально-политической активности различных социальных групп. На основе данных положений авторами определены 4 группы показателей для расчета интегрального показателя прозрачности деятельности ОМСУ: показатели реализации форм непосредственной демократии в муниципалитете; показатели взаимодействия ОМСУ с населением через СМИ и социальные сети; показатели информационно-технологической обеспеченности; показатели качества предоставления муниципальных услуг и клиентоориентированности. На основе свертки показателей определен интегральный показатель прозрачности, который отражает не только информационную оценку процессов взаимодействия ОМСУ с гражданским обществом, но и оценку ориентированности органов муниципального управления на граждан при решении вопросов местного значения, а также вовлеченности населения в местное самоуправление.

Таким образом, разработанная методика позволяет осуществлять межмуниципальные сравнения развития прозрачности деятельности ОМСУ, оценивать динамику развития прозрачности отдельного муниципального образования; выявлять проблемные области взаимодействия между муниципальной властью и местным сообществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тажитдинов И.А., Атаева А.Г., Шатунова А.И. (2020). Прозрачность органов местного самоуправления в условиях цифровой экономики // Муниципалитет: экономика и управление. № 3 (32). С. 48–58.

2. Манченко П.А. (2012). Прозрачность (открытость) деятельности государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и государствах Европы // Административное и муниципальное право. № 4 (52). С. 28–34.

3. Комбарова Е.В. (2019). Прозрачность органов публичной власти в условиях информационного общества России // Конституционное и муниципальное право. № 12. С. 15–18.

4. Дамм И.А., Акунченко Е.А., Щедрин Н.В. (2019). Открытость публичной власти: вопросы понятийно-категориального аппарата // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 10. № 2. С. 226–242.

5. Бокова Т.А., Кадникова Т.Г., Романова Н.Д. (2021). О некоторых вопросах реализации прин-

ципа прозрачности (открытости) бюджетных данных на муниципальном уровне (на примере Республики Карелия) // Путеводитель предпринимателя. Т. 14. № 1. С. 105–124.

6. Модникова Т.Н., Пономарева Ю.Ю., Фомина М.Г. (2020). Реализация конституционного принципа гласности в местном самоуправлении современной России (часть 1) // Вопросы российского и международного права. Т. 10. № 5-1. С. 185–191.

7. Безносков А.М. (2015). Методика оценки открытости в деятельности органов местного самоуправления (на примере Администрации города Хабаровска и администрации города Комсомольск-на-Амуре) // Молодой ученый. № 19.1 (99.1). С. 75–80.

8. Зайковский В.Н. (2014). «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? // Дайджест-финансы. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/servisnoe-gosudarstvo-novaya-paradigma-ili-sovremennaya-tehnologiya-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 24.07.2021).

9. Гайнанов Д.А. и др. (2015). Клиентоориентированное управление в организациях сферы услуг : Монография / Д. А. Гайнанов, А. В. Крупский, Л. И. Мигранова, Л. Д. Сайфуллина, Л. И. Спирина ; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Д. А. Гайнанова. Уфа : ИСЭИ УНЦ РАН. 142 с.

10. Вешнева С.А., Чекова О.А. (2016). Разработка модели клиентоориентированности для медицинской организации // Новая наука: проблемы и перспективы. № 10-2. С. 32–36.

11. Кожевникова С.Ю., Чернорез Е.В. (2016). Эффективные инновационные механизмы коммерческой деятельности для обеспечения клиентоориентированности розничной торговли и общественного питания // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. № 38. С. 148–154.

12. Корнеева О.С. (2012). Клиентоориентированный подход как основа эффективного управления взаимоотношениями с клиентами // Проблемы экономики и менеджмента. № 11 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientoorientirovannyy-podhod-kak-osnova-effektivnogo-upravleniya-vzaimootnosheniyami-s-klientami> (дата обращения: 28.07.2021).

13. Ойнер О.К., Пантелеева Е.К. (2019) Признаки клиентоориентированного подхода к

управлению fmcg-компанией на российском рынке // Управленец. Т. 10. № 2. С. 11–20.

14. Мазалова Н.Ф. (2020). Формирование компетентностей государственных служащих и должностных лиц органов местного самоуправления в контексте обеспечения деятельности «сервисного государства» // Экономика и предпринимательство. № 6 (119). С. 164–170.

15. Коженко Я.В., Мамычев А.Ю. (2010). Сервисное государство: проблемы теории и практики реализации // Власть. № 3. С. 44–46.

16. Соколов Л.А. (2013). Клиентоориентированность как основа управления на государственной службе и в бизнесе // Вестник МГУУ. № 1. С. 12–16.

17. Ключев А.В., Урсу И.С. (2010). Муниципальная власть и население: проблема обратной связи. Управленческое консультирование // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. № 1 (37). С. 50–58.

18. Макарова О.В. (2017). Общественный контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти // Журнал российского права. № 7 (247). С. 54–62.

19. Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. (2018). Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал институциональных исследований. Т. 10. № 4. С. 38–57.

20. Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. (2021). Эффективность в государственном секторе: иллюзия понимания и её последствия // Terra Economicus. № 19 (1). С. 17–35.

21. Вартанова Е.А., Вихрова О.Ю. (2020). Цифровая информационная открытость власти как инструмент преодоления цифрового неравенства в России // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 9. № 4. С. 575–594.

22. Литвинцева Г.П., Шмаков А.В., Стукаленко Е.А., Петров С.П. (2019). Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Terra Economicus. Т. 17. № 3. С. 107–127.

23. Волькер Н., Лезина Т., Салтан А. (2018). Роль менеджмента информационных технологий в цифровой трансформации российских компаний (The role of it-management in the digital transformation of russian companies) // Форсайт. Т. 12. № 3. С. 53–61.

24. Пишняк А., Халина Н. (2021). Восприятие новых технологий населением как показатель открытости к инновациям // Форсайт. Т. 15. № 1. С. 39–54.

25. Близкий Р.С., Данильченко Т.С., Тимохина О.А. (2019). Инициативное бюджетирование и транспарентность в неоклассической парадигме экономической теории // Научный журнал Дискурс. № 4 (30). С. 138–146.

26. Кузнецова Ю.А. (2009). Качество социальных услуг: оценка и управление : Монография / Ю. А. Кузнецова, С. А. Кириллова, О. Г. Кантор / под ред. С. А. Кирилловой. Уфа : ИСЭИ УНЦ РАН. 132 с.

27. Петрова С.А., Алексеенцева Ю.А. (2019). Информационно-аналитические ресурсы и инструменты оценки качества оказания услуг в социальной сфере // Евразийское Научное Объединение. № 3-4 (49). С. 262–266.

28. Капогузов Е.А., Лапина Т.А., Чупин Р.И. (2017). Качество государственных услуг в контексте институционализации социального контроля // Журнал институциональных исследований. Т. 9. № 2. С. 154–171.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Тажитдинов Илшат Азаматович – доктор экономических наук; Уфимский государственный авиационный технический университет (450000, Россия, Уфа, ул. К. Маркса, 12); ice_lu@mail.ru.

Атаева Айсылу Гарифулловна – кандидат экономических наук; Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (450054, Россия, Уфа, пр-кт Октября, 71); ice_lu@mail.ru.

Шатунова Алина Ирековна – Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (450054, Россия, Уфа, пр-кт Октября, 71); alisitdikova@yandex.ru.

METHODOLOGICAL APPROACH TO ANALYSIS OF TRANSPARENCY OF LOCAL AUTHORITIES

I.A. Tazhitdinov^a, A.G. Ataeva^{13b}, A.I. Shatunova^{14b}

^aUfa State Aviation Technical University

^bUfa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

The relevance of research. The transparency of local self-government bodies is one of the characteristics of communication between local authorities and the stakeholders of the territory. Currently, domestic studies lack methods for assessing transparency in the aspect of analyzing the satisfaction of the population with the activities of local self-government bodies and the involvement of the population in self-government.

The purpose of the study is to analyze the existing methodological approaches to assessing the transparency of local governments and to develop an assessment methodology based on a customer-oriented approach.

Methods and methodology. The methodology for assessing transparency is based on the integration of a client-centered approach to municipal governance with the principles of community involvement in the implementation of democracy. On the basis of this, the integral indicator of transparency is determined on the basis of calculating four groups of indicators: 1) indicators of the implementation of forms of direct democracy in the municipality; 2) indicators of interaction of local governments with the population through the media and social networks; 3) indicators of information technology security; 4) indicators of the quality of the provision of municipal services and customer focus.

Results. The author has developed a methodology for assessing the transparency of local self-government bodies, which makes it possible to identify problematic areas in the interaction of the authorities with the population and to assess the effectiveness of the administrations of municipalities. The approbation of

¹³RSCI AuthorID: 672203, ORCID: 0000-0002-2835-0147

¹⁴RSCI AuthorID: 1066908

the methodology was carried out on the example of the activities of the administrations of nine urban districts of the Republic of Bashkortostan. As a result, it was determined that in these urban districts there is a high level of interaction of local governments with the media and with citizens in social networks. However, provision of municipal services and customer focus is still of low quality.

FUNDING: The article is based on the results of research within the state assignment of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences no. 075-00504-21-00 in 2021.

KEYWORDS: local authorities, transparency of government bodies, transparency, customer-oriented approach, forms of direct democracy, local self-government bodies.

FOR CITATION: Tazhitdinov I.A., Ataeva A.G., Shatunova A.I. (2021). Methodological approach to analysis of transparency of local authorities, *Management Issues*, no. 4, pp. 6–19.

REFERENCES

1. Tazhitdinov I.A., Ataeva A.G., Shatunova A.I. (2020). Transparency of local government bodies in the conditions of digital economy, *Municipality: Economics and Management*, no. 3 (32), pp. 48–58.
2. Manchenko P.A. (2012). Transparency (openness) of the activities of state power and local self-government in the Russian Federation and European countries, *Administrative and municipal law*, no. 4 (52), pp. 28–34.
3. Kombarova E.V. (2019). Transparency of public authorities in the conditions of the information society of Russia, *Constitutional and municipal law*, no. 12, pp. 15–18.
4. Damm I.A., Akunchenko E.A., Schedrin N.V. (2019). Openness of public authority: Questions of conceptual-categorical apparatus, *Bulletin of St. Petersburg University. Law*, vol. 10, no. 2, pp. 226–242.
5. Bokova T.A., Kadnikova T.G., Romanova N.D. (2021). On some issues of the implementation of the principle of transparency (openness) of budgetary data at the municipal level (on the example of the Republic of Karelia), *Entrepreneur's Guide*, vol. 14, no. 1, pp. 105–124.
6. Modnikova T.N., Ponomareva Yu.Yu., Fomina M.G. (2020). The implementation of the constitutional principle of publicity in the local self-government of modern Russia (part 1), *Questions of Russian and international law*, vol. 10, no. 5-1, pp. 185–191.
7. Beznosov A.M. (2015). Methods for estimating openness in the activities of local governments (on the example of the administration of the city of Khabarovsk and the city administration of Komsomolsk-on-Amur), *Young scientist*, no. 19.1 (99.1), pp. 75–80.
8. Zaykovsky V.N. (2014). "Service state": a new paradigm or modern government technology? *Digest Finance*, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/articlen/servisnoe-gosudarstvo-novaya-paradigma-ili-sovremennaya-tehnologiya-gosudarstvennogo-upravleniya> (accessed 24.07.2021).
9. Gaynanov D.A., Krupsky A.V., Migranova L.I., Sayfullina L.D., Spirina L.I. (2015). Customer-oriented management in the services of the service sector. Monograph. Ufa, ISEI UNC RAS. 142 p.
10. Veshneva S.A., Chekova O.A. (2016). Development of a customer orientation model for a medical organization, *New Science: problems and prospects*, no. 10-2, pp. 32–36.
11. Kozhevnikova S.Yu., Chernorez E.V. (2016). Effective innovative mechanisms for commercial activities to ensure customer orientation of retail and catering, *Modern trends in economics and management: a new look*, no. 38, pp. 148–154.
12. Korneeva O.S. (2012). Customer-oriented approach as a basis for effective customer relationship management, *Problems of the economy and management*, no. 11 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientoorientirovannyi-podhod-kak-osnova-effektivnogo-upravleniya-vzaimootnosheniyami-s-klientami> (accessed 28.07.2021).
13. Oyner O.K., Panteleeva E.K. (2019). Signs of a customer-oriented approach to the management of the FMCG company in the Russian market, *Upravlenets – The Manager*, vol. 10, no. 2, pp. 11–20.
14. Mazalova N.F. (2020). Formation of competences of civil servants and officials of local governments in the context of ensuring the activities of the "service state", *Economics and entrepreneurship*, no. 6 (119), pp. 164–170.
15. Kozhenko Ya.V., Mamychev A.Yu. (2010). Service state: problems of the theory and practice of implementation, *Power*, no. 3, pp. 44–46.
16. Sokolov L.A. (2013). Customer focus as a basis for management in public service and in business,

Bulletin of Moscow City University of Management, no. 1, pp. 12–16.

17. Klyuev A.V., Ursu I.S. (2010). Municipal and population: the problem of feedback. Management consulting, *Actual problems of state and municipal management*, no. 1 (37), pp. 50–58.

18. Makarova O.V. (2017). Public control over compliance with the openness of information on public authority activities, *Journal of Russian Law*, no. 7 (247), pp. 54–62.

19. Rubinstein A.Ya., Gorodetsky A.E. (2018). State paternalism and paternalistic failure in the theory of patronized goods, *Journal of Institutional Research*, vol. 10, no. 4, pp. 38–57.

20. Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaya I.A. (2021). Efficiency in the public sector: the illusion of understanding and its consequences, *Terra Economicus*, no. 19 (1), pp. 17–35.

21. Vartanova E.L., Vikhrova O.Yu. (2020). Digital information openness of power as a tool for overcoming digital inequality in Russia, *Issues of the theory and practice of journalism*, vol. 9, no. 4, pp. 575–594.

22. Litvintseva G.P., Shmakov A.V., Stukalenko E.A., Petrov S.P. (2019). Evaluation of the digital component of the quality of life of the population

in the regions of the Russian Federation, *Terra Economicus*, vol. 17, no. 3, pp. 107–127.

23. Volker N., Lezina T., Saltan A. (2018). The role of it-management in the digital transformation of russian companies, *Forsight*, vol. 12, no. 3, pp. 53–61.

24. Pishnyak A., Khalina N. (2021). The perception of new technologies to the population as an indicator of openness to innovation, *Forsight*, vol. 15, no. 1, pp. 39–54.

25. Blizky R.S., Danilchenko T.S., Timokhina O.A. (2019). Initiative budgeting and transparency in the neoclassical paradigm of economic theory, *Scientific magazine discourse*, no. 4 (30), pp. 138–146.

26. Kuznetsova Yu.A., Kirillova S.A., Kantor O.G. (2009). Quality of social services: assessment and management. Monograph. Ufa, ISEI UNC RAS. 132 p.

27. Petrova S.A., Aleksantseva Yu.A. (2019). Information and analytical resources and tools for assessing the quality of the provision of services in the social sphere, *Eurasian scientific association*, no. 3-4 (49), pp. 262–266.

28. Kapoguzov E.A., Lapina T.A., Chupin R.I. (2017). The quality of public services in the context of the institutionalization of social control, *Journal of Institutional Research*, vol. 9, no. 2, pp. 154–171.

AUTHORS' INFORMATION:

Ilshat A. Tazhitdinov – Advanced Doctor in Economic Sciences; Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx St., Ufa, 450000, Russia); ice_lu@mail.ru.

Aysylu G. Ataeva – Ph.D. of Economic Sciences; Institute for Socio-Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Av., Ufa, 450054, Russia); ice_lu@mail.ru.

Alina I. Shatunova – Institute for Socio-Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Av., Ufa, 450054, Russia); alisitdikova@yandex.ru.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА КРИЗИСОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Д.В. Трошин^{1а}

^аФинансовый университет при Правительстве Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Современное состояние и развитие социально-экономических систем в любом масштабе характеризуется множеством взаимосвязанных кризисных состояний в экономической, социальной, культурной сферах. Сложность явления требует разработки соответствующей методологии, на основании которой возможно разработать технологии анализа и создавать адаптивный инструментарий для анализа различных кризисных процессов. В настоящее время такая методология отсутствует. Анализ кризисов уникален в каждом случае и не затрагивает глубинных причин, скрытых в закономерностях развития организационных систем. Экономические и финансовые кризисы рассматриваются, как правило, только на уровне отношений между экономическими факторами. В статье кризис рассматривается как элемент целостного процесса зарождения противоречий: предкризисная ситуация – кризис – разрешение кризиса. Кризис также рассматривается в отношениях с проблематикой безопасности, он встроен в онтологию этой проблематики. Методологическим основанием анализа кризиса является диалектика. На прикладном уровне предложена классификация кризисов по различным основаниям, типовая схема анализа кризиса на качественном уровне. Для качественного анализа целесообразно использовать факторные модели, позволяющие также выявлять конфликты интересов. Разработка универсального аппарата для количественного анализа кризисов на практическом уровне проблематична ввиду их большого разнообразия и сложности системных связей. Однако общие подходы могут быть разработаны на основе факторных моделей, вероятностных моделей распространения ущерба. Может быть проведен количественный анализ конфликта интересов, а также комплексной оценки глубины кризиса для задач управления, связанных с рациональным распределением ресурсов при разрешении кризисных ситуаций.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кризис, анализ, методология, противоречия, диалектика, социально-экономическая система, онтология, факторная модель.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Трошин Д.В. (2021). Методологические основания анализа кризисов социально-экономических систем // Вопросы управления. № 4. С. 20–32.

Введение

Тема глобальных и региональных кризисов в различных сферах существования человечества сегодня вышла на ведущие позиции в общественном и экспертном дискурсе и научных исследованиях. Современные кризисы в экономике, общественных и международных отношениях тесно взаимосвязаны, усугубляются технологической трансформацией, климатическими изменениями, развитием социальных и информационных технологий воздействия на сознание и поведение челове-

ка, пересмотром ценностного базиса культуры в странах-лидерах экономического развития. Сложный причинно-следственный узел кризисных явлений, динамика их протекания приводят к неопределенности их последствий, неочевидности исходных причин и, следовательно, трудностям поиска управленческих решений по разрешению кризисов и минимизации их последствий. В связи с этим актуальной задачей исследования и управления кризисами является разработка методологии анализа кризисов, пригодной для разработки

¹AuthorID РИНЦ: 669030, ORCID: 0000-0001-8549-6372

адекватных методик и аналитических инструментов выявления причин и прогноза последствий конкретных кризисных явлений, в т. ч. в социально-экономических системах.

Понятие кризиса

В ансамбле других понятий и определений, используемых в методологии анализа проблем безопасности и существования социально-экономических систем (СЭС), в т. ч. организационных систем [1, с. 49; 2, с. 45], целесообразно определить кризис как состояние системы, в т. ч. во взаимоотношениях со средой, при котором она не может выполнять своё предназначение без изменения своего внутреннего содержания или содержания взаимоотношений со средой, позволяющее снять противоречия – внутренние или во взаимоотношениях со средой. Кризис – это состояние, при котором количественные изменения в системе и её отношениях со средой привели к качественным изменениям, и вступает в практическую реализацию диалектический закон отрицание отрицания. Сам кризис необходимо рассматривать в целостности всего процесса существования системы: возникновение противоречий, предкризисная ситуация, кризис, разрешение кризиса.

Предкризисная ситуация – состояние системы и (или) её отношений со средой, когда противоречия в системе и (или) её отношений со средой достигли такого уровня, что потребовали либо дополнительные ресурсы для обеспечения функционирования системы (денежная эмиссия, кредиты, увеличение продолжительности рабочего дня, увеличение социального пособия, дополнительные источники энергии и природных ресурсов, привлечение дополнительных сил правопорядка и т. п.), либо привели к снижению ниже нормативных уровней показателей эффективности функционирования системы.

Разрешение кризиса – снятие противоречий, вызвавших кризис – происходит либо в результате уничтожения системы, либо путём её трансформации в другую систему, в которой противоречия, приведшие к кризису отсутствуют. Последнее не означает, что какие-либо снятые противоречия не могут возникнуть вновь, если в системе не устрани-

ны (вновь возникнут) условия возникновения снятых противоречий.

Интересно, что анализ репрезентации концепта «кризис» в российском медиадискурсе показал, что коннотация одноименной лексики резко негативная. Это подтверждает и то, что второй ядерной лексемой-репрезентацией концепта «кризис» является лексема «упадок» [3, с. 231]. В то же время с позиции диалектики кризис является закономерным результатом нарастания противоречий и может служить предпосылкой для перехода системы в более совершенное состояние или ее замены более совершенной системой, сопровождаемой снятием противоречий.

Сегодня в информационном обществе в условиях тотального воздействия на сознание средств массовой информации, контента социальных сетей сознание формирует не только бытие, но и искусственно сформированный образ бытия, который предъявлен потребителю заинтересованным субъектом. В связи с этим и противоречия могут быть мнимыми. Яркий пример тому – события на Украине в 2013–2014 гг., в Белоруссии в 2020 г. В то же время мнимые противоречия приводят к реальным последствиям, когда их носители в своем сознании переходят к конкретным действиям для разрешения этих выдуманных противоречий.

Подходы к анализу кризисов

В современной научной и аналитической литературе, посвящённой анализу кризисов и методологии этого анализа, не уделяется серьёзное внимание исследованию противоречий в развитии СЭС, отражающих несовершенство социальных, экономических, производственных отношений. При анализе различных экономических и финансовых кризисов исследование, как правило, не идёт дальше изучения технологий управления финансами, институтов кредитования, торговли и т. п. [4–11] Так, в работе [12] рассматриваются подходы к анализу причин «азиатского» кризиса 1997 г. Первый подход в качестве основной причины выделяет предоставление государственных гарантий под кредитование. Второй подход построен на признании нестабильности как свойства, имманентно присущего финансовой системе. В соответствии с

этим подходом к анализу кризис возник вследствие возникших панических настроений иностранных инвесторов. В соответствии с выводами подобных подходов можно рекомендовать различные «технические», институциональные меры, например, ужесточение правил государственных гарантий, введение гибкого курса валют и др. Однако, это частные меры, которые могут оказаться неэффективными в других конкретных ситуациях и, кроме того, не гарантируют невозможность наступления кризиса.

В работе [9, с. 5] на основе теоретического обобщения методов борьбы с экономическими кризисами, используемых школами монетаризма и кейнсианства, сделан вывод, что современные институты регулирования используют ограниченный набор рычагов государственного регулирования симптомов, рассматривают только экзогенные причины кризисов. Для их устранения первые ограничиваются увеличением денежных средств в экономике, а вторые – мерами фискальной политики.

За пределами экономической науки и экономики предлагается искать причины перманентного с 2008 г. мирового экономического кризиса [13, с. 9], в частности, потому что вопросы гипертрофированного индивидуального потребления лежат в области и социальной психологии, и социологии, и культуры.

В целом предлагаемые исследователями и экспертами меры не устраняют более глубокие причины кризиса, вытекающие из противоречий между денежным и товарным оборотом, интересами увеличения прибыли, расширения долей рынка в конкурентной борьбе и целесообразным потреблением, предложением и платежеспособным спросом, между различными владельцами активов, например, финансовых и производственных, между общественным характером производства и частным характером присвоения и распоряжения его результатами и т. д.

Как отмечают эксперты, несмотря на принимаемые даже нестандартные меры восстановления и поддержания ведущих экономик мира, включая поддержание ликвидности, отрицательные процентные ставки и др. [14], для устранения последствий глобального кризи-

са 2008–2009 гг. обеспечить приемлемые темпы роста экономик не удастся.

Глубже исследуют экономические кризисы последователи мир-системного подхода, рассматривая глобальный капитализм как неоднородную систему, развивающуюся через эксплуатацию развитыми странами (центром) отсталых стран (периферии). При таком подходе исследуются диспропорции, по сути противоречия, между глобализмом и локальными (национальными интересами), локализацией создания доходов и их присвоением в «центре», предложением и возможностью потребления, объемом финансовых ресурсов и производственных активов и др. [15].

В работе [16, с. 11] выделяется ряд черт системного кризиса в экономике, связанных со структурными изменениями, политическими, технологическими изменениями, сменой экономических доктрин и т. п. Этот подход лишь подтверждает, что выход из кризиса требует перестройку системы. Однако и он не вскрывает фундаментальные причины кризиса, связанные с внутренними противоречиями. В указанной работе высказывается гипотеза о потенциальной продуктивности использования идеи больших циклов конъюнктуры Н. Д. Кондратьева.

В другом исследовании [17, с. 18] показано, что интервалы между циклами сокращаются, т. е. мировая экономика движется к постоянному кризисному состоянию, не преодолемому с помощью используемых подходов модернизации финансовой архитектуры, технологических укладов, моделей управления экономикой в рамках сохранения основных отношений в системе производительные силы и производственные отношения. В этой же работе показано, что динамика возникновения кризисов не сфазирована с циклами Кондратьева, т. е. не объясняется волновой неустойчивостью рыночной конъюнктуры.

В работе [18] приводятся перечни факторов качественной оценки системных кризисов для федерального, регионального и отраслевого уровней СЭС, выбранные экспертным методом. Эти перечни подтверждают высказанное выше утверждение, касающееся анализа мировых кризисов, о преимущественно поверхностном подходе исследователей к анали-

зу кризисов. Некоторые из указанных факторов носят весьма расплывчатый характер, как, например, «низкий уровень стратегического управления», и в предлагаемом виде не пригодны для проведения конкретного анализа на качественном уровне, тем более для количественного анализа. Прослеживается тенденция включить в число факторов кризиса все потенциально негативные факторы без учёта их взаимосвязи, например, «устаревшие технологии производства» и «низкая производительность труда». В то же время игнорируются мотивы действий как управленцев, так и субъектов экономической деятельности, противоречия между центром и регионами, муниципалитетами.

В работе [19] всесторонне исследуется кризис в России в 2020 г. и предлагаются сценарии выхода из него, включающие не только экономические меры. Это приближает анализ к системному исследованию СЭС России, однако логику анализа можно назвать уникальной. В его методологии не акцентированы отношения, которые можно было бы инструментализировать для исследования других социально-экономических кризисов.

Методологические основания анализа кризисов

Важной проблемой является возможность предсказания, прогнозирования кризисов. Однако здесь учёные расходятся не только в методах их предсказания, но даже в самой возможности предсказания [20]. Идею принципиальной непредсказуемости кризисов развивал Н. Талеб [21]. Ее поддерживают и некоторые другие исследователи [22]. Однако подобный аналитический пессимизм ошибочен и свидетельствует об игнорировании системного подхода и диалектики.

Следует, конечно, признать, что могут существовать частные случаи противоречий, которые нарастают настолько быстро, что их почти невозможно вовремя заметить и тем более отреагировать на них, например, пандемия или природный катаклизм. Детонатором («чёрным лебедем» по Талебу) для лавинообразного развития кризисной ситуации может послужить само по себе незначительное событие, однако такая лавина возможна только потому, что все объективные условия для кри-

зиса уже сложились, противоречия достигли критического уровня терпимости. Детонатор в каждом случае может быть свой и именно его предсказать сложно или невозможно, также как время и место его срабатывания.

Здесь проявляется диалектика всеобщего, особенного и конкретного. Внутренние или внешние противоречия, связанные с объективным развитием системы и её объективным несовершенством, описываются всеобщими фундаментальными законами общественного развития, сменой технологических укладов. Особенности противоречий в той или иной экономике, в тех или иных исторических условиях определяются особенностями национальной культуры, историческими обстоятельствами, экономической структурой, развитием производительных сил в различных секторах хозяйственной деятельности конкретной социально-экономической системы (национальной экономике или её отрасли). В то же время конкретный кризис возникает в результате конкретных, в общем не повторяющихся или не полностью повторяющихся и невоспроизводимых условий, в результате каких-то субъективных действий хозяйствующих субъектов, активных «игроков» финансовых рынков, управленческих решений государственных органов, технических изобретений, наконец, случайных событий. В результате таких событий в определённой части экономической системы нарушается устойчивость, которую в силу предкризисного состояния экономической системы, отсутствующего запаса её прочности и волатильности различных рынков и цен невозможно восстановить. При возникновении кризиса нарушение (разбалансировка) взаимодействия и обмена между элементами экономической системы, оказавшихся подверженными конкретному событию-детонатору, быстро транслируется по всей сети отношений в системе.

Поскольку сложно, скорее, невозможно, достаточно предсказать событие-детонатор, то невозможно или сложно предсказать конкретное начало развития кризисной ситуации, главное, время и место её развёртывания во времени и в экономическом пространстве. Очевидно, что развёртывание в нем приводит и к распространению по территории.

В. А. Шишкин, исследуя кризисы военного самосознания общества, исходит из общих положений определения кризиса, как особой формы разрешения противоречий, с которыми тесно связаны законы рождения, функционирования и превращения форм в природе и обществе [23, с. 34]. Он формулирует правило: «глубина действия и масштаб охвата противоречий внутри общественных объектов соответствует уровню действия законов и принципов. Чем больше степень независимости противоречий от сознания, тем шире действие закона. Чем больше зависимость от сознания и деятельности человека, тем больше принципы управления зависят от искусства их применения человеком». Из этого правила вытекает необходимость мониторинга отношений в системе в целях выявления зарождающихся противоречий на элементарном уровне, сущностный анализ природы этих противоречий, динамики и направлений их развития. Лишь после анализа возможен творческий синтез управляемых сознанием и волей изменений в системе или её отношений со средой.

Кризис в организационной системе не снимается сам собой, он ликвидируется в результате сознательной деятельности. Это отражено и в упомянутом выше лексическом анализе медиадискурса – лексема «кризис» в роли подлежащего употребляется с глаголами, отражающими начало, продолжение, но не завершение. Здесь необходимо отметить, что в социально-экономической системе в отсутствие достаточно активной сознательной деятельности кризис разрешится, скорее всего, не перестройкой системы, а её разрушением. Это связано с тем, что разрушение связей происходит лавинообразно, экономика деградирует до состояния экономики физических лиц (по определению Г. Б. Клейнера). Сами эти лица, оказавшись вне связей, начинают действовать исходя из стремления выжить лично. На обломках СЭС элементы и их подмножества, лишившись (или освободившись от) прежних связей неизбежно вступят в какой-либо процесс самоорганизации, однако какой именно будет этот процесс, в каком направлении и с какой целью он пойдёт, будет зависеть от того, какой направленности окажется наиболее сильный импульс этой самоорганизации.

Для любого выявленного противоречия необходимо установить те противоречия, которые являются первичными для данного вплоть до элементарных. Элементарные противоречия возникают при элементарных (неразложимых) отношениях и между элементарными (недекомпозируемыми) элементами. В практике элементарность не носит абсолютный характер и определяется уровнем объективного или субъективного незнания о содержании объектов и отношений, принимаемых за элементарные, или целесообразной детальностью анализа кризиса.

Исследование онтологии противоречий в направлении элементарности («влево») осуществляется до минимизации энтропии об отношениях между элементами системы, напротив, исследование в направлении последствий («вправо») целесообразно до уровня максимизации энтропии, т. е. до такого уровня проникновения в пространственно-временной континуум последствий, пока можно объективно высказать какие-либо определённые суждения об этих последствиях.

Серьёзность последствий кризисной ситуации служит критерием для выделения ресурсов на её устранение, а изменение модели управления и объёмы требуемых ресурсов определяются, как прогнозируемыми последствиями кризиса, его содержанием, противоречиями, которые привели к кризису, так и элементами, и отношениями экономической системы, затронутыми кризисом.

Для организации мониторинга кризисов, выбора шаблонов или типов моделей управления кризисными ситуациями необходима их классификация. Она позволяет распределить ресурсы, в т. ч. интеллектуальные и информационные, по различным институтам преодоления кризиса, очертить внутренние возможности его преодоления, проводить анализ глубины противоречий в системе, которые должны разрешаться для ликвидации и предотвращения кризиса.

Первым, причем не по порядку перечисления, а по использованию в качественном анализе кризисов, основанием кризиса является его системность [5, с. 140]:

– ситуационный кризис, т. е. кризис, вызванный конкретными воздействиями на эко-

номическую систему, например, санкции, падение цен на экспортный товар, природная катастрофа, ошибка управления, спекулятивные действия крупных участников финансового рынка и т. д.;

– системный кризис, вызванный накопившимися противоречиями вследствие, того, что структура системы (экономики) не отвечает задачам, стоящим перед ней, социально-экономические отношения в системе не отвечают гармонии интересов субъектов экономической деятельности и социальных групп, не стимулируют развитие экономики и т. п.

Ситуативные кризисы могут быть ликвидированы путем применения конкретных мер в относительно короткие сроки (от месяцев до 1–2 лет). Системные кризисы требуют серьёзных экономических реформ, охватывающих всю экономику, перестроение структуры системы и системы отношений в ней. Они могут продолжаться на протяжении периода, превышающего период законодательно определённого стратегического планирования (6 лет). Необходимо отметить, что деление кризисов на ситуативные и системные носит в определенной мере условный характер, поскольку любой ситуативный кризис возникает вследствие структурного несовершенства СЭС. Если реагировать только ситуативно, то ситуативные кризисы будут возникать снова и снова. Классификация на ситуативные и системные кризисы целесообразна для рационального сочетания мер предотвращения и ликвидации кризиса: оперативных и стратегических. За каждым ситуативным кризисом необходимо видеть несовершенство системы и её внутренние и внешние противоречия и, соответственно, определять в какой мере системные недостатки, несовершенства могут способствовать реализации причин для возникновения ситуативного кризиса.

Вторым основанием классификации является содержание противоречий. Противоречия в СЭС могут возникать в форме дисбалансов всевозможных ресурсов, конфликта интересов, дисфункций институтов в составе СЭС. Частными формами противоречий могут быть:

- перепроизводство,
- дефицит,
- институциональные ограничения, в т. ч. экологические,
- разрыв продуктовых цепочек;
- неплатежеспособность субъектов экономической деятельности;
- дефицит ликвидности в банковской системе;
- социальная напряжённость.

Третье основание – степень реализованности (стадия, включая предкризисное развитие ситуации, см. выше).

Четвёртое основание – масштаб кризиса в отраслевом разрезе (сектор рынка, отрасль, совокупность отраслей экономики) и территориальном (субъект Федерации, федеральный округ или совокупность субъектов Федерации, Россия, мировой регион, глобальный).

Пятое основание – источник противоречий, приведших к кризису: внешняя среда, внутренние факторы, субъекты экономической деятельности или государственные и (или) общественные институты.

Шестым основанием для классификации является характер последствий.

Часто исследователи в качестве последствий кризиса выделяют сокращение производства, поскольку производство является первостепенной задачей экономики. Падение производства выражается в невозможности удовлетворить национальные потребности, как общественные, так и домашних хозяйств в конкретной продукции. Кроме того, падение производства всегда сопровождается падением уровня жизни, поскольку сокращается и фонд заработной платы, и налоговая база.

Интерпретация кризиса зависит от контекста и может толковаться по-разному [24]. Под контекстом понимается экономический, политический, социальный и др. контексты. Независимо от контекста кризису всегда предшествует кризисная ситуация. Распознавание кризисной ситуации является основной задачей антикризисной системы управления. Все решения антикризисного управления принимаются в условиях высокой неопределённости.

Кризис, как явление, или фактор существования системы имеет прямое отношение к онтологии проблематики безопасности организационных систем [2]. Кризис фактически является векторным ущербом, характеризуемым рядом параметров-индикаторов. Противоречие в этом контексте можно рассматривать, как отношение между угрозой и потенциалом обеспечения безопасности, его конкретных сил и средств, отряженных для нейтрализации или противодействия угрозам конкретного типа. Противоречие может и само представлять угрозу, например, противоречие между интересами различных субъектов экономической деятельности или их групп. Так, существует противоречие между собственниками средств производства и трудящимися, которые используют непосредственно эти средства для производства продукции. Обобщённая схема онтологии кризиса представлена на рисунке 1.

Здесь внешние противоречия связываются только с наличием субъекта взаимоотношений, поскольку это имеет практическое значение. Источники рисков, противоречий, не являющиеся субъектами, например, стихийные бедствия не рассматриваются как внешние. Они включаются в общее информационное пространство функционирования системы и влияют на дисбалансы, соотношения намерений и возможностей.

Внутренние противоречия, как отмечено выше, рассматриваются в трёх видах:

– конфликт интересов между различными элементами, составляющими систему;

– дисбаланс различных ресурсов в самом широком смысле, в т.ч. профессиональных трудовых ресурсов;

– неадекватность отношений между элементами их состоянию, предназначению, интересам (целям), например, между уровнем общественных отношений и развитием производительных сил в экономике.

Несмотря на разнообразие кризисов можно сформулировать задачи аналитического обеспечения антикризисного управления, имеющие общее применение, поскольку отражают существо кризиса, как системного явления:

1) выбор и представление параметров-индикаторов состояния СЭС;

2) построение когнитивной (факторной) модели СЭС и распространение ущербов;

3) перечень внутренних противоречий и противоречий системы с внешней средой, формирующих угрозы возникновения рисков событий, приводящих к ущербу;

4) идентификация кризиса в системе их классификации;

5) описание источников и носителей противоречий;

6) разработка или выбор моделей прогнозирования распространения ущерба по элементам факторной модели;

7) оценка риска кризисной ситуации;

8) поиск аналогий кризисов в базе знаний кризисов.

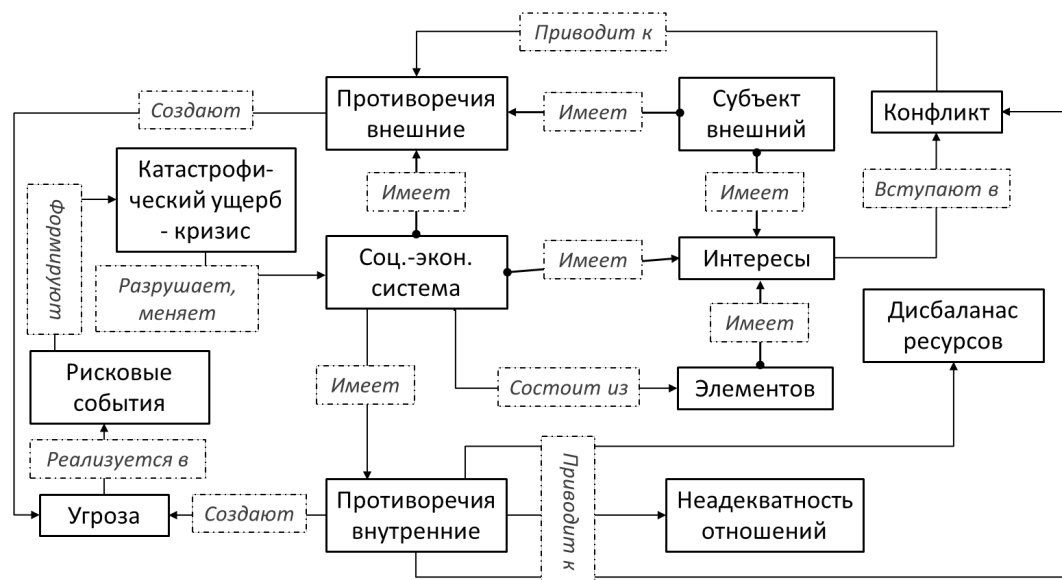

Рисунок 1 – Обобщённая схема онтологии кризиса
Figure 1 – Generalized scheme of the crisis ontology

Для выполнения описанных задач необходимо создание системы мониторинга всех возможных проявлений кризисной ситуации. Система мониторинга должна наблюдать выявленные экспертами показатели и индикаторы. В системе мониторинга должны быть проработаны вопросы полноты и достоверности данных, а также оперативности (своевременности) получения информации для принятия управляющего воздействия по нейтрализации кризисной ситуации и удержания СЭС в заданных параметрах [25].

Неблагоприятная ситуация, которая может идентифицироваться, как кризисная (возможно, предположительно), воспринимается таким образом по некоторым параметрам, которые не соответствуют либо нормативным, либо ожидаемым. В этом случае составляется информационный образ ситуации, описываемый рядом параметров, которые позволяют судить об устойчивости системы и её способности выполнять своё предназначение (поставленные перед ней задачи). Проводится сопоставление значений этих параметров с желаемыми (ожидаемыми) или нормативными.

Для выявления и описания содержания внутренней динамики системы или её отношений с внешней средой, причин возникновения кризиса (признаков кризиса), прогноза развития ситуации необходимо построить факторную модель внутренних отношений системы, содержания её функционирования, взаимоотношений с внешней средой [25, 26]. Фак-

торная модель позволяет выявить, зафиксировать и описать отношения между элементами системы (субъектами и объектами), выявить значимые факторы (результаты, условия) этих отношений.

В основе всех действий в организационной системе лежат интересы субъектов. В связи с этим с помощью факторной модели, в первую очередь, необходимо составить вектора интересов для каждого субъекта-элемента системы, в случае анализа взаимоотношений с внешним миром – субъектов внешнего мира, взаимодействующих (влияющих) с рассматриваемой системой. При этом под интересами могут выступать в т. ч. задачи, которые возложены на элемент системы системой в целом. Элемент стремится выполнить свои обязанности, оправдать ожидания и т. п.

Для каждого субъекта устанавливаются необходимые ресурсы для удовлетворения его интересов. Определяется наличие ресурсов. Ресурс здесь имеет широкое значение. С помощью факторной модели анализируются балансы входных и выходной потоков в узлах факторной модели, потребности и возможности.

Информация об интересах субъектов, входящих в систему (или взаимодействующих с ней), отношение этих субъектов к источникам ресурсов, а также балансы ресурсов позволяют выносить суждения о конфликтах интересов. Последние, зачастую являются причиной противоречий. Необходимо определять точки пересечения этих интересов в пространстве

Рисунок 2 – Общая методологическая схема анализа кризисов
Figure 2 – General methodological framework for the analysis of crises

функционирования их носителей и в пространстве ресурсов. Очевидно, что необходимость распределения ресурсов – основа для конфликта интересов. При этом даже конфликт интересов элементов может быть разрешён в рамках системы, если функционирование элементов и использование ими ресурсов осуществляется в интересах системы в целом под контролем системы управления функционированием системы.

Противоречия также могут возникать из-за неадекватности отношений между объектами и субъектами системы задачам поддержания гомеостаза системы и (или) её развития. Эта неадекватность может проявляться и как несоответствие содержания и интенсивности отношений (вектор обмена различными ресурсами, включая информацию, управленческие сигналы и сигналы обратной связи и т. д.). Другими словами, прежние отношения не могут поддерживаться (разрушаются), потому что изменился хотя бы один из взаимодействующих элементов системы. Могло измениться его устройство, значения каких-то параметров, состав функций и возможностей, подмножество взаимодействующих элементов. Если в данном случае под элементом выступает субъект, то могли измениться его интересы. Изменения интересов взаимодействующих субъектов может приводить к возникновению конфликта интересов.

Наиболее простой и очевидной формой противоречий является дисбаланс ресурсов.

Необходимо учитывать причинно-следственные связи противоречий и проникать в первичные противоречия, как было отмечено выше. В связи с этим в процессе анализа может уточняться, дополняться, детализироваться факторная модель. Весь процесс анализа является итерационным.

Анализ проводится в целях оценить развитие изменений в системе и необходимые ресурсы для приведения системы в требуемое состояние, придание ей желаемой динамики развития по направлению и темпу. Для этого в процессе анализа и выявления противоречий необходимо сопоставлять возможности по разрешению противоречий на различных уровнях глубины их анализа. В некоторых случаях может не быть возможности разре-

шить первичные противоречия, тогда придется разрешать их противоречия-следствия. Однако в этом случае нужно учитывать, что противоречия-причины будут вновь порождать противоречия-следствия. Анализ носителей противоречий позволяет оценить требуемые ресурсы и способы их применения для разрешения противоречий.

Для анализа кризисов необходимо применять передовые решения в сфере информационно-коммуникационных технологий [27]:

- создание унифицированных платформ информационных и управляющих систем;
- использование технологии «big data», в т. ч. нейротехнологий;
- разработка когнитивных технологий обработки неструктурированных данных;
- развитие методов искусственного интеллекта;
- расширение применения «облачного» хранилища информации;
- развитие интерфейса «человек – машина»;
- развитие систем обеспечения информационной безопасности защиты.

Задачи количественного анализа кризиса

Количественная оценка кризиса, как любого социально-экономического явления имеет ограниченное применение по следующим причинам:

- количественная оценка, как правило, весьма приблизительно отражает содержание кризиса, ввиду нестохастической неопределенности состояния СЭС, наличия трудно формализуемых характеристик;
- в практике анализа и принятия решений зачастую для классификации кризиса и принятия решения достаточно провести качественный анализ, который показывает, что система не выполняет свои функции.

В то же время количественные оценки используются при обосновании решений по распределению всегда ограниченных ресурсов.

К тому же, учитывая многообразие форм и конкретных реализаций проявления кризисов невозможно построить универсальную количественную модель, пригодную для всех кризисов или хотя бы их группы.

Однако целесообразно наметить направления разработок методологического и методи-

ческого обеспечения количественного анализа различных кризисных ситуаций, которые могли бы использоваться при анализе конкретных кризисных ситуаций, как базовые модели, требующие уточнения и развития применительно к конкретным задачам анализа. Методологии количественной оценки, которая подлежит конкретной реализации в формализованных моделях при анализе каждого конкретного кризиса, должна включать:

– методологию количественной оценки существующих в системе противоречий, а также противоречий с окружающей средой. Для этого может быть предложен методический подход, основанный на вычислении расстояний в пространстве интересов с использованием экспертных оценок и теории полезности;

– построение факторной модели на основе методологии, разработанной для анализа проблем экономической безопасности [26], в т. ч. с выходом на динамику изменения основных параметров-индикаторов, характеризующих кризис;

– построение моделей оценки неопределенности прогноза развития противоречий и различных аспектов кризисной ситуации на основе оценки энтропии прогноза.

Кроме того, необходима общая постановка задачи оценки взаимного влияния факторов (противоречий) на основе частных предметных моделей, которые должны быть использованы в информационной технологии анали-

за кризиса на основе факторной модели. Такая модель может быть построена на основе модели распространения ущерба [1, с. 187].

Заключение

Исследование общих закономерностей кризисов позволяет сделать вывод, что кризис – закономерное явление динамики любой системы, связанное с возникновением противоречий внутри системы и ее взаимоотношений с внешней средой. Глубина кризиса зависит от того, насколько своевременно и детально были исследованы и сняты указанные противоречия. В качестве технологического инструментария эффективными должны быть факторные модели. При этом важнейшим аспектом исследования кризисов является выявление субъектов, включенных во внутренние и внешние отношения системы, обнаружение и анализ конфликта интересов между субъектами. Факторные модели могут быть основой для разработки адаптивных информационно-аналитических технологий исследования кризисов, в т. ч. в условиях распределенной системы ситуационных центров. Такие технологии должны быть открытыми, включать игровые и прогнозные модели, допускать подключение частных моделей поведения различных субъектов и объектов с помощью универсальных интерфейсов на уровне пользователя, информационного, лингвистического и программного обеспечения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника : Монография / кол. авторов ; под ред. С. Н. Сильвестрова. Москва : РУСАЙНС, 2017. 350 с.

2. Трошин Д.В. (2014). Онтология безопасности: парадигма существования // «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». № 23 (260). С. 40–48.

3. Чуйко Д.В. (2017). Особенности репрезентации концепта «кризис» в российском медиадискурсе на примере репрезентантов «кризис» и «упадок» // Актуальные проблемы языкознания. Т. 1. С. 231–235.

4. Швецов А.В. (2016). Природа финансового кризиса на примере азиатского кризиса 1997 г. // Инновационное развитие экономики. № 3 (33). Т. II. С. 45–48.

5. Сутягин В.Ю., Карпунина Е.К., Радюкова Я.Ю., Колесниченко Е.А. (2016). Уверенной поступью от кризиса к кризису или языком статистики о российской экономике // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 4 (55). С. 134–142.

6. Демченко О.С., Стрижак С.Ю. (2016). Современный кризис в экономике России как следствие кризиса 2008 года // Достижения вузовской науки. № 25-2. С. 111–116.

7. Юдина И.Н. (2016). Банковская система России: развитие от кризиса до кризиса // Финансовые исследования. № 3 (52). С. 31–37.

8. Сиразетдинова А.А., Насибуллина А.И. (2018). Особенности кризиса российской экономики и пути выхода из кризиса // Устойчивое развитие науки и образования. № 3. С. 54–57.

9. Гончаренко А.П. (2018). Институциональ-

но-этическая модель экономических кризисов на примере мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 9 (115). С. 38.

10. Rozmainsky I., Rodionova T. (2021). The financial fragility hypothesis and the debt crisis in Italy in the 2010s, *Terra Economicus*, vol. 19, no. 1, pp. 6–16. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-6-16.

11. Улюкаев А., Мау В. (2015). От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию // Вопросы экономики. № 4. С. 5–19.

12. Швецов А.В. (2016). Природа финансового кризиса на примере азиатского кризиса 1997 г. // Инновационное развитие экономики. № 3 (33). Т. II. С. 45–48.

13. Юмаев Е.А. (2018). Мировой экономический кризис и кризис экономической теории // Проблемы обеспечения экономической и информационной безопасности : Материалы межвузовской научной конференции. Электронное научное издание сетевого распространения. С. 9–11.

14. Ершов М.В. (2019). Кризис?! Какой кризис? // Экономические стратегии. Т. 21. № 2 (160). С. 56–59.

15. Дзарасов Р.С. (2019). Глобальная структура накопления капитала и капиталистическая мир-система // Новая экономика: институты, инструменты, тренды : Материалы всероссийской научно-практической конференции ; в 3-х ч. ; под ред. О. В. Пилипенко, С. Ю. Глазьева, А. Э. Айвазова, А. Г. Зайцева, Н. В. Спасской, Е. В. Такмаковой. С. 77–82.

16. Улюкаев А.В., Мау В.А. (2015). Глобальный кризис и вызовы экономической политики современной России / О мерах по преодолению кризисных процессов в экономике России. М. : Издание Государственной Думы. 320 с.

17. Сулакшин С.С. (2014). Глобальные тенденции социального паразитизма / Глобальный социальный паразитизм (к 100-летию Федеральной Резервной Системы США) : Материалы Международной научно-общественной конференции (Москва, 19 декабря 2013 г.). Центр научной политической мысли и идеологии. М. : Наука и политика. 416 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Трошин Дмитрий Владимирович – кандидат технических наук; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-кт, 49); giopur2@yandex.ru.

18. Петров П.А., Соколова В.Ю. (2018). Формирование модели прогнозирования кризисных ситуаций на микроуровне // Вестник СамГУПС. № 4 (42). С. 53–58.

19. Полбин А.В., Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В. (2020). Экономический кризис 2020 г.: причины и меры по его преодолению и дальнейшему развитию России // Вопросы экономики. № 6. С. 5–21.

20. Решетникова И.А. (2020). Кризис-2020: неожиданность, спланированная дестабилизация экономики или ее циклическое развитие? // *Master's Journal*, № 2. С. 158–168.

21. Талей Н.Н. (2012). Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп. ; пер. с англ. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус.

22. Энтов Р.М., Гайдар Е.Т. (2009). Некоторые проблемы исследования деловых циклов. Финансовый кризис в России и в мире. М. : Проспект. С. 6–42.

23. Шишкин В.А. (2021). Проблемы развития военного самосознания России и Германии в XIX–XX веках: социально-философский и антропологический анализ : Монография. М. : Издательство «Научные технологии». 608 с.

24. Цыгичко В.Н., Черешкин Д.С., Смолян Г.Л. (2018). Анализ и оценка негативных последствий стратегических решений в организационных системах // Труды Института системного анализа Российской академии наук (ИСА РАН). Т. 68. Вып. 1. С. 3–23.

25. Селиванов А.И., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В. (2019). Мониторинг экономической безопасности России: полимодельный подход к методическому обеспечению : Монография. М. : Научные технологии. 294 с.

26. Трошин Д.В. (2019). Методика анализа рисков и угроз экономической безопасности в социально-экономической системе на основе факторной модели // *Онтология проектирования*. Т. 9. № 2 (32). С. 239–252. DOI: 10.18287/223-9537-2019-9-2-239-252.

27. Охотский Е.В. (2017). Информационно-коммуникационные технологии в государственном управлении: состояние, планы, перспективы // *Коммуникология. Международный журнал*. № 1. С. 195–203.

METHODOLOGICAL BASIS FOR ANALYSIS OF CRISES OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

D.V. Troshin^{2a}

^aFinancial University under the Government of the Russian Federation

ABSTRACT:

The current state and development of socio-economic systems of any scale is characterized by many interconnected crisis situations in the economic, social and cultural spheres. The complexity of the phenomenon requires the development of an appropriate methodology on the basis of which it is possible to develop analytical technologies and create adaptive tools for analyzing various crisis processes. There is currently no such methodology. The analysis of crises is unique in each case and does not affect the root causes hidden in the laws of the development of organizational systems. Economic and financial crises are generally considered only at the level of relations between economic factors. In the article, the crisis is considered to be an element of a holistic process of the emergence of contradictions: the pre-crisis situation, the crisis, the resolution of the crisis. The crisis is also analyzed in relation to security issues, it is embedded in the ontology of this issue. The methodological basis for the analysis of the crisis is dialectics. The paper provides a classification of crises according to various grounds at the application level, and makes a typical scheme of crisis analysis at a qualitative level. It is advisable to use factor models for the qualitative analysis that can identify conflicts of interest. The development of a universal apparatus for quantitative analysis of crises at the practical level is problematic due to their wide variety and complexity of systemic links. However, common approaches can be developed on the basis of factor models and probabilistic models of the spread of damage. It is possible to conduct a quantitative analysis of conflicts of interest, as well as a comprehensive assessment of the depth of the crisis for management tasks related to the rational allocation of resources for crisis management.

FUNDING: The article is based on the results of research conducted at the expense of the state assignment of the Financial University.

KEYWORDS: crisis, analysis, methodology, contradictions, dialectics, socio-economic system, ontology, factor model.

FOR CITATION: Troshin D.V. (2021). Methodological basis for analysis of crises of socio-economic systems, *Management Issues*, no. 4, pp. 20–32.

REFERENCES

1. Silvestrov E.D. (ed.) (2017). Economic security of Russia: methodology, strategic management, system equipment. Monograph. Moscow, RUSAINS. 350 p.
2. Troshin D.V. (2014). Safety ontology: existence paradigm, *National Interests: Priorities and Security*, no. 23 (260), pp. 40–48.
3. Chuyko D.V. (2017). Features of the representative of the concept of “crisis” in the Russian media discourse on the example of the representative of the “crisis” and “decline”, *Actual problems of linguistics*, vol. 1, pp. 231–235.
4. Shvetsov A.V. (2016). The nature of the financial crisis on the example of the Asian crisis of 1997, *Innovative economic development*, no. 3 (33), vol. II, pp. 45–48.
5. Sutyagin V.Yu., Karpunina E.K., Radyukova Ya.Yu., Kolesnichenko E.A. (2016). A confident point of the crisis to the crisis or language of statistics on the Russian economy, *Bulletin of the North Caucasus Federal University*, no. 4 (55), pp. 134–142.
6. Demchenko O.S., Strizhak S.Yu. (2016). The modern crisis in the Russian economy as a conse-

²RSCI AuthorID: 669030, ORCID: 0000-0001-8549-6372

quence of the 2008 crisis, *Achievements of university science*, no. 25-2, pp. 111–116.

7. Yudina I.N. (2016). Banking system of Russia: development from the crisis to the crisis, *Financial research*, no. 3 (52), pp. 31–37.

8. Sirazetdinova A.A., Nasibullina A.I. (2018). Features of the crisis of the Russian economy and the way out of crisis, *Sustainable development of science and education*, no. 3, pp. 54–57.

9. Goncharenko A.P. (2018). An institutional-ethical model of economic crises on the example of the global economic crisis 2008–2009, *Economic systems management: e-Journal*, no. 9 (115), p. 38.

10. Rozmainsky I., Rodionova T. (2021). The financial fragility hypothesis and the debt crisis in Italy in the 2010s, *Terra Economicus*, vol. 19, no. 1, pp. 6–16. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-6-16.

11. Ulyukaev A., Mau V. (2015). From the economic crisis to economic growth, or how not to give the crisis to turn into stagnation, *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 5–19.

12. Shvetsov A.V. (2016). The nature of the financial crisis on the example of the Asian crisis of 1997, *Innovative economic development*, no. 3 (33), vol. II, pp. 45–48.

13. Yumaev E.A. (2018). The global economic crisis and the crisis of economic theory. In: Proceedings of the Inter-University Scientific Conference. “Problems of Economic and Information Security”. Electronic scientific publication of network distribution, pp. 9–11.

14. Ershov M.V. (2019). A crisis?! What crisis? *Economic strategies*, vol. 21, no. 2 (160), pp. 56–59.

15. Dzarasov R.S. (2019). Global capitalist accumulation structure and capitalist world-system. In: Pilipenko O.V., Glazyev S.Yu., Ayvazov A.E., Zaitsev A.G., Spasskaya N.V., Takmakova E.V. (eds.) Proceedings of the Russian Scientific and Practical Conference “New Economy: Institutions, Tools, Trends” (in 3 vol.), pp. 77–82.

16. Ulyukaev A.V., Mau V.A. (2015). The global crisis and challenges of the economic policy of modern Russia / On measures to overcome crisis processes in the Russian economy. Moscow, Edition of the State Duma. 320 p.

17. Sulakshin S.S. (2014). Global Trends of Social Parasitism. In: Proceedings of the International Sci-

entific and Public Conference “Global Social Parasitism (to the 100th anniversary of the US Federal Reserve System)” (Moscow, December 19, 2013). Center for scientific political thought and ideology. Moscow, Nauka i politika. 416 p.

18. Petrov P.A., Sokolova V.Yu. (2018). Formation of a model for predicting crisis situations at the micro level, *Bulletin of SamGUPS*, no. 4 (42), pp. 53–58.

19. Polbin A.V., Sinelnikov-Murylev S.G., Trunin P.V. (2020). Economic crisis 2020: Causes and measures to overcome it and further development of Russia, *Voprosy Ekonomiki*, no. 6, pp. 5–21.

20. Reshetnikova I.A. (2020). Crisis-2020: surprise, planned destabilization of the economy or its cyclic development? *Master's Journal*, no. 2, pp. 158–168.

21. Taleb N.N. (2012). Black Swan. Under the sign of unpredictability. 2nd ed., add. ; (trans. from English). Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus.

22. Entov R.M., Gaidar E.T. (2009). Some problems of studying business cycles. Financial crisis in Russia and in the world. Moscow, Prospekt, pp. 6–42.

23. Shishkin V.A. (2021). Problems of the development of military self-consciousness of Russia and Germany in the XIX-XX centuries: socio-philosophical and anthropological analysis. Monograph. Moscow, Publishing House “Nauchnye Tekhnologii”. 608 p.

24. Tsygichko V.N., Chereshekin D.S., Smolyan G.L. (2018). Analysis and assessment of the negative consequences of strategic decisions in organizational systems, Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences (ISA RAS), vol. 68, vol. 1, pp. 3–23.

25. Selivanov A.I., Starovoytov V.G., Troshin D.V. (2019). Monitoring the economic security of Russia: a raised approach to methodological support. Monograph. Moscow, Nauchnye Tekhnologii. 294 p.

26. Troshin D.V. (2019). Methods for analyzing risks and threats to economic security in the socio-economic system based on a factor model, *Ontology of design*, vol. 9, no. 2 (32), pp. 239–252. DOI: 10.18287/2223-9537-2019-9-2-239-252.

27. Okhotsky E.V. (2017). Information and communication technologies in the public administration: state, plans, prospects, *Communication. International Journal*, no. 1, pp. 195–203.

AUTHORS' INFORMATION:

Dmitriy V. Troshin – Ph.D. of Engineering Sciences; Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Av., Moscow, 125993, Russia); giopup2@yandex.ru.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

СТАТИСТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА

С.А. Мицек^{1а}, Е.Б. Мицек^{2а}

^аГуманитарный университет

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена статистическому и эконометрическому анализу экспорта России и факторов, определяющих его динамику. Для проведения исследования были использованы динамические ряды данных об объемах экспорта и экспортных ценах, а также эконометрические оценки. Методологической базой исследования послужила созданная авторами эконометрическая макроэкономическая модель России.

На основе российских и международных баз данных авторы доказывают, что экспорт России быстро рос до 2008 г., но затем его темпы замедлились. Удельный вес России в мировой торговле сокращался в последние годы.

Авторы делают вывод, что, несмотря на падение экспортных цен, Россия после 2013 г. наращивала физические объемы экспорта. Падение цен произошло вследствие переполнения мировых рынков сырья, что явилось следствием активного экспорта развивающимися странами. От падения цен в большей степени пострадал экспорт энергетических товаров.

Эконометрические оценки параметров модели, рассчитанные на их основе долгосрочные эластичности основных факторов и мультипликаторы экзогенных переменных показывают, что на величину экспорта наиболее сильное влияние оказывает мировой спрос. При этом эластичность экспорта по ценам и валютному курсу низка. Причиной тому могут быть малые размеры внутреннего российского рынка, особенности фискальной системы России (экспортные пошлины, бюджетное правило), защитные меры импортеров, зависимость экспортных фирм от импорта, повышение внутренних цен на российском рынке и др.

Анализ экспортных пошлин показывает, что их роль как источника доходов бюджета падает. С учетом того, что они искажают ценовую структуру и лишают российских экспортеров зарубежных рынков, авторы рекомендуют постепенный отказ от этого инструмента.

В период пандемии объем российского экспорта и экспортные цены сократились вследствие падения мирового спроса. При этом динамика неэнергетического экспорта показала более высокую устойчивость.

Очевидными решениями для дальнейшего развития экспорта России будет увеличение доли неэнергетических товаров и услуг в его структуре, расширение торговли с Китаем и странами Юго-Восточной Азии. Рост мирового спроса, государственная поддержка экспорта и инвестиций в транспортную и портовую инфраструктуру, постепенная отмена экспортных пошлин, наличие свободных факторов производства будут способствовать его росту.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российский экспорт, цены экспортных товаров, валютный курс, мировой спрос, эконометрические оценки, динамические ряды.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мицек С.А., Мицек Е.Б. (2021). Статистический и эконометрический анализ российского экспорта // Вопросы управления. № 4. С. 34–48.

¹AuthorID РИНЦ: 554121, ORCID: 0000-0001-9503-9132, ScopusID: 57191707257

²AuthorID РИНЦ: 554122, ORCID: 0000-0001-9407-581X

Введение

Статья посвящена анализу динамики экспорта России за период с 2000 по 2020 гг. Такой анализ представляется важным по следующим причинам.

1. Экспорт – важнейший элемент совокупного спроса. Соответственно, он играет ключевую роль в обеспечении работой граждан страны и в повышении их благосостояния.

2. Экспорт – главный источник валютных поступлений, определяющий курс национальной валюты, импортные и инвестиционные возможности страны.

3. Конкуренция на экспортных рынках заставляет отечественные компании осваивать новые технологии и повышать качество продукции.

Проблемам внешней торговли посвящено достаточное количество теоретических и прикладных работ. Всемирно известен фундаментальный труд *P. R. Krugman, M. Obstfeld, M. J. Melitz* [1], обзор теорий торговли и их практического применения представлен в работах *A. Deardorff* [2] и *R. W. Jones, J. P. Neary* [3], из литературы на русском языке упомянем труд *П. Х. Линдберта* [4].

Исследованию экспорта разных стран посвящены работы [5–11]. Российский экспорт как целое изучается в работах [12–19]. Ряд трудов посвящен экспорту отдельных продуктов из России: нефти и других энергоресурсов [20–24], металлопродукции [25], сельскохозяйственной продукции [26–31], удобрений [32–34] и продукции лесной промышленности [35]. В работах [36; 37] рассматривается экспорт российского ВПК.

Большая часть этих работ, однако, не дают эконометрических оценок и не анализируют подробно динамические ряды за длительный период. Поэтому задачами нашей статьи являются следующие:

- 1) дать общую картину российского экспорта последних двадцати лет;
- 2) определить основные факторы, на него влияющие, в рамках последней версии авторской макроэкономической эконометрической модели экономики России (см. [38]);
- 3) сформулировать предложения по дальнейшему развитию экспорта России.

Методологической базой представленной работы служит указанная эконометрическая модель, несколько уравнений и тождеств которой составляют внешнеэкономический блок.

Эконометрические оценки экспорта России как части общей модели экономики приводятся, например, в [39; 40]. Но наша модель дает, во-первых, более полную спецификацию факторов, влияющих на экспорт, и переменных внешнеэкономического блока в целом, и, во-вторых, более свежие оценки.

В своем исследовании мы использовали статистические данные с официальных сайтов Федеральной службы государственной статистики, Банка России, Федеральной таможенной службы и группы RIM ИМП РАН. Мы также пользовались данными международных организаций, таких как ООН, Всемирный Банк, Международный валютный фонд, ОЭСР, FAO, Международный торговый центр, и некоторыми другими источниками.

На основе статистических данных из указанных источников были построены динамические ряды объемов экспорта и экспортных цен – как агрегированные, так и по отдельным товарам. Эти ряды сглаживались с помощью фильтра Ходрика – Прескотта, и затем с помощью этой процедуры рассчитывались среднегодовые темпы роста, изменения структуры, стандартные отклонения и прочие аналитические показатели, представленные в статье.

Поскольку авторская модель [38] позволяет рассчитать долгосрочные эластичности объемов экспорта, а также мультипликаторы экзогенных переменных, на их основе был проведен анализ основных факторов, определивших динамику российского экспорта в анализируемый период.

Статья построена следующим образом. Сначала мы даем общую картину динамики и структуры российского экспорта, а затем во втором разделе анализируется его роль в мировой торговле. Третий раздел исследует динамику цен на товары российского экспорта. В четвертом разделе мы представляем результаты эконометрического моделирования экспорта в рамках общей модели экономики России и пытаемся найти объяснение полученных результатов. Пятый раздел кратко анализирует влияние экспортных пошлин, а шестой – пан-

демии на российский экспорт. Седьмой раздел является завершающим и содержит основные выводы по статье.

Макроэкономическая динамика российского экспорта

Основные макроэкономические показатели российского экспорта представлены в таблице 1. Эти данные свидетельствуют, что:

1. За период 2000–2019 гг. физический объем экспорта России вырос в 2,7 раза, а его долларовая ценность – в 6,8 раза. Долларовая ценность экспорта товаров выросла за этот период в 6,5 раза, услуг – в 9,1 раза.

2. Долларовая ценность экспорта нефти за весь указанный период выросла в 13,1 раза, нефтепродуктов – в 16,1 раза, газа – в 3,8 раза, прочих товаров – в 4,7 раза.

3. Рост физических объемов экспорта резко снизился после 2008 г., но заметно оживился после 2013 г. При этом долларовая ценность российского экспорта падала в абсолютном выражении после 2013 г.

4. После 2013 г. экспорт рос быстрее ВВП, сыграв роль локомотива в непростой экономической ситуации.

5. В 2000–2008 гг. рубль укреплялся в реальном исчислении, но экспорт, тем не менее, рос быстрыми темпами. После 2013 г. реальное ослабление рубля способствовало росту экспорта.

6. После 2013 г. долларовая ценность нефтегазового экспорта падала в абсолютном выражении, но долларовая ценность прочего товарного экспорта и экспорта услуг росла.

Анализ долларовой ценности экспорта отдельных товарных групп показал, что в период 2014–2019 гг. сокращение роста в наибольшей степени коснулось продуктов неорганической химии, минерального топлива, руд, рыбы, растительных масел, удобрений, металлов и пластмасс. По таким позициям, как минеральное топливо, химическая продукция, черные и цветные металлы, имело место абсо-

лютное сокращение экспорта. Напротив машиностроительная продукция (за исключением транспортных средств), драгоценные металлы и камни, продовольствие показали рост долларовой ценности экспорта в этот период.

Среди услуг после 2013 г. наиболее высокими темпами продолжал расти экспорт компьютерных и информационных услуг.

Анализ темпов роста физических объемов экспорта³ по отдельным товарным группам показал, что в 2014–2019 гг. они в среднем почти не изменились и по большинству товаров остались положительными, а по многим даже выросли. И это несмотря на общее падение долларовой ценности экспорта. Отрицательные темпы показали только никель, алюминий, железная руда и ферросплавы⁴.

Удельный вес экспорта в ВВП России в текущих ценах снизился с 33,8 % в среднем в 2000–2008 гг. до 27,4 % в 2009–2013 гг. в среднем и 27,9 % в 2014–2019 гг. в среднем⁵. Но в неизменных ценах темп его роста превышал рост ВВП, особенно после 2013 г. (как было показано выше в табл. 1). Следовательно, снижение удельного веса экспорта следует отнести за счет ценового фактора.

Для того чтобы дать дополнительное обоснование такому выводу, мы попытались оценить удельный вес экспорта в физическом объеме производства по отдельным группам товаров⁶. Эти расчеты показали, что доля экспорта в объеме производства по большинству из них, по которым удалось получить данные, росла за исключением лесоматериалов.

В таблице 2 мы даем структуру российского экспорта, рассчитанную по данным международной статистики. Как мы видим, в нем доминируют товары, но роль услуг постепенно увеличивается.

Анализ структуры долларовой ценности российского экспорта по отдельным товарам и услугам за период 2000–2019 гг. показал следующее⁷.

³Эти величины измерялись в тоннах, не взвешенных по ценам.

⁴Международные источники сообщают также о сокращении физических объемов поставок природного газа, но они не подтверждаются данными Федеральной таможенной службы России.

⁵Расчет авторов на основе www.gks.ru (дата обращения 23 февраля 2021).

⁶Официальные статистические источники, к сожалению, не приводят этих показателей. Наши оценки весьма приблизительны, поскольку номенклатура и единицы измерения в статистике производства и экспорта нередко различаются, а данные о производстве цветных и драгоценных металлов отсутствуют.

⁷Расчеты авторов на основе <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 15.02.2021).

Таблица 1 – Основные макроэкономические показатели динамики российского экспорта, среднегодовые темпы роста, в %⁸

Table 1 – Main macroeconomic indicators of the dynamics of Russian exports, average annual growth rates, %

Показатель	Период			
	2000 – 2019	2000 – 2008	2009 – 2013	2014 – 2019
Индекс физического объема экспорта	4,71	7,27	1,94	3,26
Объем экспорта в неизменных ценах	4,55	7,07	1,84	3,13
Объем экспорта в долларовом исчислении	9,05	20,12	3,61	– 1,56
Экспорт товаров в долларовом исчислении	8,87	19,99	3,49	– 1,84
<i>В том числе:</i>				
Экспорт сырой нефти в долларовом исчислении	11,11	28,57	1,67	– 3,89
Экспорт нефтепродуктов в долларовом исчислении	12,88	31,43	7,67	– 6,54
Экспорт природного газа в долларовом исчислении	6,15	17,28	1,12	– 4,82
Прочий товарный экспорт в долларовом исчислении	7,53	13,51	3,93	2,01
Экспорт услуг в долларовом исчислении	10,37	21,11	4,62	0,42
Реальный курс доллара	– 3,73	– 11,05	0,33	4,72
ВВП России в неизменных ценах	3,50	6,04	1,88	1,12
ВВП России в долларовом исчислении	9,92	21,68	5,45	– 2,30

Таблица 2 – Структура российского экспорта по товарам и услугам⁹

Table 2 – Structure of Russian exports by goods and services

Показатель	Период (среднее значение)		
	2000 – 2008	2009 – 2013	2014 – 2019
Объем российского экспорта, в млн долл.	245 119	506 761	456 211
<i>В том числе:</i>			
Экспорт товаров	220 908	453 578	400 157
Экспорт услуг	24 211	53 183	56 054
<i>Удельный вес в совокупном экспорте, в %:</i>			
Товаров	90	90	88
Услуг	10	10	12

1. Имело место падение доли минеральных продуктов (в основном это минеральное топливо) с 68,8% в среднем в 2009–2013 гг. до 57,4% в 2014–2019 гг. в среднем.

2. Неуклонно возрастал удельный вес сельскохозяйственной и продовольственной продукции, драгоценных камней и продукции химической промышленности, включая пластмассу и резину. В сумме эти группы за период 2014–2019 составили 12% российского экспорта.

3. Удельный вес машин и оборудования вырос с 3,4% в 2009–2013 до 5,4% в 2014–2019.

4. В экспорте услуг происходило снижение удельного веса поездок и рост компьютерных, информационных и финансовых услуг.

Россия в мировом экспорте

О роли России в мировом экспорте свидетельствует следующая таблица.

Мы видим, что если до 2013 г. доля России в долларовой ценности мирового экспорта товаров неуклонно росла, то после этого года она резко снизилась. По этому показателю Россия отстает не только от таких крупных стран, как Китай и США, но и от тех, кто значительно уступает ей как по численности населения, так и по территории – Нидерланды, Корея, Гонконг, Канада, Бельгия.

Еще хуже обстоят дела с положением России в мировом экспорте услуг. Так, доля нашей страны в этом секторе также снизилась

⁸Источник: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.02.2021), <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 22.02.2021), <https://www.bea.gov/data/prices-inflation> (дата обращения: 18.02.2021), расчеты авторов. Данные сглажены фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1600$. Индекс физического объема экспорта представлен статистикой национальных счетов; объем экспорта в неизменных ценах получен как индекс экспорта в текущих ценах, деленный на рублевый индекс экспортных цен. Реальный курс доллара рассчитывался по формуле $E \times P^* \div P$, где E – номинальный курс доллара, P^* – дефлятор ВВП США, P – дефлятор ВВП России.

⁹Источник: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 15.02.2021), расчеты авторов.

Таблица 3 – Доля России в мировом экспорте (в долларовом исчислении), в %¹⁰

Table 3 – Russia's share in world exports (USD), %

Показатель	Период (среднее значение)		
	2001 – 2008	2009 – 2013	2014 – 2019
Товары	2,3	2,7	2,2
Услуги	1,3	1,3	1,1

после 2013 года. Мы отстаем здесь даже от крошечного Люксембурга, а также от когда-то слаборазвитых Индии и Таиланда, увеличивших свою долю на мировом рынке.

Анализ, который мы провели по данным международной статистики, позволяет сделать следующие выводы. В мировой торговле имеет место:

1) нарастание удельного веса таких товарных групп, как электрические машины и оборудование, фармацевтическая продукция;

2) сокращение доли минерального топлива, механических машин, железа и стали;

3) нарастание удельного веса торговли туристическими, деловыми, телекоммуникационными, компьютерными и информационными услугами, взимаемой платы за пользование интеллектуальной собственностью, услугами по ремонту;

4) сокращение доли транспортных и государственных услуг.

Этот анализ также показал, что:

– на рынках машиностроительной продукции и прочих рынках позиции России пока слабы;

– в последние годы позиции России усилились на рынках злаков, химической продукции и товаров, не отнесенных к другим категориям;

– позиции РФ ослабли на рынках минерального топлива, рыбы и морепродуктов, алюминия;

– на прочих рынках позиции нашей страны мало изменились.

Следует заметить, что на некоторых рынках, где мы занимаем лидирующие позиции, нас быстро догоняют США (минеральное топливо) и Китай (удобрения).

Экспортные цены

Таблица 4 дает представление о динамике цен на российские экспортные товары (в агре-

гированном виде). Как мы видим, долларовый индекс экспортных цен России быстро рос в 2000–2008 гг., но затем резко замедлился, а после 2013 г. падал. При этом реальный индекс рублевых экспортных цен снижался на протяжении всего рассматриваемого периода, хотя после 2008 г. это снижение существенно замедлилось. Иными словами, внутренние рублевые цены росли все время быстрее экспортных рублевых цен, что постепенно снижало выгоду последних. Условия торговли для нашей страны быстро улучшались вплоть до 2012 г., но затем резко ухудшились.

Анализ динамики цен на отдельные экспортные товары России, как фактически полученных российскими экспортерами, так и среднемировых, проведенный нами на основе международной статистики, позволяет сделать следующие выводы.

1. В 2000–2019 гг. долларовые мировые цены на сырьевые товары росли. Этот рост был выше темпов инфляции в США, то есть цены на сырье росли в реальном долларовом исчислении (за исключением древесины).

2. Быстрее всего росли цены на драгоценные и прочие металлы, удобрения и энергетические товары, резинотехнические изделия и пшеницу. Все это было выгодно России: многие из этих товаров являются товарами нашего экспорта.

3. Особенно быстро мировые цены росли в 2000–2008 гг., но в 2009–2013 гг. ситуация заметно ухудшилась, а в 2014–2019 гг. произошел обвал, реальные цены падали почти на все товары. Исключение составили лишь рыба, некоторые виды машиностроительной продукции и драгоценных металлов и камней.

4. В наибольшей степени от падения цен пострадали удобрения, минеральное топливо, продукция химической и резинотехнической промышленности, черные и цветные металлы, лесоматериалы, подсолнечное масло и пшеница.

5. Цены на энергетические товары оказались в большей степени подвержены колебаниям (которые измерялись стандартным отклонением динамического ряда).

¹⁰Источник: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 15.02.2021), <http://www.trademap.org/> (дата обращения: 23.02.2021), расчет авторов.

Таблица 4 – Динамика цен российского экспорта, среднегодовые темпы роста, %¹¹
 Table 4 – Dynamics of Russian export prices, average annual growth rates, %

Показатель	Период			
	2000 – 2019	2000 – 2008	2009 – 2013	2014 – 2019
Долларовый индекс экспортных цен	3,72	10,78	1,62	– 4,42
Долларовый индекс экспортных цен за вычетом инфляции в США	1,80	8,53	– 0,01	– 6,09
Рублевый индекс экспортных цен в реальном исчислении	– 1,87	– 3,46	– 0,80	– 0,32
Индекс условий торговли	2,08	7,08	0,20	– 3,49

Но при этом в реальном рублевом исчислении цены на большинство товаров российского экспорта неуклонно падали, что находит подтверждение в приведенном выше агрегированном индексе. Наибольший темп такого падения пришелся как раз на 2000–2008 гг.

Почему после 2013 года мировые цены падали на большинство сырьевых товаров? Причины этому можно найти в статистике мирового производства и торговли.

Мы видим, что в 2002–2011 гг. номинальные темпы роста мирового экспорта значительно опережали номинальные темпы роста мирового ВВП. Разрыв особенно заметен между ростом экспорта развивающихся стран и ВВП развитых стран, главных покупателей продукции первых, по крайней мере, до 2012 г. Произошло банальное переполнение рынка, поддержанное кредитной экспансией того периода, вызвавшее затем неизбежную коррекцию, что отразилось как в падении цен, так и резко замедлении торговли.

Для объяснения падения экспортных цен в реальном рублевом исчислении нами была сделана попытка сравнения уровня внутренних и мировых цен на экспортные товары России. В качестве первых были использованы цены российских производителей, предназначенных для внутреннего рынка.

Ясно, что такое сравнение не может быть интерпретировано буквально, так как оно искажено транспортными затратами, налогами,

Таблица 5 – Среднегодовые темпы роста ВВП и объемов экспорта (по совокупной долларовой ценности в номинальном исчислении), в %¹²

Table 5 – Average annual growth rates of GDP and export volumes (in aggregate dollar value in nominal terms)

Показатель	Период	
	2002–2011	2012–2019
<i>ВВП</i>		
Весь мир	8,1	2,2
Развитые страны	5,8	1,4
Развивающиеся страны	14,2	3,6
<i>Экспорт товаров</i>		
Весь мир	11,4	0,4
Развитые страны	8,8	0,3
Развивающиеся страны	15,0	1,0
<i>Справочно</i>		
Удельный вес экспорта развивающихся стран, идущий в развитые страны	48,0	39,0

пошлинами, несопадением номенклатуры и иными ограничениями торговли. Тем не менее, оно имеет смысл для определения: а) порядка величины разрыва между ценами и б) его тенденции.

Эти расчеты показали, что сегодня внутренние российские цены на большинство товаров, по которым есть данные, близки к мировым. И это сближение происходило на протяжении всего рассматриваемого периода. Явное исключение составляют лишь природный газ¹³ и лесные материалы. Цены на уголь и пшеницу также демонстрируют разрыв с мировыми, но гораздо меньший, чем две предыдущие группы.

¹¹Источник: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.02.2021), <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 22.02.2021), <https://www.bea.gov/data/prices-inflation> (дата обращения: 18.02.2021), расчеты авторов. Данные сглажены фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1600$. Инфляция в США измерялась дефлятором ВВП этой страны. Реальный индекс рублевых экспортных цен рассчитывался делением номинального индекса рублевых экспортных цен на индекс-дефлятор ВВП России.

¹²Источник: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 15.02.2021), <http://www.trademap.org/> (дата обращения: 23.02.2021), <http://www.imf.org/> (дата обращения: 19.02.2021), расчеты авторов.

¹³Низкие внутренние цены на газ – одна из причин выгоды экспорта удобрений, в производстве которых он составляет важную часть затрат.

Таблица 6 – Долгосрочная эластичность физического объема экспорта [38]

Table 6 – Long-term elasticity of the physical volume of exports [38]

Зависимая переменная: объем экспорта в неизменных ценах	Дата			
	Q1 1999	Q4 2008	Q4 2013	Q4 2019
<i>Аргументы:</i>				
Индекс ВВП стран – членов ОЭСР	3,723	2,320	2,270	2,137
Долларовый индекс экспортных цен	0,098	0,109	0,138	0,064
Величина государственных закупок в неизменных ценах	0,242	0,156	0,165	0,140
Безналичные реальные кассовые остатки	0,013	0,055	0,102	0,130

Рассмотренные выше результаты позволяют сделать предварительный вывод о снижении роли мировых цен как фактора, влияющего на объем российского экспорта. Падение мировых цен на большинство товаров не привело по большей части к снижению физических объемов экспорта. Постепенное сближение мировых и внутренних цен снижало стимулирующее значение первых. Но для более обоснованных выводов нужны эконометрические оценки.

Эконометрические оценки экспорта России

В таблицах 6 и 7 приведены долгосрочные эластичности объема экспорта по отдельным переменным, а также импульсные мультипликаторы экспорта по экзогенным переменным, рассчитанные с помощью уравнений модели [38].

Как хорошо видно из обеих таблиц, наиболее мощное влияние на объем российского экспорта оказывает мировой спрос, представленный в модели индексом ВВП стран – членов ОЭСР. Цены, валютный курс и иные факторы оказывают на объем экспорта довольно слабое влияние.

Таким образом, решающим фактором, определяющим объем российского экспорта, является спрос, а не предложение¹⁴. Эти оценки отчасти позволяют объяснить, почему физические объемы российского экспорта росли, несмотря на падение экспортных цен. Учитывая решающее значение спроса, становится ясно, что падение цен стимулировало спрос на российские экспортные товары. Но оно же снижало его совокупную ценность, долю в ВВП России и в мировой торговле.

¹⁴ Данный вывод в русле модели Манделла – Флеминга [41, с. 296–297].

¹⁵ Ввиду нелинейного характера модели данные мультипликаторы показывают процент изменения физического объема экспорта при изменении экзогенной переменной на 1 %. В обеих таблицах приведены лишь те эластичности и мультипликаторы, чье абсолютное значение превышает 0,1 или близко к нему.

Таблица 7 – Импульсные мультипликаторы физического объема экспорта по экзогенным переменным в 2019 году [38]¹⁵

Table 7 – Impulse multipliers of the physical volume of exports by exogenous variables in 2019 [38]

Индекс ВВП стран – членов ОЭСР	2,08
Численность эконом. активного населения	0,17
Объем государственных закупок	0,13

Попробуем дать экономическую интерпретацию приведенным эконометрическим оценкам.

1. Объем внутреннего рынка России мал по сравнению с мировым. Кроме того, расширение первого замедлилось в последние семь лет вследствие снижения темпов экономического роста и реальных доходов граждан России. Поэтому колебания второго (при относительно высоком уровне открытости экономики России) оказывают столь сильное влияние на производство и торговлю России.

2. По оценкам экспертов мировой спрос на такие важные части российского экспорта, как цветные металлы [16] и нефть [42], высокоэластичен по доходу.

3. Внутренние цены на экспортные товары сближаются с мировыми. Поэтому для российских экспортеров все более важным является именно объем рынка, а не разрыв цен.

4. Применяемое в России бюджетное правило снижает зависимость курса рубля от цен на нефть.

5. Соглашения с ОПЕК о мировых ценах также делают экспорт нефти неэластичным по цене.

6. В России в экспортной цене товара значительную долю занимают экспортные пошлины, особенно это касается нефти. Они колеб-

Таблица 8 – Роль экспортных пошлин в экономике России¹⁶
 Table 8 – Role of export duties in the Russian economy

Показатель	Период			
	Q1 2000	Q4 2008	Q4 2013	Q4 2019
Экспортные пошлины / Доходы консолидированного бюджета	0,063	0,160	0,150	0,048
Экспортные пошлины / Объем экспорта	0,035	0,205	0,194	0,060

лютятся вместе с мировой ценой, что снижает эластичность предложения.

7. В торговле сельскохозяйственной продукцией и рядом других товаров многие страны принимают защитные меры в ответ на колебания цен. Ситуация усугубляется тем, что ВТО менее жестко регулирует экспортные пошлины, чем импортные.

8. Эластичность экспорта по ценам снижается вследствие нехватки портовых мощностей и высоких тарифов на железнодорожные перевозки.

9. Слабую зависимость физического объема российского экспорта от валютного курса можно объяснить тем, что многие предприятия, ориентированные на экспорт, зависят от импортного оборудования и материалов. Рост экспортных цен вследствие ослабления рубля для них нередко оборачивается также и ростом цен на импортные факторы производства.

Приведенные выше эластичности и мультипликаторы позволяют лучше понять динамику объемов российского экспорта после 2013 г. Развитие экономик стран – членов ОЭСР в этот период шло даже более высокими, чем в предыдущий период темпами. Государственные закупки, кредиты бизнесу и ликвидность экономики России также продолжали расти. При этом внутренний спрос после 2014 г. был слабым. Все это неизбежно усиливало стимулы российских компаний для выхода на внешние рынки¹⁷.

Экспортные пошлины в России и их роль

Экспортные пошлины в России преследуют две основные цели: а) замедлить рост внутренних цен на товары, торгуемые на внешних рынках; б) пополнить бюджет страны.

Но, как мы указали выше, внутренние цены постепенно приближаются к мировым. При этом, как видно из табл. 8, после 2008 г. роль экспортных пошлин как источника дохода бюджета заметно снизилась, а денежные поступления от них в реальном исчислении падали.

Подытожим положительные и отрицательные стороны применения этого инструмента.

Положительные стороны:

1. Снижение внутренних цен (защита потребителей).

2. Сглаживание колебаний внутренних цен (макроэкономическая стабильность).

3. Пополнение бюджета.

4. Снижение налоговой нагрузки на товары, предназначенные для внутренних рынков.

Отрицательные стороны:

1. Потеря внешних рынков отечественными экспортерами.

2. Искажение структуры цен и порождаемая им нерациональная структура затрат.

3. Потеря доходов экспортерами и, как следствие, снижение инвестиций и замедление технического прогресса в экспортных отраслях.

4. Усиление колебаний цен на мировых рынках.

Как мы видим, отрицательных сторон у экспортных пошлин не меньше, чем положительных. И если плюсы имеют преимущественно краткосрочный, то минусы – долгосрочный, стратегический характер. Поэтому, учитывая снижение фискальной роли экспортных пошлин, их постепенная замена другими налогами (например, НДС для полезных ископаемых) представляется целесообразной. Постепенное сближение внутренних и мировых цен дает правильные ориентиры отечественным производителям об истинной ценности товара и стимулирует их выбирать оптималь-

¹⁶Источник: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.02.2021), <http://www.macroforecast.ru/> (дата обращения: 22.02.2021), расчеты авторов; все показатели сглажены фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1600$.

¹⁷Росту российского экспорта также мог способствовать тот факт, что вследствие ослабления рубля средняя зарплата в долларовом исчислении сократилась к Q4 2019 на 14 % по сравнению с Q4 2013 (расчет на основе данных <http://www.gks.ru/>).

ные технологические варианты. Неизбежный при этом рост потребительских цен лучше, по нашему мнению, компенсировать прямыми бюджетными доплатами бедным слоям населения¹⁸.

COVID19 и российский экспорт

В 2020 г. физический объем экспорта России упал на 4,3 % по сравнению с предыдущим годом, его доля в ВВП в текущих ценах снизилась до 25,5 % (по сравнению с 30,8 % в 2018 г.). Рублевый индекс экспортных цен сократился на 8,5 % (вдобавок к сокращению на 3,2 % в 2019)¹⁹. Все это крайне неблагоприятно отразилось на экономике России.

Расчет на основании данных Всемирного Банка показал, что основными пострадавшими явились энергетические товары, долларové цены на которые упали в среднем почти на 20 % за этот период. Упали цены и на некоторые виды удобрений. Но на многие товары цены даже выросли, особенно на продовольствие, железную руду, драгоценные металлы, медь, древесину²⁰. Устойчивость к пандемии цен на неэнергетические товары еще раз указывает на желательное изменение структуры нашего экспорта, если говорить только о сырьевых товарах.

Выводы и заключение

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что будет способствовать, а что препятствовать росту российского экспорта в будущем.

1. Мировой рынок огромен по сравнению с внутренним российским, и это обстоятельство всегда будет стимулом для экспорта.

2. В России по-прежнему много свободных ресурсов: неиспользуемых сельскохозяйственных земель [27; 29; 44], производственные мощности в промышленности [15], в частно-

сти в металлургии [25], в электроэнергетике [22], в добыче нефти и газа [18]; в производстве растительного масла [27]²¹. Их использование будет способствовать росту экспорта.

3. Членство России в ВТО затруднит произвольное введение пошлин и квот для российских товаров со стороны иностранных государств.

4. Большим стимулом для экспорта России будет торговля с Китаем²². Китай – большой и не похожий на Россию сосед, и эта черта, согласно теории сравнительного преимущества, делает его выгодным для нас партнером. Китайская экономика отличается малым объемом полезных ископаемых и посевных площадей на душу населения, а также огромным числом потребителей, что порождает спрос на российское сырье, продовольствие и удобрения. Этот же вывод, хоть и в меньшей степени относится и к другим странам Юго-Восточной Азии.

5. В ближайшие годы сырье по-прежнему будет доминировать в экспорте России, поскольку такая специализация соответствует сравнительному преимуществу страны. Но доля энергетических товаров будет постепенно сокращаться в его структуре. Это связано с:

- постепенной заменой ископаемого топлива на возобновляемые источники энергии;
- планируемым переходом от двигателей внутреннего сгорания к электромобилям;
- ростом производства сланцевой нефти и иных товаров – заменителей и иных источников предложения;
- потенциальным сокращением импорта энергоносителей Китаем и другими странами, где растет озабоченность экологическими проблемами.

6. В то же время как объективные экономические факторы (рост развивающихся стран

¹⁸ Единственный рынок, где сохранение экспортных пошлин на длительный период представляются нам разумным – древесина. Пошлины на экспорт необработанной древесины должны стимулировать производство мебели и бумаги, а также выполнять функции экологической защиты. В качестве исторической аналогии можно привести пошлины на экспорт сырой шерсти из Англии и ее колоний по Закону от 1699 года. Одной из его задач было стимулирование переработки шерсти для производства готовых изделий.

¹⁹ Все цифры этого абзаца – расчет авторов на основе <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.02.2021).

²⁰ Все расчеты были сделаны на декабрь 2020 по отношению к декабрю 2019 по данным <http://www.pubdocs.worldbank.org/> (дата обращения: 16.02.2021) и сглажены фильтром Ходрика – Прескотта при $\lambda = 14400$.

²¹ В среднем по промышленности загрузка мощностей ненамного превышает 50 %. Расчет на основе данных <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.02.2021).

²² Расчет на основе данных <http://www.trademap.org/> (дата обращения: 23.02.2021) показывает, что за период с 2001 по 2019 долларовая ценность экспорта товаров из России в Китай выросла в 10,1 раза.

с высокой энергоемкостью экономики), так и субсидии на горючее, выплачиваемые во многих странах, будут поддерживать спрос на российские энергоносители.

7. Еще один фактор, который будет способствовать экспорту энергоносителей – потенциальное снижение энергоемкости экономики России, порожденное экономическими (цены), структурными (рост сферы услуг) и административными мерами (постепенная отмена субсидий на потребление энергии).

8. Рост мирового населения и повышения доходов его среднего класса, дефицит сельскохозяйственных угодий во многих странах позволит России продолжить быстрое наращивание экспорта продовольственных товаров. Как показывают последние исследования [43], грядущее изменение климата также благоприятно для роста сельскохозяйственного производства и экспорта России. Этому же будет способствовать замедление роста населения самой России и его старение.

9. Рост российского сельскохозяйственного экспорта будет поддержан субсидиями и льготными кредитами на потребление продовольствия, которые применяют различные страны (аналогичный вывод можно сделать в отношении удобрений). Доля сельскохозяйственной продукции в совокупном экспорте России пока чуть больше 5%; это ниже, чем во многих бывших республиках СССР [31], и потому эту долю целесообразно увеличить. Огромным потенциалом для России обладают здесь рынки Китая, стран Юго-Восточной Азии, Узбекистана и Азербайджана.

10. Будущее развитие мирового авиапрома и производства электромобилей будут способствовать нашему экспорту цветных металлов.

11. Далекий от удовлетворения мировой спрос на продукцию лесной индустрии и обилие лесных ресурсов будет поощрять наш экспорт соответствующих товаров. Но данная отрасль требует переориентации на более глубокую переработку, производство и экспорт бумаги и мебели в первую очередь. Государство должно предоставить отрасли налоговые стимулы на осуществление такой структурной перестройки.

²³Здесь имеет смысл воспользоваться опытом агентства SACE в Италии, задачей которого является кредитование экспорта.

12. Следует помнить, тем не менее, что леса России, как и леса бассейна Амазонки – это легкие планеты, и потому экспорт продукции лесной отрасли должен сочетаться с лесосбережением и лесовосстановлением. Учитывая этот факт, Россия вправе требовать от мирового сообщества финансовой компенсации на восстановление своих лесов.

13. Дальнейшее изменение климата может способствовать более частным засухам на планете. Россия обладает огромными водными ресурсами, что создаст новое для нее направление экспорта.

14. Доля продукции обрабатывающей промышленности в российском экспорте примерно в три раза меньше среднемирового показателя [18]. И это указывает на направление нашего дальнейшего усиления на мировых рынках. Самолеты и транспортное оборудование, радиолокационная аппаратура и другое электрооборудование, легковые автомобили, пластмассы и фармацевтическая продукция, бумага и мебель – вот сегменты, где мы вполне могли бы продвинуться. Особенно если учесть хорошо развитую металлургию и химическую промышленность, обилие лесных ресурсов, талантливых инженеров и программистов.

Данный вывод поддерживается теорией *P. Krugman* о растущей отдаче от масштаба как факторе современной международной торговли [1]. Но для этого качество нашей готовой продукции должно быть повышено. Сильные же позиции России на мировых рынках продукции ВПК хорошо известны [36; 37].

15. Россия вполне может увеличить свою долю на мировом рынке услуг. Наше продвижение в последние годы на рынках ИКТ бесспорно. Расположение на торговых путях из Китая в Европу позволит усилить наши позиции в торговле транспортными услугами. Экспорт туристических услуг также требует развития, учитывая наши огромные природные богатства и обширное культурное наследие.

16. Развитие новых направлений экспорта требует значительной поддержки государства, причем не только налоговой, но и кредитной²³, информационной и административной. Государственная поддержка продовольствен-

ного экспорта уже позволила нашим производителям закрепиться на мировых рынках. Она должна быть распространена и на другие сферы, где нас ожидает потенциальный успех, но где наша доля пока несоразмерно мала.

17. В продолжение предыдущего тезиса государство должно способствовать снижению железнодорожных тарифов для экспортеров и содействовать инвестициям в портовые мощности и мощности по хранению продукции. Это тем более важно, что обычно производи-

тели экспортной продукции удалены от рынков сбыта, которыми все в большей степени становятся страны Азии.

18. Политика поощрения экспорта должна сопровождаться дальнейшим снижением торговых барьеров. Судя по данным проекта *Doing Business* Всемирного Банка, в этом направлении были достигнуты определенные успехи. Но остается еще много ограничений, преодоление которых могло бы продвинуть наш экспорт существенно [16–18].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Krugman P.R., Obstfeld M., Melitz M.J. (2012). *International economics, Theory & policy*, 9th ed. NY, Addison-Wesley. 736 p.
2. Deardorff A. (1984). Testing Trade Theories and Predicting Trade Flows, *Handbook of International Economics*. R. W. Jones, P. B. Kenen (eds.). Vol. 1. Amsterdam, North-Holland. Pp. 467–517.
3. Jones R.W., Neary J.P. (1984). The Positive Theory of International Trade, *Handbook of International Economics*. R. W. Jones, P. B. Kenen (eds.). Vol. 1. Amsterdam, North-Holland. Pp. 1–62.
4. Линдерт П.Х. (1992). Экономика мирохозяйственных связей. М. : Издательская группа «Прогресс», Универс. 520 с.
5. Kilian L. (2008). The Economic Effects of Energy Price Shocks, *Journal of Economic Literature*, no. 4, pp. 871–909.
6. Bruton H.J. (1998). A Reconsideration of Import Substitution, *Journal of Economic Literature*, no. 2, pp. 903–936.
7. Johnson R.C. (2014). Five Facts about Value-Added Exports and Implications for Macroeconomics and Trade Research, *Journal of Economic Perspectives*, no. 2, pp. 119–142.
8. Kleinberg R.L., et al. (2018). Tight oil market dynamics: benchmarks, breakeven points, and inelasticities, *Energy Economics*, no. 70, pp. 70–83.
9. Aw B. Y., Roberts M. J., Xu D. Y. (2011). R&D Investment, Exporting, and Productivity Dynamics, *American Economic Review*, no. 4, pp. 1312–1344.
10. Hanson G. H. (2012). The Rise of Middle Kingdoms: Emerging Economies in Global Trade, *Journal of Economic Perspectives*, no. 2, pp. 41–64.
11. Venables A. J. (2016). Using Natural Resources for Development: Why Has It Proven So Difficult? *Journal of Economic Perspectives*, no. 1 (30), pp. 161–184.
12. Фальцман В.К., Крахина М.В. (2019). К концепции структурной политики на долгосрочную перспективу // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 17–27.
13. Ксенофонтов М.Ю., Ползиков Д.А. (2018). Ретроспективные структурные сдвиги, в российской экономике // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 62–81.
14. Фальцман В.К. (2018). О структуре, динамике и использовании активной части национального богатства // Проблемы прогнозирования № 5. С. 13–23.
15. Фальцман В.К. (2016). Проблемы структурной, инвестиционной и инновационной политики в период кризиса // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 14–23.
16. Всемирный Банк. (2019). Доклад об экономике России № 42. Повышение роли внутренних реформ на фоне ухудшения прогноза мировой экономики. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/493311575429783105/rer-42-rus.pdf> (дата обращения: 23.12.2019).
17. Всемирный Банк. (2020). Доклад об экономике России № 43. Россия: рецессия и рост во время пандемии. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/483351593984893149/RUS-RER43-July5.pdf> (дата обращения: 28.12.2020).
18. Всемирный Банк. (2020). Доклад об экономике России № 44. Рост экономики России замедляется на фоне второй волны COVID-19: надежды на улучшение ситуации связаны с появлением вакцины. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/189351608098609835/Russia-Economic-Report-44-in-Russian.pdf> (дата обращения: 28.12.2020).
19. Всемирный Банк. (2016). Россия: пути достижения всеобъемлющего экономического ро-

ста. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/235471484167009780/Dec27-SCD-paper-rus.pdf> (дата обращения: 27.02.2020).

20. Макаров А.А. (2020). Возможности технологического прогресса в энергетике России // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 71–87.

21. Волконский В.А., Кузовкин А.И. (2019). Цены и налоги на нефть и нефтепродукты в контексте долгосрочного экономического развития России // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 28–39.

22. Колпаков А.Ю. (2018). Роль топливно-энергетического комплекса в формировании экономической динамики России // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 117–129.

23. Макаров А.А., Митрова Т.А. (2018). Стратегические перспективы развития энергетического комплекса России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 81–96.

24. Лахно Ю.В. (2015). Российская угольная отрасль: угрозы и возможности развития // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 88–97.

25. Буданов И.А. (2015). Влияние макроэкономических изменений на динамику производства металла в России // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 108–123.

26. Ксенофонтов М.Ю., Ползиков Д.А., Урус А.В. (2019). Регулирование зернового сектора в контексте задач обеспечения продовольственной безопасности России // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 22–31.

27. Рау В.В., Фролова Е.Ю. (2019). Аграрный сектор: новые точки роста // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 63–72.

28. Гончаров В.Д., Рау В.В. (2018). Экспортный потенциал продовольственного комплекса России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 119–126.

29. Рау В.В. (2018). Продовольственный экспорт: курс на восток // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 56–67.

30. Рау В.В. (2015). Зерновой сектор России в условиях ВТО // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 76–83.

31. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (FAO). (2020). Обзор продовольственной и торговой политики в постсоветских странах, 2017 – 2018. URL: <http://www.fao.org/3/ca7674ru/ca7674ru.pdf> (дата обращения: 05.02.2021).

32. Гончаров В.Д., Котеев С.В., Рау В.В. (2016). Проблемы продовольственной безопасности

России // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 99–107.

33. Рау В.В. (2016). О стратегии развития зернового сектора // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 62–73.

34. Прокопьев М.Г. (2015). Проблемы достижения целей в сфере внешнеторговой политики на продовольственном рынке // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 136–142.

35. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (FAO). (2012). The Russian Federation forest sector Outlook Study to 2030. URL: <http://www.fao.org/3/i3020e/i3020e00.pdf> (дата обращения: 08.02.2021).

36. Кошовец О.Б., Ганичев Н.А. (2015). Экспорт российских вооружений как особый фактор развития высокотехнологичной промышленности России // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 121–134.

37. Фальцман В.К. (2017). Зависимость оборонно-промышленного комплекса России от цены на нефть: конверсия // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 31–38.

38. Мицек С.А., Мицек Е.Б. (2021). Эконометрическая модель Российской Федерации (версия 2020 года): оценки, прогнозы, анализ // Вестник Гуманитарного университета. № 1 (32). С. 6–90.

39. Скрыпник Д.В. (2016). Макроэкономическая модель российской экономики // Экономика и математические методы. № 3 (52). С. 110–131.

40. Benedictow A., Fjaertoft D., Lofsnaes O. (2013). Oil dependency of the Russian economy: An econometric analysis, *Economic Modelling*, no. 32, pp. 400–428.

41. Dornbusch R., Fischer S., Startz R. (2011). *Macroeconomics*. 11th ed. NY, McGraw Hill, Irwin. 636 p.

42. Smith J. L. (2009). World oil: market or mayhem? *Journal of Economic Perspectives*, no. 3 (23), pp. 145–164.

43. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (FAO). (2018). Состояние рынков сельскохозяйственной продукции. Торговля сельскохозяйственной продукцией, изменение климата и продовольственная безопасность. URL: <http://www.fao.org/3/I9542RU/i9542ru.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

44. Липски С.А. (2020). Состояние и использование земельных ресурсов России: тенденции текущего десятилетия // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 107–115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мицек Сергей Александрович – доктор экономических наук, доцент; Гуманитарный университет (620049, Россия, Екатеринбург, ул. Студенческая, 19); sergey.mitsek@gmail.com.

Мицек Елена Борисовна – доктор экономических наук; Гуманитарный университет (620049, Россия, Екатеринбург, ул. Студенческая, 19); emitsek@mail.ru.

STATISTICAL AND ECONOMETRIC ANALYSIS OF RUSSIAN EXPORTS

S.A. Mitsek^{24a}, E.B. Mitsek^{25a}

^aLiberal Arts University

ABSTRACT:

The article is devoted to the statistical and econometric analysis of Russia's exports and the factors that determine their dynamics. The study uses time series of data on export volumes and export prices, as well as econometric estimates. The methodological basis of the study is the econometric macroeconomic model of Russia created by the authors.

Based on Russian and international databases, the authors prove that Russia's exports were growing rapidly until 2008, but then their pace slowed down. Russia's share in the world trade has been declining in recent years.

The authors conclude that despite the fall in export prices, Russia has been increasing its physical export volumes since 2013. The fall in prices was caused by flooding of the world commodity markets by the exports from the developing countries. Exports of energy commodities suffered the most from the fall in prices.

Long-run elasticities of the main factors and multipliers of exogenous variables based on econometric estimates of the model parameters show that the amount of exports is most strongly affected by global demand. At the same time price and exchange rates elasticity of exports is low. The reason for this may be the small size of Russian domestic market, the peculiarities of Russian fiscal system (export duties, fiscal rule), protective measures of importers, the dependence of exporters on imports, the increase in domestic prices in the Russian market, etc.

Analysis of export duties shows that their role as a source of budget revenue is declining. They rather distort the price structure and deprive Russian exporters of foreign markets, so it is recommended to gradually refuse from this tool.

During the pandemic Russian exports and export prices dropped due to the declining global demand. At the same time the dynamics of non-energy exports showed higher stability.

The obvious solutions for the further development of Russia's exports will be to increase the share of non-energy goods and services in its structure, and to expand trade with China and the countries of South-east Asia. The growth of global demand, the governmental support for exports and investment in transport and port infrastructure, the gradual abolition of export duties, the availability of free factors of production will contribute to export growth.

KEYWORDS: Russia's export, export prices, exchange rate, global demand, econometric estimates, time series.

FOR CITATION: Mitsek S.A., Mitsek E.B. (2021). Statistical and econometric analysis of Russian exports, *Management Issues*, no. 4, pp. 34–48.

²⁴RSCI AuthorID: 554121, ORCID: 0000-0001-9503-9132, ScopusID: 57191707257

²⁵RSCI AuthorID: 554122, ORCID: 0000-0001-9407-581X

REFERENCES

1. Krugman P.R., Obstfeld M., Melitz M.J. (2012). International economics, *Theory & policy*, 9th ed. NY, Addison-Wesley. 736 p.
2. Deardorff A. (1984). Testing Trade Theories and Predicting Trade Flows, *Handbook of International Economics*. R. W. Jones, P. B. Kenen (eds.). Vol. 1. Amsterdam, North-Holland. Pp. 467–517.
3. Jones R.W., Neary J.P. (1984). The Positive Theory of International Trade, *Handbook of International Economics*. R. W. Jones, P. B. Kenen (eds.). Vol. 1. Amsterdam, North-Holland. Pp. 1–62.
4. Lindert P.Kh. (1992). Economics of world estate connections. Moscow, Publishing Group “Progress”, Univers. 520 p.
5. Kilian L. (2008). The Economic Effects of Energy Price Shocks, *Journal of Economic Literature*, no. 4, pp. 871–909.
6. Bruton H.J. (1998). A Reconsideration of Import Substitution, *Journal of Economic Literature*, no. 2, pp. 903–936.
7. Johnson R.C. (2014). Five Facts about Value-Added Exports and Implications for Macroeconomics and Trade Research, *Journal of Economic Perspectives*, no. 2, pp. 119–142.
8. Kleinberg R.L., et al. (2018). Tight oil market dynamics: benchmarks, breakeven points, and inelasticities, *Energy Economics*, no. 70, pp. 70–83.
9. Aw B. Y., Roberts M. J., Xu D. Y. (2011). R&D Investment, Exporting, and Productivity Dynamics, *American Economic Review*, no. 4, pp. 1312–1344.
10. Hanson G. H. (2012). The Rise of Middle Kingdoms: Emerging Economies in Global Trade, *Journal of Economic Perspectives*, no. 2, pp. 41–64.
11. Venables A. J. (2016). Using Natural Resources for Development: Why Has It Proven So Difficult? *Journal of Economic Perspectives*, no. 1 (30), pp. 161–184.
12. Falzman V.K., Krakhina M.V. (2019). To the concept of structural policy for the long-term perspective, *Problems of forecasting*, no. 3, pp. 17–27.
13. Ksenophontov M.Yu., Polzikov D.A. (2018). Retrospective structural shifts, in the Russian economy, *Problems of forecasting*, no. 6, pp. 62–81.
14. Falzman V.K. (2018). On the structure, dynamics and use of the active part of the national wealth, *Problems of forecasting*, no. 5, pp. 13–23.
15. Falzman V.K. (2016). Problems of structural, investment and innovation policies during the crisis, *Problems of forecasting*, no. 4, pp. 14–23.
16. The World Bank. (2019). Report on the economy of Russia No. 42. Increasing the role of internal reforms against the background of the deterioration of the forecast of the global economy. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/493311575429783105/rer-42-rus.pdf> (accessed 23.12.2019).
17. The World Bank. (2020). Report on the economy of Russia No. 43. Russia: Recession and growth during a pandemic. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/483351593984893149/RUS-RER43-July5.pdf> (accessed 28.12.2020).
18. The World Bank. (2020). Report on the economy of Russia No. 44. The growth of the Russian economy slows down against the background of the second wave of COVID-19: hopes for improving the situation are associated with the advent of the vaccine. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/189351608098609835/Russia-Economic-Report-44-in-Russian.pdf> (accessed 28.12.2020).
19. The World Bank. (2016). Russia: ways to achieve a comprehensive economic growth. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/235471484167009780/Dec27-SCD-paper-rus.pdf> (accessed 27.02.2020).
20. Makarov A.A. (2020). The possibilities of technological progress in the energy sector of Russia, *Problems of forecasting*, no. 1, pp. 71–87.
21. Volkonsky V.A., Kuzovkin A.I. (2019). Prices and taxes on oil and petroleum products in the context of the long-term economic development of Russia, *Problems of forecasting*, no. 3, pp. 28–39.
22. Kolpakov A.Yu. (2018). The role of the fuel and energy complex in the formation of the economic dynamics of Russia, *Problems of forecasting*, no. 6, pp. 117–129.
23. Makarov A.A., Mitrova T.A. (2018). Strategic prospects for the development of the energy complex of Russia, *Problems of forecasting*, no. 5, pp. 81–96.
24. Lakhno Yu.V. (2015). Russian coal industry: threats and development opportunities, *Problems of forecasting*, no. 5, pp. 88–97.
25. Budanov I.A. (2015). The effect of macroeconomic changes on the dynamics of metal production in Russia, *Problems of forecasting*, no. 6, pp. 108–123.
26. Ksenophontov M.Yu., Polzikov D.A., Urus A.V. (2019). Regulation of the grain sector in the context of the tasks of ensuring food security of Russia, *Problems of forecasting*, no. 6, pp. 22–31.
27. Rau V.V., Frolova E.Yu. (2019). Agricultural sector: New growth points, *Problems of forecasting*, no. 2, pp. 63–72.
28. Goncharov V.D., Rau V.V. (2018). Export po-

tential of the Russian food complex, *Problems of forecasting*, no. 5, pp. 119–126.

29. Rau V.V. (2018). Food exports: Course to the East, *Problems of Forecasting*, no. 1, pp. 56–67.

30. Rau V.V. (2015). The grain sector of Russia in the conditions of WTO, *Problems of Forecasting*, no. 1, pp. 76–83.

31. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). (2020). Overview of food and trading policy in the post-Soviet countries, 2017–2018. URL: <http://www.fao.org/3/ca7674ru/ca7674ru.pdf> (accessed 05.02.2021).

32. Goncharov V.D., Koteev S.V., Rau V.V. (2016). Problems of food security of Russia, *Problems of forecasting*, no. 2, pp. 99–107.

33. Rau V.V. (2016). On the strategy for the development of the grain sector, *Problems of forecasting*, no. 1, pp. 62–73.

34. Prokopyev M.G. (2015). Problems of achieving goals in the field of foreign trade policy in the food market, *Problems of forecasting*, no. 5, pp. 136–142.

35. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). (2012). The Russian Federation forest sector Outlook Study to 2030. URL: <http://www.fao.org/3/i3020e/i3020e00.pdf> (accessed 08.02.2021).

36. Koshovets O.B., Ganichev N.A. (2015). Exports of Russian weapons as a special factor in the development of the high-tech industry in Russia, *Problems of forecasting*, no. 2, pp. 121–134.

37. Falzman V.K. (2017). Defense and industrial complex of Russia from oil price: conversion, *Problems of forecasting*, no. 5, pp. 31–38.

38. Mitsek S.A., Mitsek E.B. (2021). Econometric model of the Russian Federation (version 2020): assessments, forecasts, analysis, *Bulletin of the Humanitarian University*, no. 1 (32), pp. 6–90.

39. Skrypnik D.V. (2016). Macroeconomic model of the Russian economy, *Economics and mathematical methods*, no. 3 (52), pp. 110–131.

40. Benedictow A., Fjaertoft D., Lofsnaes O. (2013). Oil dependency of the Russian economy: An econometric analysis, *Economic Modelling*, no. 32, pp. 400–428.

41. Dornbusch R., Fischer S., Startz R. (2011). *Macroeconomics*. 11th ed. NY, McGraw Hill, Irwin. 636 p.

42. Smith J. L. (2009). World oil: market or mayhem? *Journal of Economic Perspectives*, no. 3 (23), pp. 145–164.

43. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). (2018). The state of the markets of agricultural products. Trade in agricultural products, climate change and food safety. URL: <http://www.fao.org/3/I9542RU/i9542ru.pdf> (accessed 30.04.2021).

44. Lipski S.A. (2020). The state and use of land resources of Russia: trends of the current decade, *Problems of forecasting*, no. 4, pp. 107–115.

AUTHORS' INFORMATION:

Sergey A. Mitsek – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Liberal Arts University (19, Studencheskaya St., Ekaterinburg, 620049, Russia); sergey.mitsek@gmail.com.

Elena B. Mitsek – Advanced Doctor in Economic Sciences; Liberal Arts University (19, Studencheskaya St., Ekaterinburg, 620049, Russia); emitsek@mail.ru.

СОЮЗ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСПЫТАНИЕ ПАНДЕМИЕЙ

В.Н. Архангельский^{1а}, М.А. Фельдман^{2б}

^аСоюз малого и среднего бизнеса Свердловской области

^бРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

В статье на основе анализа федеральных и региональных Планов мер поддержки предпринимательства в период пандемии, документов текущего архива Областного союза малого и среднего бизнеса анализа сделаны выводы о влиянии пандемии на сферу малого и среднего предпринимательства в России и на Среднем Урале, выводы об основных направлениях деятельности Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области в условиях 2020 г. В процессе исследования использовались методы сравнительного анализа, обобщений, классификации.

Рассмотрены вопросы о преодолении таких негативных последствий, как недостаточность финансирования МСП; сохранение проявлений коррупционной деятельности и избыточности контрольно-надзорной деятельности. Сделаны выводы о степени привлекательности для предпринимателей конкретных видов поддержки в период пандемии. Дана характеристика основным мероприятиям, проведенным Союзом в 2020 г. Особое место уделено работе Пятого Налогового форума малого и среднего бизнеса Свердловской области, проведенного 25 ноября 2020 г. Руководители Союза подготовили и представили участникам Налоговых форумов целый ряд предложений по совершенствованию законодательства как на областном, так и на федеральном уровнях.

Научная новизна: впервые представлена обобщающая статистика развития малого и среднего бизнеса на Среднем Урале в период пандемии; выявлена степень эффективности мер поддержки МСП в период 2017–2019 гг. и в 2020 г. Предложен ряд мер по улучшению деятельности Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области в форме рекомендаций Губернатору Свердловской области и профильным министерствам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пандемия, Областной Союз, малый и средний бизнес, Свердловская область, предпринимательство, контрольно-надзорная деятельность, налоги.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Архангельский В.Н., Фельдман М.А. (2021). Союз малого и среднего бизнеса Свердловской области: испытание пандемией // Вопросы управления. № 4. С. 49–61.

Введение

Специфика ситуации 2020 г. определяется глубоким мировым экономическим кризисом, вызванным пандемией.

По оценке первого вице-преьера России и руководителя рабочей группы при Госсовете по борьбе с коронавирусом А. Р. Белоусова, пандемия коронавируса отбросила экономику РФ на 1,5 года назад. Под удар попал транспортный сектор, пострадала почти треть предприятий МСП – в основном в сфере услуг. Сильно отразился кризис и на промыш-

ленных предприятиях, работа которых завязана на инвестициях. На борьбу с коронавирусом в ноябре 2020 г. предполагалось потратить уже 4 трлн руб. (значительная часть этих средств должна была поступить из внебюджетных фондов). По словам Белоусова, перед государством стоит вызов преодолеть эту «деформацию» в течение 2021 г.

Эпидемия обострила и проблемы безработицы. «Если для Южной Европы 10–12 % безработных – это нормальная история, то России (столь) высокая безработица кардиналь-

¹AuthorID РИНЦ: 700594

²AuthorID РИНЦ: 460956

но противопоказана – в силу нашей культуры, традиций и социальных условий. Для нас это жизненная трагедия», — подчеркнул он³.

Проблема заключается в том, что видный ученый и управленец А. Р. Белоусов использовал неполные данные, не учитывая скрытую безработицу. По данным Агентства *Superjob* только 53 % российских компаний удержали расходы на персонал на докризисном уровне; 15 % ввели неполную рабочую неделю или неполный рабочий день; еще 14 % попросили сотрудников уйти в неоплачиваемые отпуска, а 19 % пересмотрели политику выплат постоянной части зарплат⁴. Речь идет об угрозе сохранения человеческого потенциала нашей страны и опасности усиления социального неравенства.

В значительной степени, эта угроза адресована сфере малого и среднего предпринимательства (МСП), формирующей комфортную среду современной жизни; связанной с инновационными разработками и производством товаров и услуг, ориентированных на конкретного потребителя.

Проблеме развития МСП в России в допандемический период посвящена обширная литература. Исследователи обоснованно указали на барьеры на пути развития предпринимательства, в том числе: явно замедленный темп реформирования контрольно-надзорной деятельности [1]; ограниченность финансовых ресурсов, выделяемых предпринимателям в форме кредитов и займов [2]; недостаточность усилий структур, занимающихся защитой прав предпринимателей [3]. Особый интерес вызывают работы, посвященные изучению эффективности мер поддержки МСП в период 2017–2019 гг. в регионах РФ [4]. Следует отметить и публикации, адресованные анализу институциональных механизмов поддержки МСП в 2020 г. [5] и налогово-бюджетных мер стимулирования предприятий малого бизнеса в условиях экономического кризиса [6–9]. Важное значение имеют исследования, посвященные регулированию развития МСП в регионах РФ [10–12]; причинам возникно-

вания и развития нелегального предпринимательства [13–16]; влиянию цифровизации процессов малого и среднего предпринимательства [17].

К разряду малоизученных относится вопрос об эффективности комплекса принятых мер поддержки МСП в 2020 г. в Свердловской области. Этой проблеме и посвящена предлагаемая статья.

Общая характеристика сферы МСП к началу пандемии

На региональном уровне в настоящее время принято около двухсот программ и подпрограмм государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Действует широкий круг структур, содействующих реализации этих программ. К числу успешных мер, принятых в рамках государственной поддержки МСП, следует отнести создание с 1 августа 2016 г. единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства [7, с. 75].

Тем не менее, современные исследователи отмечают, что доля МСП в валовом внутреннем продукте РФ составляла во втором десятилетии XXI века не более 20–21 %, в то время как во многих зарубежных странах доля МСП в валовом внутреннем продукте составляет более 50 %. Так, в 2018 г. в МСП России было занято 18,9 % от общего числа работающих. В США эта доля составляла 41 %, а во Франции – 61 % (и это один из самых низких показателей в Западной Европе). В 2018 г. доля МСП в отечественном ВВП составила порядка 20 %, а в 2020 г. она снизилась до 12 %. Значит, процесс огосударствления экономики будет продолжаться и даже ускорится [5, с. 245].

Сравнительный анализ данных Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства о количестве субъектов МСП, численности занятых на предприятиях МСП за период 2016–2019 гг. приводит, на первый взгляд, к удивительному выводу: период санкций и общепризнанного ухудшения условий ведения бизнеса не отразился на количественных показателях сферы МСП.

³Ирина Алпатова. Лечится большими деньгами // Российская газета. 2020. 12 ноября. С. 2. URL: <https://rg.profkiosk.ru/> (дата обращения: 01.12.2020).

⁴Ведомости (ежедневная деловая газета). 2020. 16 ноября. URL: <http://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 18.11.2020).

Так число предприятий МСП за период 2016–2019 гг. практически не изменилось, увеличившись с 5 672 тыс. до 5 688 тыс. (данные на 10 января 2020 г.)⁵. В то же время, доля занятых на микро-, малых и средних предприятиях и у индивидуальных предпринимателей за 2017–2019 гг. стабилизировалась в диапазоне 15,9–16,1 млн человек. В общей численности занятого населения доля работников в сфере МСП сократилась с 25 % в 2012 г. до 21 % в 2018 г. Аналогичные явления прослеживаются и на региональном уровне. В чем причина такого явления? Только ли сложнейшие внешнеэкономические факторы (санкции) обусловили появление негативных тенденций в развитии малого и среднего предпринимательства?

Аналитика такого комплекса источников, как ежегодные доклады о результатах деятельности уполномоченного по защите прав предпринимателей в Свердловской области позволяет выявить причины «внутреннего» характера: изучение структуры жалоб предпринимателей убедительно указывает на такое социальное явление, как «усталость» широких слоев предпринимателей от частых и разорительных проверок, зачастую превратившихся в форму поборов.

Следствием такой «усталости» в указанный период стал массовый уход предпринимателей в «теневую экономику»; частая смена названий фирм для уклонения от уплаты налогов, переход субъектов МСП в разряд самозанятых и т. п. Даже в «доковидный» период 2017–2019 гг. ситуация в сфере МСП Свердловской области характеризовалась устойчивой негативной оценкой предпринимателей условиями ведения бизнеса: 92–93 % опрошенных на вопрос «Стало ли Вам легче вести бизнес в последний год?» стабильно давали отрицательный ответ, а от 81 до 89 % никогда не пользовались государственной поддержкой [18, с. 124, 127].

Таким образом, уже к началу пандемии сфера МСП переживала немалые трудности; недоверие к действиям и призывам власти превратилось к 2020 г. в серьезную опасность. Сама оценка эффективности работы власт-

ных структур, регулирующих сферу МСП, по количественным показателям явно устарела, нуждаясь в замене на показатель доли предприятий МСП, выпускающих инновационную продукцию.

Программы по поддержке и дальнейшему развитию экономического и социального потенциала территории в период пандемии

Пандемия нанесла тяжелый удар по сфере МСП. Специалисты Торгово-промышленной палаты РФ подсчитали, что из-за вынужденного простоя, вызванного карантинными мерами, примерно 3 млн предпринимателей вынуждены будут прекратить экономическую деятельность, а из оставшихся примерно треть сможет продержаться на плаву не дольше трех месяцев. В результате работы могут лишиться свыше 8,6 млн сотрудников и руководителей этих предприятий [5, с. 244].

Для понимания степени научности Программ по поддержке и дальнейшему развитию экономического и социального потенциала территории в условиях пандемии необходимо сравнить разработки ученых и государственные программы.

«Предложения по мероприятиям в сфере экономической и социальной жизни страны после завершения активной части борьбы с коронавирусом» (далее – Предложения)⁶ были разработаны Институтом экономики РАН в июне 2020 г. Сильной стороной документа является обозначение масштаба угроз и мер борьбы с коронавирусом. Так, Предложения дают сравнение объема стоимости антикризисных мер в РФ (3 %) и в РКС (от 37 % в Германии и 20 % в Италии до 12 % в США). К слабым сторонам можно отнести, во-первых, надежду на то, что первая волна коронавируса окажется и последней; во-вторых, весьма спорным является суждение о малой эффективности в период пандемии налоговых инструментов, поскольку, например, опыт антикризисных программ 2008–2009 гг. в РКС свидетельствует как раз об обратном.

Отдельные сегменты документа были адресованы крупному бизнесу, малому и среднему бизнесу (МСП); рядовым гражданам, с вы-

⁵Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства РФ. URL: <https://ofd.nalog.ru/>.

⁶Предложения по мероприятиям в сфере экономической и социальной жизни страны после завершения активной части борьбы с коронавирусом. М., Институт экономики РАН. 2020. 59 с.

делением приоритета экономического курса: поддержки бизнеса, сохраняющего занятость, в сочетании с мерами поддержки граждан потерявших работу. Предложения обоснованно отмечают необходимость принятия антикризисных программ поддержки бизнеса в пострадавших отраслях. Однако следует отметить, что без корреляции с нацпроектами, с целями и задачами инновационного характера, предложенные программы будут выполнять только роль «заплаток».

Раздел упоминает о программно-целевом управлении. К сожалению, эта тема остается нераскрытой, оставляя в неведении о практике применения управленческих технологий. Тем не менее, к началу лета 2020 г. Институт экономики РАН сумел представить вариант мероприятий по борьбе с коронавирусом, носящий концептуальный характер.

«План первоочередных действий правительства РФ по обеспечению устойчивого развития экономики» от 17 марта 2020 г. может служить примером оперативного реагирования, но только в формате действий в чрезвычайной ситуации. В документе прослеживается определенный порядок действий:

1. Обеспечение населения товарами первой необходимости, включая маски.
2. Реализация мер поддержки занятости.
3. Введение системы финансовых мер по поддержке отраслей экономики, пострадавших от пандемии.
4. Набор мер по поддержке МСП.
5. Создание финансовых ресурсов для реализации предлагаемых мероприятий.

Оттолкнувшись от Плана первоочередных действий, 24 апреля 2020 г. Правительство России разработало и опубликовало «План преодоления экономических последствий распространения коронавирусной инфекции»⁷. В документе отмечалось, что поддержка оказывается бизнесу, в том числе малому и среднему, регионам и гражданам. Был определен список отраслей, наиболее пострадавших от пандемии: авиаперевозки, воздушный транспорт, туризм, выставочная деятельность, гостиницы, сфера развлечений и досуга, общественное питание, бытовые услуги, культура

и спорт, недовольственный ритейл, стоматологические услуги. Для них были определены отдельные меры поддержки:

1. Выделение беспроцентных кредитов на выплату заработной платы, а также софинансирование зарплат на сумму минимального размера оплаты труда (МРОТ) – 12 130 рублей. При этом государственные банки гарантировали покрытие двух третей стоимости процентов по новым кредитам.

2. Выделение грантов на выплату зарплат, что должно было сохранить оплату труда для 3,3 миллиона сотрудников. Главное условие получения гранта – компания должна сохранить в штате не менее 90 % работников.

3. Отсрочка на шесть месяцев по всем налогам, кроме НДС для предпринимателей, занятых в наиболее пострадавших от коронавируса отраслях.

4. Шестимесячная отсрочка по страховым взносам. Ей смогут воспользоваться 3,3 миллиона человек

5. Снижение с 30 до 15 % страховых взносов на сумму зарплаты, которая превышает МРОТ. Эта льгота коснется более 20 млн чел.

6. Доступ к льготным кредитам под 8,5 % годовых.

7. Отсрочка по оплате аренды коммерческой недвижимости, за исключением жилых помещений, до 1 октября, начиная с даты введения режимов повышенной готовности.

Важным шагом стало принятие и расширение законодательной базы по реализации Плана первоочередных действий. Так, например, Федеральный закон от 08.06.2020 № 172-ФЗ позволил с ряда категорий налогоплательщиков (предприятия МСП, пострадавших от пандемии отраслей, религиозные и НКО) списывать налоги за второй квартал 2020 г. (при наличии отчетности за 2018 г.). Федеральный закон от 15.10.2020 № 320-ФЗ распространил освобождение от налогов и на предприятия, созданные в период с 1 декабря 2018 г. по 29 февраля 2020 г. Помимо облегчения финансовой нагрузки, очевиден и посыл предпринимателям к выходу из теневой экономики.

Конкретизация Плана первоочередных действий правительства РФ по обеспечению

⁷План преодоления экономических последствий распространения коронавирусной инфекции на 24 апреля 2020 г. URL: <http://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 18.12.2020).

устойчивого развития экономики от 17 марта 2020 г. в регионах страны прослеживается на примере Указа Губернатора Свердловской области от 04.04.2020 № 71, утвердившего «План первоочередных мер поддержки МСП Свердловской области, оказавшихся в зоне риска в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)»⁸.

Документ регламентирует структуру действий: 1) организационные меры. 2) меры налоговой поддержки 3) меры финансовой поддержки 4) меры имущественной поддержки.

Организационные меры связаны главным образом с введением «горячей линии» на базе Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства. Однако в документе не говорится о механизмах контроля и отчетности по работе «горячей линии».

Меры налоговой поддержки сфокусированы на переносе срока уплаты авансовых платежей по налогу на имущество организаций либо установлении ставки в 1,1 % по налогу на имущество организаций, а также установлении ставки в 1,1 % при применении упрощенного налогообложения. Меры финансовой поддержки включают в себя организацию льготных займов и реструктурирование займов. Меры имущественной поддержки предполагали отсрочку платежей за земельные участки и за имущество

Подводя итог, следует отметить: при бесспорной актуальности и позитивности принятых планов, очевидно и отсутствие корреляции принимаемых мер с нацпроектами и федеральными и региональными программами; нет указания на широкое обсуждение принимаемых документов на региональном и муниципальном уровнях. Не были прописаны управленческие технологии и персональная ответственность. Не указаны механизмы обратной связи, сайты текущей информации; формат взаимодействия с институтами гражданского общества.

⁸Об утверждении Плана первоочередных мер поддержки МСП Свердловской области, оказавшихся в зоне риска в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) : Распоряжение Губернатора Свердловской области от 04.04.2020 № 71. URL: <http://www.pravo.gov66.ru/> (дата обращения: 18.12.2020).

⁹План преодоления экономических последствий распространения коронавирусной инфекции на 12 ноября 2020 г. URL: <http://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 28.11.2020).

Реализация принятых Программ в 2020 г.

Классификация и анализ статистических данных Отчета правительства РФ (по состоянию на 12 ноября 2020 г.) о реализации принятых Программ⁹ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, группа получивших беспроцентные кредиты на выдачу зарплат невелика – всего сорок тысяч на всю страну, или менее 0,3 % от числа занятых в МСП в России. Во-вторых, немногим больше и массив, получивших финансовую помощь в форме кредита под 2 % – 200 тыс. человек, или примерно 1,5 % от занятых в МСП. В-третьих, малопривлекательным для предпринимателей оказался вариант кредитования под 8,5 %: им предпочли воспользоваться только 14 тыс. человек. В-четвертых, в апреле – ноябре 2020 г. наиболее масштабным оказался отклик предпринимателей МСП на возможность отсрочки платежей на шесть месяцев по выплате всех налогов (кроме НДС) – отсрочкой воспользовались 1,9 млн малых и средних предприятий с численностью занятых 3,3 млн человек. Речь идет только о временной отсрочке платежей.

Кроме того, отсрочка уплаты арендных платежей на апрель – октябрь 2020 г. коснулась 49 тыс. объектов МСП на сумму в 10 млрд. рублей, а освобождение от уплаты арендных платежей на то же период – 47 тыс. объектов на сумму 5,15 млрд. рублей.

Как отмечают специалисты, объем прямой денежной поддержки составил 0,3 % ВВП, т. е. 340 млрд. руб. Однако, это поддержка всей экономики, а не только сектора МСП, которому достанется от нее небольшая часть: субсидирование зарплат из расчета МРОТ на каждого работника, общим объемом 80 млрд. руб. В основном помощь заключается в предоставлении отсрочек по выплатам налогов (за исключением НДС), бюджетных кредитов (возможна реструктуризация), уменьшении взносов на страхование вдвое (до 15 %), предоставлении госгарантий фирмам [5, с. 245].

Очевидно, что самой весомой мерой поддержки малого и среднего предпринима-

тельства было распоряжение Президента от 15.04.2020 г. о предоставлении денежной помощи МСП на выплату персоналу зарплат два следующих месяца. Но для этого было необходимо сохранить не меньше 90 % персонала.

Анализ статистических данных, содержащихся в годовом отчете Фонда содействия за 2019 г.¹⁰, позволяет сделать ряд выводов: о незначительном числе представителей МСП, получивших финансовую поддержку – из почти шести тысяч СМСП, имеющих в Свердловской области, менее тысячи (903) подали заявки. Однако только 530 предприятий МСП получили финансовую помощь, менее 9 % от общего числа предприятий МСП. Кроме того, эта помощь была предоставлена только на возмездной основе – в форме займов. Их размеры вряд ли могут удовлетворить запросы предпринимателей – они в среднем немногим превышают 2 млн рублей – сумма явно недостаточная на развитие предприятий МСП.

Приведенные, далеко не полные данные, говорят о том, что меры поддержки коснулись весьма небольшой части предпринимательского сообщества; достаточно убедительно показывают на не столь высокую степень привлекательности и доступности мер финансовой поддержки в 2020 г. для предпринимателей. Действительно разносторонний комплекс мер поддержки направлен на выживание армии российских предпринимателей, но не на развитие; не на приоритетную поддержку субъектов МСП, связанных с инновационным производством (за исключением фармацевтической промышленности).

Такое явление связано не столько со скудностью государственного бюджета, сколько с позицией банков, по-прежнему, неохотно инвестирующих средства в реальную экономику. Эффективность государственного управления во многом стала зависеть от способности власти к развороту банков в сторону поддержки предпринимательства. Очевидно, что главным делом властей Свердловской области в период пандемии должен стать разворот региональных банков (прежде всего, УБРИР) в сторону поддержки МСП.

Как уже отмечалось, главной проблемой для МСП является чрезмерная контрольно-надзорная деятельность. В этой связи отмену 100 тыс. плановых и 400 тыс. внеплановых проверок в период апреля – октября 2020 г. можно расценить как позитивное явление. Вместе с тем очевидно и то, что главным бременем для МСП стали внеплановые проверки. Очевидно и снижение административной нагрузки на производителей: по данным на 25 сентября 2020 г. из 194 контролирующих органов 184 прекратили проверки. Тем не менее, даже в столь критический период продолжают проверки десяти контролирующих организаций.

17 ноября 2020 г., отчитываясь перед депутатами Законодательного Собрания о реализации Указа № 71, Губернатор Свердловской области Е. В. Куйвышев отметил, что с начала пандемии на финансирование мер по борьбе с коронавирусом и стабилизации экономической ситуации в регион было направлено почти 15 млрд. рублей, из них 5,7 млрд. рублей – средства областного бюджета. По словам губернатора, в регионе была введена региональная выплата для самозанятых, которую получили более 15 тысяч человек¹¹. Однако в области насчитывается более 33 тыс. только зарегистрированных занятых. С учетом того, что по данным социологического исследования Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС, проведенного в 2019 г., доля самозанятых в общей численности занятого населения составляет 22 % [19, с. 67], число незарегистрированных самозанятых в Свердловской области может достигать до 200 тыс. чел.

*Мероприятия областного союза
малого и среднего бизнеса
Свердловской области в 2020 г.*

Всесторонняя оценка ситуации в сфере МСП была дана на пленарном заседании Пятого Налогового форума малого и среднего бизнеса Свердловской области «Бизнес и государство: время сотрудничать», проведенного областным союзом малого и среднего бизнеса Свердловской области, состоявшемся в Екатеринбурге 25 ноября 2020 г., с участием руко-

¹⁰ Динамика предоставления льготных займов представителям МСП в 2019–2020 гг. // Материалы текущего архива Фонда содействия предпринимательству Свердловской области.

¹¹ Анна Чернобривцева. Доходы сократились, обязательства остались // Областная газета. 2020. 18 ноября. С. 1.

водящих работников ряда министерств регионального правительства; представителей Роспотребнадзора и налоговых структур¹². Фактически Пятый Налоговый Форум стал Советом представителей власти и бизнеса в кризисной ситуации.

Резолюция Пятого Налогового форума малого и среднего бизнеса Свердловской области отмечала, что 2020 г. принес резкое ухудшение ситуации в экономике в результате распространения новой коронавирусной инфекции: 80 % субъектов МСП Свердловской области столкнулись с падением выручки по меньшей мере на 30 %, а более 70 % организаций Свердловской области столкнулись с ухудшением своего экономического и финансового положения. Численность занятых в сфере МСП Свердловской области упала в 2019–2020 гг. с 639,8 до 580,0 тыс. человек в 2020 г.¹³

В Резолюции подчеркивалось, что государством, как на федеральном, так и на областном уровне, были приняты меры поддержки в виде льготного кредитования, предоставления субсидий, предоставления отсрочки (рассрочки) по уплате налогов и страховых взносов и др. Однако государственная поддержка бизнеса в период пандемии осуществлялась только в отношении установленного Правительством РФ списка отраслей в зависимости от кода ОКВЭД, а не всем реально пострадавшим субъектам МСП.

В указанном документе зафиксированы результаты опросов, проведенных различными некоммерческими организациями, из которых следует: «болезни» российского предпринимательства «доковидной эпохи» накапливались длительный период и усилились в период пандемии. В числе проблем малого бизнеса – вопросы контроля и расчета налогов, в т. ч. связанные с постоянной налоговой базой, не зависящей от уровня доходов предпринимателя. Постоянные изменения и ужесточения в правилах налогового администрирования, по мнению предпринимателей, негативно влияли на деловой и инвестиционный климат, по-

вышая риски предпринимательской деятельности.

Дополнительную тревогу предпринимателей вызывает завершение «налоговой эпохи» ЕНВД (единого налога на вмененный налог) с 1 января 2021 г. – налогового режима, максимально понятного и удобного для использования субъектами МСП, в особенности в сферах розничной торговли, общепита, автоперевозок и других видов деятельности, обслуживающих население.

По данным ЕГРЮЛ, в стране более 2 млн субъектов малого и среднего бизнеса применяли этот удобный для них налоговый режим, что, безусловно, свидетельствует о востребованности ЕНВД для малого бизнеса. Поступления от ЕНВД занимали второе место (после УСН) по размеру налоговых платежей в консолидированные бюджеты РФ среди специальных налоговых режимов. По мнению участников Налогового форума, прекращение действия этого налогового режима с 2021 г. приведет к возникновению выпадающих доходов бюджетов муниципалитетов, и, несомненно, еще увеличит налоговую нагрузку для бизнеса. Поэтому, судя по обращениям в Областной союз МСП, уральские предприниматели продолжают надеяться на продление ЕНВД на период как минимум до 2023 г., что позволило бы им восстановить свои ресурсы и активы, подорванные приостановлениями деятельности в 2020 г. и общим спадом в экономике, вызванным пандемией.

Резолюция Пятого Налогового форума указывает, что продолжающие свое действие специальные налоговые режимы не всегда удобны для налогоплательщиков, относящихся к сфере микро-, малого и среднего бизнеса и требуют совершенствования. Так, патентная система применяется исключительно ИП и не может быть использована организациями. Такое неравное положение, не позволяющее бизнесу использовать систему налоговых патентов в зависимости от организационно-правовой формы, несовершенно и требует доработ-

¹²Стенограмма Пятого Налогового форума малого и среднего бизнеса Свердловской области «Бизнес и государство: время сотрудничать». 25 ноября 2020 г. // Текущий архив областного союза малого и среднего бизнеса Свердловской области.

¹³Резолюция заседания тематической площадки «Профилактика и противодействие коррупции в деловой сфере» Антикоррупционного форума Свердловской области 1–3 декабря 2020 г. // Материалы текущего архива областного союза малого и среднего бизнеса Свердловской области.

ки. Распространение права на использование патентной системы налогообложения юридическими лицами позволит малому бизнесу развиваться, применяя оптимальные для государства и бизнеса налоговые правила.

Как пример принципиально иного, позитивного значения, резолюция указывает на введенный в 2020 г. новый налоговый режим – налог на профессиональный доход (самозанятые). По новому налоговому режиму государством предложены налогоплательщикам комфортные налоговые условия предпринимательской деятельности: минимальное налоговое администрирование, возможности использования налоговых вычетов, отсутствие деклараций и иной налоговой отчетности.

Впервые в практике проведения Налоговых форумов его участники признали, что на практике встречаются факты, когда некоторые предприниматели нарушают налоговое законодательство, уклоняются от уплаты налогов, занижают свои доходы, неправомерно декларируют убытки для вывода прибыли из-под налогообложения; дробят бизнес, создают и регистрируют «фирмы-однодневки». Резолюция призывает к борьбе с такими незаконными действиями и широкой пропаганде деятельности бизнесов, не нарушающих нормы НК РФ.

Учитывая конструктивные предложения, внесенные во время проведения мероприятий Налогового форума, участники пленарного заседания единогласно приняли резолюцию, в которой одобрялись и поддерживались положения «Основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2020 год и на плановый период 2021–2022 гг.» по недопущению увеличения налоговой нагрузки на предпринимательскую деятельность, в том числе по налоговому стимулированию новых инновационных производств и инвесторов, через уменьшение уплачиваемого налога на прибыль от суммы капитальных вложений; сокращению «теневое» сектора экономики за счет цифровизации и интеграции информационных потоков в единое пространство налогового администрирования.

Участники пленарного заседания Налогового форума рекомендовали депутатам Госу-

дарственной Думы от Свердловской области использовать в работе по совершенствованию законодательства предложения в сфере налоговой политики, выработанные в ходе мероприятий Налогового форума, в частности:

- сохранить специальный налоговый режим «Единый налог на вмененный доход» до 2024 г.;

- рассмотреть вопрос об отмене на 2020 и 2021 гг. для субъектов МСП налога на имущество организаций и земельного налога;

- вернуть для субъектов МСП, уплачивающих НДС, метод определения налоговой базы по кассовому методу (т.е. после фактической уплаты);

- освободить от налога на прибыль организации из пострадавших отраслей;

- понизить ставку налога на прибыль до 10 % для всех хозяйствующих субъектов;

- ввести на 2020–2021 гг. понижающий коэффициент 0,5 для всех санкций, предусмотренных НК и КоАП РФ за налоговые правонарушения.

Своеобразной новеллой резолюции Налоговых форумов стало обращение к Федеральной службе по налогам и сборам с просьбой разработать рекомендации по усилению роли Общественных советов при региональных управлениях ФНС России для улучшения коммуникаций между налогоплательщиками и налоговыми органами, предусматривающие в том числе сбор предложений от налогоплательщиков по улучшению работы налоговых органов в качестве «сервисной службы», в частности при подготовке общественных обсуждений по налогам.

Другой новацией стало предложение налоговым органам Свердловской области продолжить совершенствование форм и методов работы, обеспечивая своевременную консультационную и информационно-методическую поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства. Техническая сторона проблемы включает продолжение практики массовых рассылок налогоплательщикам информации об изменениях законодательства, проведения веб-семинаров и консультаций, обобщение письменных и устных обращений субъектов малого и среднего предпринимательства по вопросам профилактики и противо-

действия коррупции, нарушений при применении налогового законодательства, практики разрешения споров, возникающих в сфере налоговых отношений.

С организационной стороны – проведение на регулярной основе по налоговой тематике конференций, семинаров, круглых столов, бизнес-тренингов, курсов повышения квалификации с целью открытого обсуждения актуальных вопросов налогового администрирования и проблем, возникающих у предпринимателей при уплате налогов.

Активное участие в работе Налогового форума представителей региональных властных структур позволяет надеяться на поддержку мнения предпринимательского сообщества в столь трудный для всех граждан РФ исторический период.

Дальнейшие шаги по координации действий Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области, руководителей Общественной палаты Свердловской области, представителей региональных правовых структур, директора Уральского института управления были сформулированы в рамках Антикоррупционного форума, прошедшего в режиме видеоконференции 1-3 декабря 2020 г.

В Резолюции форума, в частности, предлагалось направить проект Методических рекомендаций по профилактике «деловой коррупции» в органы власти, в Общественную палату Свердловской области, в общественные и некоммерческие организации и бизнес-объединения.

В свою очередь, Союз малого и среднего бизнеса Свердловской области на состоявшейся 14 декабря 2020 г. видеоконференции «Предпринимательская инициатива: бизнес против коронавируса», с участием А. В. Орлова, первого заместителя Губернатора Свердловской области, призвал предпринимательское сообщество Свердловской области к активизации участия малого и среднего бизнеса в противодействии распространению новой коронавирусной инфекции и утвердил

план конкретных действий в этом направлении. План предусматривал расширение взаимодействия с Минпромторгом Свердловской области, в контексте расширения информации о потенциальных поставщиках; поддержания местных производителей средств защиты посредством закупки их продукции по конкурентным ценам и без ущерба качеству; оказание организационно-методической помощи всем медицинским учреждениям по вопросу профилактики коронавируса.

Результаты

Подводя черту, следует отметить, что принятые меры по поддержке МСП позволили избежать масштабной катастрофы в экономике России и Свердловской области. Вместе с тем, очевидно и иное: при бесспорной актуальности и позитивности принимаемых мер, не прописаны предполагаемые управленческие технологии и персональная ответственность. Отсутствует указание на болевые точки предпринимательства предшествующего периода; не указаны механизмы обратной связи, сайты текущей информации; формат взаимодействия с институтами гражданского общества.

Надежды на то, что эффективность функционирования субъектов российского МСП будет стремительно повышена на основе реализации концепции цифровизации бизнеса [17], могут оправдаться только при условии восстановления доверия субъектов МСП к органам власти. Только максимально быстрое преодоление указанных недостатков в сфере МСП может обеспечить эффективность восстановительного периода. Ситуация прошлого, когда у властных структур на подготовку к реализации рекомендаций Союза уходил год [20], в условиях пандемии недопустима.

Осмысление принятых мер по поддержке МСП находится на начальном этапе [20–25]. Существует потребность избежать поверхностного взгляда на происходящие события чрезвычайного периода мировой и российской истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трофимова О.М., Шеметова Н.К. (2019). Методика оценки влияния контрольно-надзорной деятельности государства на функционирование малого и среднего бизнеса // Вопросы управления. № 4 (59). С. 168–177.
2. Ермашкевич Н.С. (2019). Комплексный анализ государственных мер поддержки сектора малого и среднего предпринимательства в России // Российское предпринимательство. Т. 20. № 1. С. 13–38.
3. Фельдман М.А. (2019). Ежегодный доклад о результатах деятельности Уполномоченного по правам предпринимателей Свердловской области как зеркало состояния малого и среднего предпринимательства в регионе // Вопросы управления. № 1. С. 13–169.
4. Прыгунова М.И. (2018). Особенности применения индикативного подхода к оценке эффективности поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства со стороны органов государственной власти (на примере Республике Татарстан) // Российское предпринимательство. Т. 19. № 10. С. 3075–3083.
5. Степанов Н.С. (2020). Почему не работают институциональные механизмы поддержки малого и среднего предпринимательства в условиях пандемии (коронавирусной инфекции) // Бизнес. Образование. Право. № 3 (52). С. 243–248.
6. Качанова Е.А., Смирнова Е.А. (2020). Налогово-бюджетные меры стимулирования предприятий малого бизнеса в условиях экономического кризиса // Вопросы управления. № 4 (65). С. 44–54.
7. Белоусов А.Л. (2020). Аудит мер поддержки малого и среднего предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. Т. 14. № 1. С. 5–21.
8. Захарова Н.В., Лабудин А.В. (2019). Особенности венчурного инвестирования в Великобритании // Управленческое консультирование. № 12. С. 59–69.
9. Люй Хунюй, Хохлова Г.И., Кретова Н.В., Коршунова Е.И. (2019). Малый и средний бизнес: особенности функционирования на современном этапе // Российское предпринимательство. Т. 20. № 4. С. 865–887.
10. Руденко М.Н. (2019). Социальная и экономическая адаптации населения региона к современным условиям предпринимательской деятельности // Российское предпринимательство. Т. 20. № 4. С. 833–846.
11. Мезенцев Е.М. (2019). Характер и тенденции развития предпринимательских сетей Свердловской области // Российское предпринимательство. Т. 20. № 3. С. 771–788.
12. Барина В.А. (2019). Поддержка малого и среднего предпринимательства на региональном уровне: международный опыт и российские особенности // Экономическое развитие России. Т. 26. № 1. С. 55–62.
13. Болдырев В.А. (2020). Ограничение свободы предпринимательской деятельности: новая правовая реальность // Имущественные отношения в Российской Федерации. № 9 (228). С. 62–74.
14. Буньковский Д.В. (2020). Условия возникновения и развития нелегального промышленного предпринимательства // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. № 2. С. 273–285.
15. Барина В.А. (2018). Проблемы статистического учета динамики сектора малых и средних предприятий в России // Экономическое развитие России. Т. 25. № 1.
16. Босых И.В. (2017). Основные факторы, сдерживающие развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации (на примере города Набережные Челны) // Муниципалитет: экономика и управление. № 4. С. 72–79.
17. Полянин А.В., Соболева Ю.П., Тарновский В.В. (2020). Цифровизация процессов малого и среднего предпринимательства // Управленческое консультирование. № 4. С. 80–96.
18. Ежегодный доклад о результатах деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Свердловской области в 2019 году. Екатеринбург, 2020. 153 с.
19. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. (2020). Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 60–85.
20. Архангельский В.Н., Фельдман М.А. (2020). Союз малого и среднего бизнеса Свердловской области в годы санкций: максимум возможного? // Вопросы управления. № 2 (63). С. 66–77.
21. Бухвальд Е.М. (2020). Переживет ли малый бизнес России шок 2020 года? // Экономика, предпринимательство и право. Т. 10. № 5. С. 1319–1336.

22. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М., 2020.

23. Сирбиладзе К.К., Соломахин А.А. (2020). Влияние пандемии COVID-19 на социальные сети в контексте продвижения компаний в мире // Экономика и предпринимательство. № 5 (118). С. 1204–1208.

24. Иневатова О.А., Галушко М.В., Огородникова Д.А. (2020). Влияние малого бизнеса на формирование налоговых доходов местного бюджета // Экономика, предпринимательство и право. Т. 10. № 4. С. 1217–1230.

25. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М., 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Архангельский Вячеслав Николаевич – кандидат экономических наук; Союз малого и среднего бизнеса Свердловской области (620026, Россия, Екатеринбург, ул. Куйбышева, 44д); smsbso2@mail.ru.

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); feldman-mih@yandex.ru.

UNION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE SVERDLOVSK REGION: THE TEST OF THE PANDEMIC

V.N. Arkhangelsky^{14a}, M.A. Feldman^{15b}

^aUnion of small and medium-sized businesses of the Sverdlovsk region

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Based on the analysis of federal and regional Plans of Measures to support entrepreneurship during the pandemic and the documents of the current archive of the Regional Union of Small and Medium-sized Businesses, the article draws conclusions about the impact of the pandemic on the sphere of small and medium-sized enterprises in Russia and the Middle Urals. It describes the main activities of the Union of Small and Medium-sized Businesses of the Sverdlovsk region in 2020. The methods of comparative analysis, generalization, and classification were used in the research process.

The paper discusses the problems of overcoming such negative consequences as insufficient financing of small and medium-sized businesses, existence of corruption and excessive control and supervision. Conclusions are drawn about the degree of attractiveness for entrepreneurs of specific types of support during the pandemic. The main activities carried out by the Union in 2020 are described. Special attention is paid to the work of the Fifth Tax Forum of Small and Medium-sized Businesses of the Sverdlovsk Region, held on November 25, 2020. The leaders of the Union prepared and presented to the participants of the Tax Forums a number of proposals to improve the legislation, both at the regional and federal levels.

Scientific novelty: this is the first research that presents a generalized statistics on the development of small and medium-sized businesses in the Middle Urals during the pandemic; it reveals the degree of effectiveness of measures to support small and medium-sized businesses in 2017–2019 and in 2020. A number of measures are proposed to improve the activities of the Union of Small and Medium-sized Businesses of the Sverdlovsk Region in the form of recommendations to the Governor of the Sverdlovsk Region and the ministries.

¹⁴RSCI AuthorID: 700594

¹⁵RSCI AuthorID: 460956

KEYWORDS: pandemic, Regional Union, small and medium-sized business, Sverdlovsk region, entrepreneurship, control and supervisory activities, taxes.

FOR CITATION: Arkhangelsky V.N., Feldman M.A. (2021). Union of small and medium-sized businesses in the Sverdlovsk region: the test of the pandemic, *Management Issues*, no. 4, pp. 49–61.

REFERENCES

1. Trofimova O.M., Shemetova N.K. (2019). Methodology for assessing the impact of state control and supervision activities on the performance of small and medium-sized businesses, *Management issues*, no. 4 (59), pp. 168–177.
2. Ermashkevich N.S. (2019). A comprehensive analysis of state measures for supporting the small and medium-sized businesses in Russia, *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 20, no. 1, pp. 13–38.
3. Feldman M.A. (2019). Annual report on the results of the performance of the authorized on the rights of the businessmen of the sverdlovsk region as a mirror of the condition of small and medium entrepreneurship in the region, *Management issues*, no. 1, pp. 13–169.
4. Prygunova M.I. (2018). Features of applying an indicative approach to evaluating the effectiveness of support for small and medium-sized businesses from state authorities (on the example of the Republic of Tatarstan), *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 19, no. 10, pp. 3075–3083.
5. Stepanov N.S. (2020). Why institutional mechanisms for small and medium-sized businesses do not work in a pandemic (coronavirus infection), *Business. Education. Law*, no. 3 (52), pp. 243–248.
6. Kachanova E.A., Smirnova E.A. (2020). Fiscal measures to encourage small businesses in the context of the economic crisis, *Management issues*, no. 4 (65), pp. 44–54.
7. Belousov A.L. (2020). Audit measures for support for small and medium-sized businesses, *Actual problems of the economy and law*, vol. 14, no. 1, pp. 5–21.
8. Zakharova N.V., Labudin A.V. (2019). Features of venture investment in the UK, *Management consulting*, no. 12, pp. 59–69.
9. Lu Hongyu, Khokhlova G.I., Kretova N.V., Korshunova E.I. (2019). Small and medium business: features of functioning at the present stage, *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 20, no. 4, pp. 865–887.
10. Rudenko M.N. (2019). Social and economic adaptation of the population of the region to modern conditions of entrepreneurial activities, *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 20, no. 4, pp. 833–846.
11. Mezentshev E.M. (2019). The nature and trends in the development of entrepreneurial networks of the Sverdlovsk region, *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 20, no. 3, pp. 771–788.
12. Barinova V.A. (2019). Support for small and medium-sized businesses at the regional level: international experience and Russian features, *Economic development of Russia*, vol. 26, no. 1, pp. 55–62.
13. Boldyrev V.A. (2020). Restriction of Entrepreneurial Freedom: New Legal Reality, *Property relations in the Russian Federation*, no. 9 (228), pp. 62–74.
14. Bunkovsky D.V. (2020). The conditions for the emergence and development of illegal industrial entrepreneurship, *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, no. 2, pp. 273–285.
15. Barinova V.A. (2018). Problems of statistical accounting of the dynamics of the sector of small and medium-sized enterprises in Russia, *Economic development of Russia*, vol. 25, no. 1.
16. Bosykh I.V. (2017). The main factors constraining the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation (on the example of the city of Naberezhnye Chelny), *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 72–79.
17. Polyanin A.V., Soboleva Yu.P., Tarnovsky V.V. (2020). Digitalization of small and medium-sized enterprise processes, *Management consulting*, no. 4, pp. 80–96.
18. Annual report on the results of the activities of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Sverdlovsk Region in 2019. Ekaterinburg, 2020. 153 p.
19. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2020). Regulation of the activities of self-employed citizens, *Questions of state and municipal management*, no. 1, pp. 60–85.
20. Arkhangelsky V.N., Feldman M.A. (2020). Union of small and medium-sized businesses of the Sverdlovsk region during the years of sanctions: the maximum possible? *Management issues*, no. 2 (63), pp. 66–77.

21. Bukhvald E.M. (2020). Will the small business of Russia surviving shock 2020? *Economy, entrepreneurship and law*, vol. 10, no. 5, pp. 1319–1336.

22. Society and Pandemic: experience and lessons to combat COVID-19 in Russia. Moscow, 2020.

23. Sirbiladze K.K., Solomakhin A.A. (2020). The effect of COVID-19 pandemic on social networks in the context of promoting companies in the

world, *Economics and entrepreneurship*, no. 5 (118), pp. 1204–1208.

24. Inevatova O.A., Galushko M.V., Ogorodnikova D.A. (2020). The impact of small business on the formation of local budget tax revenues, *Economics, entrepreneurship and law*, vol. 10, no. 4, pp. 1217–1230.

25. Society and Pandemic: experience and lessons to combat COVID-19 in Russia. Moscow, 2020.

AUTHORS' INFORMATION:

Vyacheslav N. Arkhangelsky – Ph.D. of Economic Sciences; Union of small and medium-sized businesses of the Sverdlovsk region (44d, Kuybyshev St., Ekaterinburg, 620026, Russia); smsbso2@mail.ru.

Mikhail A. Feldman – Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); feldman-mih@yandex.ru.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПУТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

А.Г. Мокроносов^{1а}, Е.М. Зайцева^{2а}

^аУральский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена решению проблемы эффективного управления сферой малого и среднего предпринимательства (МСП) на основе построения системы сбалансированных показателей (ССП) применительно к оценке результативности поддержки развития МСП. Применение СПП позволит построить системную модель оценки состояния сферы МСП (как на региональном, так и на муниципальном уровнях), в которой будет осуществляться переход от стратегических целей развития территории к конкретным адресным мерам поддержки и выбранным на этой основе показателям оценки результативности оказания поддержки, а затем, в результате проведения оценки, модель позволит вернуться к инструментам поддержки с целью их изменения или дополнения. Решение авторов использовать СПП применительно к управлению развитием сферы МСП обусловлено успешным применением данного подхода для достижения стратегических целей коммерческих организаций, что позволяет перенести опыт его использования на сферу государственного и муниципального управления.

Построение модели оценки на основе СПП позволит обеспечить соблюдение необходимых, по мнению авторов, мер для эффективного управления сферой МСП на конкретной территории предлагаемых принципов оценки. Указанные принципы (динамичности оценки, связи оценки с мерами государственного управления, учета региональной специфики, формирования показателей оценки) были впервые разработаны авторами в результате анализа и систематизации по предложенной классификации (на основе цели оценки, типа показателей ее проведения, учета регионального фактора оценки) существующих в отечественной научной литературе авторских подходов по проблематике оценки состояния сферы МСП. В работе были проанализированы их особенности и выявлены ограничения, препятствующие эффективному применению данных подходов. Далее в работе были рассмотрены основные особенности существующей модели оценки развития сферы МСП на основе СПП, разработанной российскими исследователями, и определены основные возможности для усовершенствования представленной модели.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: малое и среднее предпринимательство, МСП, государственное регулирование, оценка состояния, оценка результативности сферы, методические подходы к оценке, принципы оценки результативности, система сбалансированных показателей.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мокроносов А.Г., Зайцева Е.М. (2021). Предлагаемые пути усовершенствования системы сбалансированных показателей применительно к оценке эффективности управления сферой малого и среднего предпринимательства // Вопросы управления. № 4. С. 62–77.

Высокий уровень развития малого предпринимательства является условием гибкости рыночной экономики, обеспечивает ее диверсификацию, что позволяет решить такие соци-

ально-экономические проблемы, как проблема занятости, низкого уровня доходов населения, а следовательно, проблему оттока квалифицированных кадров из муниципалитетов.

¹AuthorID РИНЦ: 387112

²AuthorID РИНЦ: 793983

Развитие предпринимательства может обеспечить развитие инновационных направлений, являясь фактором перестройки и достижения по ряду направлений научно-технологического прогресса.

Ожидаемый вклад малого бизнеса в экономику России ставит перед Правительством России важнейшую задачу оказания поддержки субъектам малого и среднего бизнеса. Действие программ поддержки предпринимательства осуществляется на основе реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», который был утвержден в начале 2019 г. и основными целями которого являются увеличение по итогам 2024 года доли малого и среднего бизнеса в ВВП страны до 32,5 % (в 2018 г. этот показатель составлял 20,2 %), а также увеличение численности работников в данном секторе до 25 млн. человек (по состоянию на 19 ноября 2020 года в этом секторе работают 15,5 млн человек).

Реализация поддержки развития малого бизнеса в целях повышения степени ее эффективности должна являться частью единой системной модели, в которую включаются оценка развития малого бизнеса на основе выбора перспективных направлений развития территории, учета влияющих факторов, выбора используемых инструментов поддержки и оценки их результативности.

Основная проблема реализуемых программ поддержки малого бизнеса на местах в настоящее время заключается в несоответствии их трендам деглобализации экономики, отсутствию ориентации на местном уровне на принципы устойчивого развития, что в конечном итоге приводит к использованию мер поддержки без разделения на направления развития бизнеса, которые могут быть успешно реализованы на территории, и те, реализация которых не имеет перспектив к развитию, и соответственно, к формированию неинформативных показателей оценки развития малого бизнеса и эффективности инструментов поддержки.

Проблематика оценки состояния сферы малого и среднего предпринимательства (МСП),

а также результативности управления ее развитием является важным элементом в структуре системы государственного регулирования данной сферы. От формирования показателей оценки зависит правильность выводов относительно направления изменения и динамики показателей сферы МСП, что позволяет своевременно скорректировать использование инструментов управления изменениями.

Согласно позиции Института оценки программ и политик, созданного в 2004 году с целью продвижения и применения в России методов оценивания эффективности, результативности государственных политик и государственных программ, под оценкой понимается аналитический инструмент или процедура, предназначенная для измерения прямых эффектов, результативности и долгосрочных последствий реализации государственных программ, отраслевых политик, оценки регулирующего развития, а также программ развития, проектов некоммерческого сектора³. В толковом словаре С. И. Ожегова под оценкой понимается «мнение о ценности, уровне или значении чего-либо». Термин «оценить» трактуется следующим образом: «определить цену кого-нибудь или чего-нибудь... установить качество чего-либо или кого-либо, степень, уровень, высказать мнение, суждение о ценности или значении кого-нибудь или чего-нибудь».

Понятие «результативность» отражает соответствие результатов какого-либо действия целям и интересам субъектов, вовлеченным в это действие. При осуществлении государственной поддержки развития сферы МСП под результативностью, по нашему мнению, следует понимать соответствие полученных результатов поддержки поставленным целям, связанным с изменением указанной сферы. Соответственно, оценка результативности управления развитием организаций МСП заключается в измерении степени соответствия полученных результатов оказания поддержки поставленным целям.

Определение показателей оценки является прямым следствием выбора цели управления изменениями в сфере МСП. На наш взгляд, цель оказания поддержки организациям МСП должна заключаться в достижении положи-

³Институт оценки программ и политик. 2021. URL: <http://www.iopp.ru/> (дата обращения: 21.06.2021).

тельной динамики изменения определенных экономических показателей, отражающих состояние указанной сферы.

Решению вопроса по выбору показателей оценки и критериев достижения целей государственной поддержки малого и среднего бизнеса в отечественной научной литературе посвящено множество работ. Наличие в отечественной научной литературе большого количества авторских подходов к механизму проведения оценки приводит к необходимости проведения подробного анализа данных подходов с целью их систематизации, с выделением как положительных особенностей, так и ограничений, преодоление которых в сочетании с обобщающими достижениями каждой группы подходов позволит выработать принципы осуществления системной оценки, способствующие решению указанной проблемы.

Проведенный нами анализ существующих в научной литературе методических подходов к оценке развития МСП и результативности государственной поддержки данной сферы позволил классифицировать их по нескольким признакам.

1. Авторские подходы, выделяемые в зависимости от цели проведения оценки.

1) исследования, направленные на констатацию фактического, текущего состояния данной сферы. Так, С. В. Орехова на основе сравнительного анализа показателей совокупной производительности факторов малых и крупных предприятий приходит к выводу о неэффективности малых предприятий в экономике России [2].

О. В. Мироненко, А. А. Крюкова и другие авторы предлагают определять результативность сферы МСП с помощью показателей, основанных на данных территориальных органов статистики и федеральной налоговой службы⁴.

Авторы В. А. Барина, Б. Титов, С. А. Улько и др. осуществляют сравнительный анализ состояния МСП в России и других странах [3–5].

Общей особенностью таких исследований является вывод, согласно которому состояние сферы МСП в России можно охарактеризо-

вать как определенный дуализм, когда, с одной стороны, признается значительная роль МСП в экономической системе, а с другой – указываются на проблемы развития данной сферы. Отмечая важность указанных работ, позволяющих сформировать наглядную ситуацию, сложившуюся в сфере МСП, на наш взгляд, необходимо также уделять внимание характеру динамики изменений показателей в зависимости от результатов реализации мер государственного регулирования.

Ряд исследователей оценивают фактическое состояние сферы МСП в России, анализируя при этом причины такого состояния, и предлагают общие направления государственной поддержки, способствующие повышению результативности принимаемых мер. Так, по мнению М. Е. Коноваловой, к основным ограничениям, возникающим на пути развития малого предпринимательства в России, относятся «проблема получения финансовых ресурсов, малоэффективная образовательная и информационно-консультационная поддержка, отсутствие стимулирования к инновационной деятельности, коррупционные и бюрократические барьеры» [6, с. 13–17].

В. В. Григорьева к причинам проблем развития МСП относит «несовершенство государственной политики, отсутствие заинтересованного диалога власти и предпринимательства, отсутствие прозрачных правил, отсутствие комплексного мониторинга и контроля качества услуг для субъектов МСП, высокий уровень бюрократии, коррупции, экономические проблемы, такие как высокие ставки налогов, недостаток собственных финансовых средств, сокращение объемов кредитования, рост цен на сырье и энергоносители» [7].

Е. А. Кузнецова в своей работе также указывает на трудности, с которыми сталкивается малый и средний бизнес в России: «проверки контрольных органов, низкий уровень финансовой обеспеченности, сложность получения кредитов, неэффективность налоговой системы» [8].

В целом анализ научных работ, в которых рассматриваются причины неудовлетвори-

⁴Методические основы оценки динамической эффективности развития предпринимательства. 2020. URL: https://m.studref.com/388207/management/metodicheskie_osnovy_otsenki_dinamicheskoy_effektivnosti_razvitiya_predprinimatelstva (дата обращения: 24.11.2020).

тельного состояния сферы МСП в России, позволяет сделать вывод, что большинство авторов рассматривают так называемые «универсальные» проблемы развития малого бизнеса, характерные в целом для российской территории, и не детализируют проблемные вопросы в зависимости от региональной специфики. Рассматривая причины, препятствующие развитию малого бизнеса в нашей стране, анализируемые авторами, предлагаем выделить следующие проблемные группы, которые объединяют в себе характер указываемых проблем:

– группа административных барьеров, под которыми понимается наличие многочисленных подзаконных актов, противоречия между федеральным и региональным уровнями законодательства, частота изменения законодательства, большой объем отчетности, большое количество контролирующих органов, многоэтапность и длительность прохождения процедур, необходимых для организации бизнеса. Например, для того чтобы предпринимателю получить земельный участок для организации производства или осуществить подключение к системам водоснабжения и водоотведения, газоснабжения, необходимо прохождение комплекса процедур, которое в совокупности может занять несколько месяцев или больше. По мнению авторов, законодательство, регулирующее сферу бизнеса, должно стать более открытым, прозрачным. Также необходимо снизить количество проверок контролируемыми органами, сделать их более согласованными, при этом необходимо предоставлять предпринимателям всю необходимую информацию касательно требований со стороны контролирующих органов.

– проблема недостаточности финансирования бизнеса, обусловленная затрудненным доступом к внешнему финансированию (заемным средствам) на капитальные и текущие расходы. Суть данной проблемы заключается в слабой степени развитости кредитных программ для субъектов МСП. Банки отказываются сотрудничать с малым бизнесом по причине риска невозврата кредитных средств.

– инфраструктурные ограничения – группа многочисленных препятствий для реализации малого и среднего бизнеса, в которую включаются недостаточно развитые возможности

в части имущественного комплекса (помещения, производственные площади, земельные участки); трудности с подключением к инженерно-техническим сетям, высокая стоимость тарифов на подключение; транспортные ограничения и т.д.

– налоговые ограничения, проявляющиеся в высокой налоговой нагрузке на МСП.

– отдельную группу ограничений, выделяемых некоторыми авторами, составляют проблемы, связанные с низким уровнем развития в России предпринимательской культуры, сущность которых заключается в слабом присутствии у населения таких качеств, как инициатива, творческое мышление, необходимые знания и навыки, гибкость мышления, лидерство – таких особенностей, которые способствовали бы разработке и развитию новых предпринимательских проектов, связанных с инновационной компонентой и в меньшей степени связанных с такими видами деятельности, как торговля и общественное питание. Иными словами, в настоящее время возникла необходимость инвестиций в развитие человеческого капитала в России.

Указанные группы проблем, негативно влияющих на развитие сферы МСП в нашей стране, отмечаемых исследователями, на наш взгляд, определенно имеют место. Однако для каждой территории (на уровне региона и даже отдельного муниципалитета) для объективного понимания всего комплекса ограничений и дальнейшей выработки инструментов по их возможному преодолению необходим анализ собственных причин и факторов, оказывающих воздействие на функционирование и развитие данной сферы. На каждой территории этот перечень факторов может различаться (одни территории имеют непривлекательное географическое положение, отдаленность от основных транспортных магистралей, другие могут иметь или не иметь серьезную научную базу для развития студенческих стартапов; наличие крупных предприятий на территории муниципалитета может являться положительным фактором для развития сферы МСП и т.д.). Иными словами, на наш взгляд, при анализе причин, препятствующих развитию МСП, учет специфики развития территории является обязательным.

2) во вторую группу исследований попадают работы, которые помимо анализа основных проблем и возможных направлений государственного регулирования сферы МСП предлагают оценивать эффективность осуществляемых мер поддержки.

При этом одни исследователи оценивают влияние государственной поддержки на развитие МСП в целом на государственном уровне. А. А. Байтурсунов предлагает оценивать эффективность налогового, консультационно-информационного стимулирования сферы МСП, а также эффективность финансовой поддержки, используя при этом количественные показатели, рассчитываемые в виде соотношения достигнутых результатов (число субъектов МСП, функционирующих в условиях законодательных и нормативных льгот, число заключенных контрактов при посредничестве консультационных организаций, сумма налоговых поступлений) к объемам предоставленной поддержки (объем налоговых преференций, затраты на бесплатное консультирование и посредничество, сумма финансовой поддержки) [9].

Показатели отдачи бюджетных средств, затраченных на осуществление мер по развитию МСП, применяются для оценки эффективности государственной поддержки данной сферы многими экономистами. Так, А. Дадашев, И. Гловацкая, С. Лазуренко, А. Нешитой в качестве таких оценочных показателей рассматривают:

– отношение годового прироста объема реализованной продукции субъектами МСП к объему бюджетных средств, выделяемых на их поддержку;

– отношение годового прироста доходов работников МСП за счет увеличения числа рабочих мест к объему бюджетных средств, выделяемых на поддержку;

– соотношение объема платежей в бюджетную систему и объема средств государственной финансовой поддержки (показатель бюджетной эффективности) [10].

И. А. Волкова в качестве таких показателей оценки предлагает использовать «показатель прироста ВВП на 1 вложенный рубль поддержки МСП, показатель дополнительного прироста

выручки на 1 рубль консультационной поддержки» [11].

Другие исследователи оценивают эффективность региональных программ поддержки МСП (Ю. В. Кузнецов, В. Ю. Буров, А. П. Кириенко), используя при этом также показатели, связанные с бюджетной эффективностью, и общие показатели, отражающие состояние МСП в регионе (количество СМСП, доля оборота в объеме валового регионального продукта, доля среднесписочной численности работников СМСП к численности занятых в экономике региона, доля МСП в добавочной стоимости по всем предприятиям, доля вклада МСП в налоговые доходы бюджета региона и др.). Ю. В. Кузнецов систематизирует критерии эффективности региональных мер поддержки в зависимости от содержания результатов: экономической, социальной, бюджетной эффективности [12, с. 50–59]. А. П. Кириенко в своей работе проводит ранжирование регионов в зависимости от величины как общих критериев, связанных с количественным состоянием сферы МСП, так и критериев, связанных с расходами регионального бюджета на поддержку [13].

Отмечая достоинство данного подхода, осуществляющего попытки связать показатели развития сферы МСП с реализацией мер государственной поддержки, необходимо отметить о наличии проблемы недостаточной степени проработки вопроса отбора критериев оценки. Во-первых, при выборе в качестве критериев общих количественных показателей, отражающих состояние сферы МСП и которые являются индикаторами естественной динамики ее развития, сложно обеспечить связь их изменений с проводимыми мерами государственного регулирования.

Следует отметить, что некоторые авторы в своих исследованиях поднимают вопрос качества выбора показателей и предлагают способы решения проблемы связи между динамикой изменений состояния МСП и действующими мерами поддержки. Так, Т. И. Лапушинская, Т. Ю. Баженова в своем исследовании предлагают осуществлять корреляцию общих показателей функционирования МСП с объемами фактического финансирования по региональным госпрограммам [14].

Во-вторых, показатели оценки, напрямую, по мнению исследователей, отражающие связь между динамикой данной сферы и мерами ее регулирования чаще сводятся именно к анализу эффективности бюджетных расходов на поддержку развития МСП, при этом слабо учитывается тот факт, что использование в качестве показателя соотношения полученных результатов и потраченных средств бюджета не в полной мере отражает результативность принимаемых мер и не охватывает все возможные способы регулирования этой сферы.

2. В зависимости от типа показателей оценки. Анализ публикаций показал, что большое количество авторов используют количественные показатели оценки результативности малого бизнеса, разделяя их на общие показатели и показатели, непосредственно отображающие связь с эффективностью мер господдержки. Так, В. Ю. Буров предлагает систему показателей, состоящих из технических показателей (доля малых предприятий (МП) от общего числа страны, доля занятых в МП, доля МП в добавочной стоимости, количество малых предприятий на одного жителя, доля вклада в налоговые доходы бюджета, доля экономически активного населения, работающего в МП) и показателей экономической эффективности (обобщающий показатель, определяемый как соотношение выделяемых средств к сумме налоговых платежей; сумма поступивших платежей в бюджет региона, доля участия СМП в государственных закупках, финансирование региональных и гарантийных организаций и др.) [13].

М.Н. Соломатина предлагает систему количественных показателей, оценивающих качество развития МСП в регионе (доля субъектов МСП в общей численности предприятий, объем оборота на одного занятого и др.), эффективность использования ресурсов (расходы бюджета на реализацию поддержки), социальную эффективность (доля занятых на МСП в общей численности, социальная привлекательность МСП в регионе) [10].

Другие авторы на основе количественных показателей используют интегральный пока-

затель оценки. Н. Н. Киреев использует две группы показателей: оценка уровня развития малого бизнеса в регионе, определяемая как интегральный показатель на основе средних темпов изменения значений количественных показателей (количество малых предприятий, средняя численность работающих в МСП, оборот малых предприятий, инвестиции в основной капитал, сальдирующий финансовый результат деятельности малых предприятий, поступление налогов по спецрежимам); показатели оценки эффективности государственной поддержки малого бизнеса (экономическая и социальная эффективность, определяемые на основе соотношения результатов и затрат на поддержку) [15].

А. И. Меркушевым предложена методика оценки эффективности программы поддержки предпринимательства. Предлагаемый им комплексный коэффициент рассчитывается как сумма финансовых коэффициентов (удельного веса МП в производстве ВРП, удельного веса налоговых поступлений в бюджет РФ от деятельности субъектов МП, удельного веса населения, работающего в МП, от общего числа трудоспособного населения, удельного веса среднемесячной зарплаты работающих в МП по отношению к среднемесячной зарплате в целом по субъекту, числа малых предприятий на сумму численности трудоспособного населения, суммарного коэффициента распределения МП по отраслевому признаку, коэффициента инвестиций в малое предпринимательство) [13].

В предложенном методическом подходе В. В. Буева, С. В. Мигина используются интегральные индексы, которые складываются из показателей: качество развития МП, эффективность использования ресурсов, деловой климат для МП, социальная эффективность МП, эффективность деятельности объектов инфраструктуры поддержки МП⁵.

А. Е. Кремин предлагает использовать суммарный индекс эффективности государственной поддержки МП как отношение результатов деятельности МП к общим затратам государственных ресурсов, направленных на

⁵Методические основы оценки динамической эффективности развития предпринимательства. 2020. URL: https://m.studref.com/388207/menedzhment/metodicheskie_osnovy_otsenki_dinamicheskoy_effektivnosti_razvitiya_predprinimatelstva (дата обращения: 24.11.2020).

его поддержку. При этом показатели результатов деятельности характеризуют социально-экономические показатели деятельности МП, эффективность деятельности СМП, вклад МП в социально-экономическое развитие региона [16].

На наш взгляд, применение интегрального показателя оценки сферы МСП позволяет определить единую общую картину состояния данной сферы. При этом использование предлагаемых авторами количественных показателей оценки, входящих в итоговый суммарный показатель, не всегда является применимым по причине отсутствия информации у органов власти, в частности органов местного самоуправления. Практика управленческой работы показывает, что, как правило, на местах отсутствует полная информация об объеме инвестиций в основной капитал в сфере МСП, заработной плате, доле МСП в добавочной стоимости. Соответственно, выбор показателей для оценки должен, с одной стороны, обеспечивать информативность, с другой – способствовать объективному и полному отражению текущей ситуации в указанной сфере и динамики изменений.

При расчете комплексного показателя оценки состояния МСП необходимо учитывать различные аспекты влияния сферы МСП на развитие территории, включая экономический, социальный аспекты, а также бюджетную эффективность.

Также важно преодолеть существующую проблему связи общего интегрального показателя с показателем эффективности государственной поддержки. При этом формирование показателя оценки результативности государственного управления сферой МСП, по нашему мнению, должно осуществляться на основе как количественных, так и качественных показателей оценки, с формированием общего суммарного показателя и не сводиться только к расчету эффективности потраченных бюджетных средств на поддержку МСП.

3. В зависимости от учета регионально-го фактора развития при проведении оценки. Большинство исследований, анализирующих и рассматривающих показатели оценки эффективности государственного управления сферой МСП, не учитывают региональные

особенности развития данной сферы, предлагая универсальные для всех регионов индикаторы оценки.

Ряд исследователей в своих работах отмечают о необходимости учета специфики региона (А. А. Байтурсунов, В. Ю. Буров, А. И. Кузьмин, Р. О. Салливан, Н. А. Кошелева), однако при формировании системы показателей оценки слабо учитывают влияние данного фактора.

Учитывая многообразие существующих методических подходов к проблеме оценки результативности сферы МСП, проанализировав авторские позиции по данному вопросу и выделив основные достоинства и ограничения каждой группы подходов, на наш взгляд, необходимо сформулировать основные принципы, которые необходимо применять при осуществлении указанной оценки. Указанные принципы могут быть применены при разработке универсальной модели оценки состояния сферы МСП, которую могут использовать, адаптировав под свои особенности разные территории. При этом указанная модель должна в равной степени быть возможной к применению на различных уровнях управления, как региональном, так и муниципальном.

Следует отметить, что формулирование указанных общих принципов проведения оценки состояния сферы МСП проводится впервые, что является важным шагом в направлении систематизации уже разработанных в отечественной экономической науке авторских подходов в области оценивания ситуации с МСП. Наличие систематизированной информации позволит легче ориентироваться на практике при проведении оценки и позволит органам государственной власти и местного самоуправления, ответственным за развитие сферы МСП на своих территориях, избежать ошибок при проведении оценки, ведущих к искажению полученного результата.

Принцип динамичности оценки. Анализ состояния сферы МСП необходимо осуществлять в динамике, при этом следуя правилу сравнения сравниваемых величин (изменение показателей относительно самих же показателей): осуществление сравнение показателей, отражающих состояние в сфере МСП, с аналогичными показателями развития крупного бизнеса. Следование данному принципу озна-

чает уход от механизма осуществления оценки с целью показать, как все плохо обстоит с малым и средним предпринимательством. Иными словами, оценка проводится не для того чтобы показать статичную ситуацию, а чтобы выявить характер происходящих изменений.

Принцип связи оценки с мерами государственного управления. Оценка показателей состояния МСП должна иметь прямую связь с реализуемыми мерами государственной поддержки. Анализируя и оценивая характер происходящих изменений в той или иной сфере, логичным является продолжение действия в виде формирования выводов и системы мер комплексного воздействия, направленных на изменения данной сферы. Система оценки с точки зрения цели должна представлять единую схему, которая предполагает двунаправленную связь между оценкой динамики показателей и выводами относительно необходимости и характере господдержки. Иными словами, результаты оценки являются основанием для определения направлений и инструментов поддержки, реализация которых снова должна приводить к оцениванию их результативности.

Принцип учета региональной специфики при осуществлении оценки. Отмечая справедливость авторских подходов, рассматривающих общие показатели, характерные в целом для оценки сферы МСП, тем не менее, они должны также отражать территориальные особенности территории. Для каждой территории может быть выбран свой комплекс показателей оценки, связанных с выбранными направлениями развития и подобранной на их основе системой мер управляющего воздействия, направленных на устранение проблем и развитие сферы. При этом, как уже отмечалось, общие показатели оценки также должны присутствовать, так как анализ их состояния и динамики позволит определять сравнительное положение различных территорий, регионов по темпам развития МСП. Важно определить стратегические направления развития территории на основе SWOT-анализа, которые в дальнейшем должны быть отражены в показателях оценки.

Принцип формирования показателей оценки состояния сферы МСП и показате-

лей оценки результативности государственной поддержки:

– использование как показателей оценки, отражающих в целом состояние сферы МСП на той или иной территории, так и показателей, непосредственно отражающих результат государственной поддержки;

– применение показателей, информация по которым доступна к использованию;

– применение комплексных показателей оценки на основе количественных и качественных показателей. Использование только показателей количественного типа не позволит в полной мере выявить результативность проводимых мер регулирования сферы МСП. Степень эффективности указанных мер по причине наличия эффекта отложенного действия в части их результативности и влияния на количественные показатели в некоторых случаях возможно определить именно с позиции сформированного мнения предпринимательского сообщества, выявление и выражение которого возможно посредством качественных показателей (степени удовлетворенности, оценки качества предоставления услуг и т. д.).

– обеспечение связи между общим показателем оценки сферы МСП и показателем оценки эффективности государственной поддержки. Нарушение данного принципа на практическом уровне происходит достаточно часто. Возможной причиной этого является недостаточно высокая распространенность меры поддержки (например, небольшое число получателей поддержки – субсидий на возмещение затрат предпринимателей, при котором органы управления пытаются связать результаты данной конкретной меры с общим количеством субъектов МСП на территории). Другая причина может заключаться в том, что для достижения значительных изменений, положительной динамики общих показателей состояния сферы МСП требуется планомерная системная работа по поддержке ее развития, и даже положительные результаты конкретной меры воздействия не означают того, что они окажут какое-либо значительное влияние на характер изменения значений общих показателей состояния сферы МСП в первый год или даже несколько лет ее использования.

– анализ состояния сферы МСП должен учитывать различные аспекты: экономический, социальный, бюджетную эффективность. Формулирование данного принципа связано с тем, что сфера МСП оказывает системное влияние на социально-экономическое развитие территории, что обуславливает необходимость использования показателей оценки, отражающих системность и многогранность данного влияния.

На основе соблюдения указанных принципов оценки результативности государственного управления сферой МСП возможно построение комплексной модели оценки, с использованием системы сбалансированных показателей, в которой выявленные приоритетные направления развития территории (региона или муниципалитета) определяют меры государственного регулирования, а затем систему показателей оценки, осуществление которой позволит оценить эффективность проводимой политики и скорректировать набор инструментов господдержки, направленной на развитие МСП на указанной территории.

Эффективным способом достижения указанных ранее принципов, следование которым необходимо, на наш взгляд, при проведении оценки результативности государственного управления сферой МСП, является использование системы сбалансированных показателей (англ. *Balanced ScoreCard, BSC*), что позволяет осуществить переход от выстроенных стратегических приоритетов к конкретным механизмам и инструментам поддержки, а затем к оценке результативности осуществляемых мер и в целом сферы МСП.

Сбалансированная система показателей (ССП), сформированная благодаря исследованию Р. Каплана и Д. Нортон – это система стратегического управления компанией на основе измерения и оценки ее эффективности по набору оптимально подобранных показателей, отражающих все аспекты деятельности организации. Сбалансированная система показателей предоставляет возможность осуществлять перевод стратегических целей компании в конкретный план оперативных задач и оценивать результаты осуществляемой деятельности с точки зрения реализации страте-

гии с помощью ключевых показателей эффективности [1].

«Суть ССП заключается в формулировании стратегии в нескольких перспективах, постановке стратегических целей и измерении степени достижения данных целей при помощи показателей. Слово «сбалансированный» (англ. *balanced*) в названии методологии означает одинаковую важность всех показателей. ССП проецируется на всю организацию путем разработки индивидуальных целей в рамках уже разработанных корпоративных стратегий и стимулирует понимание работниками своего места в стратегии компании» [1].

Сбалансированная система показателей может использоваться в различных отраслях: в банковском деле, здравоохранении, правительственных учреждениях, страховании, телекоммуникациях, неприбыльных организациях, а также в организациях системы государственного и муниципального управления.

Время разработки сбалансированной системы показателей зависит от размера компании, ее структуры, отрасли и специализации. Первоначальный период обычно занимает от двух месяцев до полугода. Однако разработанная сбалансированная система показателей не остается неизменной длительное время. Важно обеспечить ее постоянное развитие и совершенствование, так как стратегические цели организации не являются статичным образованием. Фактически планирование стратегии становится непрерывным, постоянно улучшаемым процессом [1].

Анализ литературы по проблематике использования ССП в сфере государственного и муниципального управления позволяет сделать вывод о том, что работ, посвященных данному вопросу, немного. Одним из сторонников использования ССП в области оценки результативности управления сферой МСП является Н. Н. Киреев, который совершил попытку обеспечить в своей предлагаемой модели связь со стратегическими целями применительно к региональным особенностям. В предлагаемой модели четко прослеживается ее цикличность, переход от стратегии к конкретным показателям оценки, а затем снова к определению программы поддержки малого бизнеса по приоритетным видам деятельности.

Указанные особенности предлагаемой модели являются, на наш взгляд, неоспоримым ее достоинством. Однако данная система сбалансированных показателей требует доработки в части выбора показателей оценки.

Стремясь преодолеть сложившееся на практике ограничение оценки, связанное с использованием показателей, отражающих только финансовый аспект деятельности, Н. Н. Киреев предложил использовать и другие показатели, адаптированные под задачи регионального развития, связанные со структурно-динамическими, экономическими и социальными компонентами сферы МСП [15].

Однако выбранные показатели развития малого бизнеса в регионе (количество малых предприятий, средняя численность работающих, оборот, инвестиции в основной капитал, сальдирующий финансовый результат деятельности, поступление налогов) не имеют взаимосвязи с выбранными приоритетными направлениями развития. Наличие связи между каждыми подсистемами ССП, на наш взгляд, является обязательным условием правильности функционирования данной системы. При этом, отбирая показатели состояния сферы МСП, автор не указывает источник получения информации на той или иной территории по каждому показателю. Данный аспект уже указывался нами ранее, при формировании принципов оценки результативности управления сферой МСП. Невозможность по-

лучения объективной информации по некоторым показателям является определенной проблемой для региональных и муниципальных органов власти, что обуславливает необходимость отбора показателей с обоснование источника информации о них.

Другим ограничением предложенного подхода, по нашему мнению, является нерешенность проблемы отсутствия связи между показателями состояния сферы МСП и показателями оказания поддержки. Предлагаемые Н. Н. Киреевым показатели эффективности государственной региональной поддержки (бюджетной и социальной эффективности), на наш взгляд, возможно использовать для дополнительной оценки эффективности расходования бюджетных средств на поддержку, а также для оценки вовлеченности субъектов МСП в существующие программы поддержки. Однако данные показатели не отражают степень результативности используемых мер поддержки развития МСП.

Таким образом, применение системы сбалансированных показателей в системе оценки результативности поддержки сферы МСП в настоящее время требует доработки в части указанных ограничений. Исследование данной проблематики в направлении преодоления существующих недостатков применения ССП в государственном и муниципальном управлении будет продолжено нами в следующих работах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сутягин В.Ю., Турлачева М.А. (2012). Сбалансированная система показателей как эффективный инструмент реализации стратегии развития предприятия // Социально-экономические явления и процессы. № 5-6 (39-40). С. 112–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbalansirovannaya-sistema-pokazateley-kak-effektivnyy-instrument-realizatsii-strategii-razvitiya-predpriyatiya> (дата обращения: 23.03.2021).

2. Орехова С.В., Кислицын Е.В. (2019). Совокупная производительность факторов в промышленности России: малые vs крупные предприятия // Journal of New Economy. Т. 20. № 2. С. 127–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovokupnaya-proizvoditelnost-faktorov-v-promyshlennosti-rossii-malye-vs-krupnye-predpriyatiya/viewer> (дата обращения: 28.11.2020).

3. Барина В. (2019). Международный сравнительный анализ роли малых и средних предприятий в национальной экономике: статистическое исследование // Voprosy Statistiki. № 26 (6). URL: https://www.researchgate.net/publication/334061178_Mezdunarodnyj_sravnitelnyj_analiz_rol_i_malyh_i_srednih_predpriyatij_v_nacionalnoj_ekonomike_statisticheskoe_issledovanie (дата обращения: 14.12.2020). DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-6-00-00.

4. Титов Б. (2018). Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и мир // Институт экономики роста им. П. А. Столыпина. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/1190147383/?page=1&*cPxoVImAMjN%2B6F5zrHBVYqO%2BFd7InVybcI6Imh0dHBzOi8vc3RvbHlwaW4uaW5zdGl0dXRIL3dwLWNvbnRlbnQvdXBsb2Fkcy8yM

лый бизнес и структурные сдвиги в промышленности // Terra Economicus. Т. 17. № 4. С. 129–147.

23. Калабина Е.Г. (2012). Эффективные стимулы гармонизации взаимоотношений в экономической организации // Экономика региона. № 1 (29). С. 259–265.

24. Босчаева З.Н., Коган В. (2011). Оценка эффективности деятельности малых предпринимательских структур // Вестник АГТУ. Серия Экономика. № 2. С. 101–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-deyatelnosti-malyh-predprinimatelskih-struktur/viewer> (дата обращения: 18.11.2020).

25. Сидорова Н.И. (2012). Малое предпринимательство: оценка состояния и тенденций, анализ факторов // Дайджест-финансы. № 1 (205). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-predprinimatelstvo-otsenka-sostoyaniya-i-tendentsiy-analiz-faktorov> (дата обращения: 18.11.2020).

26. Зайцева Е.М. (2021). Специфика стратегического поведения администраций муниципальных образований как структур развития малого и среднего предпринимательства (МСП) // Экономика и бизнес: теория и практика. № 1-1 (71). С. 119–122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мокронос Александр Германович – доктор экономических наук, профессор; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); amokronosov@mail.ru.

Зайцева Елена Михайловна – Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); zem.86@list.ru.

WAYS TO IMPROVE THE BALANCED SCORECARD SYSTEM APPLIED TO THE EVALUATION OF MANAGEMENT EFFECTIVENESS IN SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

A.G. Mokronosov^{6a}, E.M. Zaytseva^{7a}

^aUral State University of Economics

ABSTRACT:

The article deals with the problem of effective management of small and medium-sized enterprises (SMEs) based on the construction of a balanced scorecard (BSC) in relation to assessing the effectiveness of SME development support. The application of BSC will make it possible to build a systematic model to assess the state of the SME sector (both at the regional and municipal levels). In this case there will be a smooth transition from the strategic goals of development of the territory to specific targeted support measures and the indicators selected on this basis to assess the effectiveness of support. As a result of the evaluation, the model will allow to return to support tools in order to change or adjust them. The authors' decision to use the BSC for the management of SMEs development is due to the successful application of this approach to achieve the strategic goals of commercial organizations, which allows to expand its usage to the sphere of state and municipal administration.

Building an assessment model based on the BSC will ensure compliance with the necessary measures for the effective management of SMEs in a particular territory. These principles (dynamism of assessment, connection of assessment with measures of public administration, consideration of regional specificity, formation of assessment indicators) were first developed by the authors as a result of analysis and systematization of the proposed classification (based on the purpose of assessment, type of indicators, consideration of regional assessment factor) of approaches to the problems of SMEs sector assessment existing in the Russian scientific literature. The paper analyzed their features and identified the limitations to the effective

⁶RSCI AuthorID: 387112

⁷RSCI AuthorID: 793983

application of these approaches. Further, the paper considered the main features of the existing SMEs development assessment model based on the BSC worked out by the Russian researchers, and identified the main opportunities for improvement of the existing model.

KEYWORDS: smal and medium-sized enterprises, SMEs, state regulation, condition assessment, performance assessment, methodological approaches to assessment, principles of result assessment, balanced scorecard system.

FOR CITATION: Mokronosov A.G., Zaytseva E.M. (2021). Ways to improve the balanced scorecard system applied to the evaluation of management effectiveness in small and medium-sized businesses, *Management Issues*, no. 4, pp. 62–77.

REFERENCES

1. Sutyagin V.Yu., Turlacheva M.A. (2012). Balanced system of indicators as an effective tool for implementing the development strategy of the enterprise, *Socio-economic phenomena and processes*, no. 5-6 (39-40), pp. 112–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbalansirovannaya-sistema-pokazateley-kak-effektivnyy-instrument-realizatsii-strategii-razvitiya-predpriyatiya> (accessed 23.03.2021).
2. Orekhova S.V., Kislitsyn E.V. (2019). Cumulative productivity of factors in the industry of Russia: small vs. large enterprises, *Journal of New Economy*, vol. 20, no. 2, pp. 127–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovokupnaya-proizvoditelnost-faktorov-v-promyshlennosti-rossii-malye-vs-krupnyepredpriyatiya/viewer> (accessed 28.11.2020).
3. Barinova V. (2019). International comparative analysis of the role of small and medium enterprises in the national economy: statistical research, *Voprosy Statistiki*, no. 26 (6). URL: https://www.researchgate.net/publication/334061178_Mezhdunarodnyj_sravnitelnyj_analiz_rol_i_malyh_i_srednih_predpriyatij_v_nacionalnoj_ekonomike_statisticeskoe_issledovanie (accessed 14.12.2020). DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-6-00-00.
4. Titov B. (2018). Small and medium-sized businesses: Russia and world. Institute for the Economics of Growth named after P. A. Stolypin. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/1190147383/?page=1&*cPxoVImAMjN%2B6F5zrHBVyqO%2BffD7InVybCI6Imh0dHBzOi8v3RvbHlwaW4uaW5zdG10dXRRL3dwLWNvbRlbnQvdXBsb2Fkcy8yMDE4LzA3L2lzc2xlZG92YW5pZS1pZXItbXNwLTI3LjA3LjE4LnBkZiIsInRpdGxIJoiaXNzbGVkb3ZhbmlLLWlci1tc3AtMjcuMDcuMTgucGRmIiwibm9pZnJhbWUiOnRydWUsInVpZCI6IjExOTAxNDczODMiLCJ0cyI6MTYwODAyMTAxOTk3NCwieXUOiI4OTMyMTM2MzIxNDcxMjQ3Iiwic2VycFBhcmFtcyI6Imxhbm9ncnUmdG09MTYwNzkyMjE
5. Ulko S.A. (2019). Modern position of small and medium-sized businesses in Russia and China, *Electronic Scientific Journal "Vector Economics"*, no. 6. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/6/worldconomy/Ulko.pdf> (accessed 28.11.2020).
6. Konovalova M.E., Kuzmina O.Yu., Medvedeva T.Yu. (2019). Development of entrepreneurship in the economy of modern Russia, *Economic sciences*, no. 5 (174), pp. 13–17.
7. Grigorieva V.V. (2018). Improving the quality of public services in the field of support and development of small and medium-sized businesses. Ph. D. thesis (specialty 08.00.05 "Economics and management of the national economy (economics, organization and management of enterprises, sectors, complexes – services of services)"). Grigorieva Valentina Viktorovna. State University of Management. Moscow. 28 p. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/1190147383/?*a7BCB6eZgGKfllok2CsbedYffj17InVybCI6Imh0dHBzOi8vZ3V1LnJlL2ZpbGVzL2Rpc3NlcnRhdGlvbnMvMjAxOC8wNS9nc

mInb3JldmFfdl92L2F1dG9yZWZlcmF0LnBkZiIsInRpdGxIjoiYXV0b3JlZmVYXQucGRmIiwibm9pZnJhbWUwOnRydWUwInVpZCI6IjExOTAxNDczODMiLCJ0cyI6MTYwODAyMjUzNTIwNiwiXUoiOjI4OTMyMTM2MzZmMxNjA2NDcxMjQ3Iiwic2VycFBhcmFtcyI6Imxhbmc9cnUmdG09MTYwODAyMjUwMyZ0bGQ9cnUmbmFtZT1hdXRvcnVmZXJhdC5wZGYmdGV4dD0lRDAlQjMIRDElODAlRDAlQjglRDAlQjMIRDElQkUIRDElODAlRDElOEIRDElQjUIRDElQjIIRDElQjArJUQwJUJUQwJUJU4JUQxJTgxJUQxJTgxJUQwJUJU1JUQxJTgxJUQxJTgyJUQwJUJUwJUQxJTg2JUQwJUJU4JUQxJTgK yVEMSU4RCVEMCVCQSVEMCVCRCVEMCVCRCVEMCVCRCVEMCVCQyVEMCVCOCVEMCVCQSVEMCVCMSsIRDAIQkYIRDAIQkUIRDAIQjIIRDElOEIRDElODglRDAlQjUIRDAIQkQIRDAIQjglRDAlQjUrJUQwJUJBUQwJUJUwJUQxJTg3JUQwJUJU1JUQxJTgxJUQxJTgyJUQwJUJUyJUQwJUJUwJnVybD1odHRwcyUzQS8vZ3V1LnJlL2ZpbGVzL2Rpc3NlcnRhdGlvbnMvMjAxOC8wNS9ncmlnb3JldmFfdl92L2F1dG9yZWZlcmF0LnBkZiZscj0yMzUmbWltZT1wZGYmbDEwbj1ydSZzaWduPTFkYU3ZmNTdY2ZmNDQ0NDY3YmQ4ZWY2ZTU3MTM1JmtleW5vPTAifQ%3D%3D&lang=ru (accessed 10.12.2020).

8. Kuznetsova E.L., Kozhura N.A. (2017). The main problems of the development of small business in the Russian Federation, *Electronic Scientific and Methodical Journal "Concept"*, no. 513. 6 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-razvitiya-malogo-predprinimatelstva-v-rf/viewer> (accessed 11.12.2020).

9. Baytursunov A.A. (2019). Improving the system of state stimulating the priority directions of small and medium-sized businesses (on the example of the Republic of Kazakhstan). Ph. D. thesis (specialty 08.00.05 "Economics and Management of the national economy"). Baytursunov Alibek Abdylhashimovich. Russian University of Friendship of Peoples. Moscow. 28 p. URL: <https://www.dissertat.com/content/sovershenstvovanie-sistemy-gosudarstvennogo-stimulirovaniya-prioritetnykh-napravlenii-malogo/read> (accessed 24.11.2020).

10. Salomatina M.N., Basaranovich E. (2015). Methodological foundations for assessing the effectiveness of small and medium-sized businesses, *Eurasian Union of scientists. Economic sciences*, no. 3 (12). URL: <https://euroasia-science.ru/ekonomicheskie-nauki/%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B-%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA>

%D0%B8%D0%B8-%D1%8D%D1%84%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8/ (accessed 24.11.2020).

11. Volkova I.A., Popova A.Yu. (2016). Modern problems of small and medium businesses in Russia, *Electronic Scientific and Methodical Journal "Concept"*, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-malogo-i-srednegobiznesa-v-rossii/viewer> (accessed 11.12.2020).

12. Kuznetsov Yu.V., Bykova N.V. (2017). Efficiency of state support for small entrepreneurship in Russia, *Finance: Theory and Practice*, vol. 21, no. 6, pp. 50–59.

13. Burov V.Yu., Bagiev G.L. (eds.) (2018). Small business and digital economy: perspectives and problems. Monograph. Chita, Transbaikalian State University. 221 p. URL: [14. Alikayeva M.V., Aslanova L.O., Bazhenova T.Yu., Borisov S.A. \(eds.\) \(2018\). Strategic development of small businesses and form of support for individual entrepreneurship. Monograph. Nizhny Novgorod, NOO "Professional'naya Nauka". 302 p. URL: <http://scipro.ru/conf/monographbusiness.pdf>.](https://docviewer.yandex.ru/view/1190147383/?page=9&*T3lW1XzzjXifsidT%2FsoIxoO%2B1yV7InVybCI6Imh0dHBzOi8vdnNldXAucnUvc3RhdGljL2ZpbGVzLzExLjAzLjE5Ll8xLnBkZiIsInRpdGxIjoiMTEuMDMuMTkuXzEucGRmIiwibm9pZnJhbWUwOnRydWUwInVpZCI6IjExOTAxNDczODMiLCJ0cyI6MTYwODAyNDIzZmZxcnNswieXUoiOjI4OTMyMTM2MzZmMxNjA2NDcxMjQ3Iiwic2VycFBhcmFtcyI6Imxhbmc9cnUmdG09MTYwNTk2MTA3NyZ0bGQ9cnUmbmFtZT0xMS4wMy4xOS5fMS5wZGYmdGV4dD0lRDAlQjclRDAlQkQIRDAIQjAIRDElODclRDAlQjUIRDAIQkQIRDAIQjglRDAlQjUrJUQwJUJDUQwJUJUwJUQxJTg3JUQwJUJU1JUQxJTgxJUQxJTgyJUQwJUJUyJUQwJUJUwJUQxJTg3JUQwJUJU4JUQxJTgK yVEMSU4RCVEMCVCQSVEMCVCRCVEMCVCRCVEMCVCRCVEMCVCQyVEMCVCOCVEMCVCN yVEMCVCRCVEMCVCNSVEMSU4MSVEMCVCMSsIRDAIQjIrJUQxJTgxJUQwJUJFJUQwJUJUyJUQxJTg3JUQwJUJU1JUQwJUJDUQwJUJU1JUQwJUJU1JUQwJUJU5KyVEMSU4RCVEMCVCQSVEMCVCRCVEMCVCRCVEMCVCRCVEMCVCQyVEMCVCOCVEMCVCQSVEMCVCNSsIRDAIQkMIRDAIQkUIRDAIQkQIRDAIQkUIRDAIQjMIRDElODAlRDAlQjAIRDElODQIRDAIQjglRDAlOEYmdXJsPW h0dHBzJTNBLY92c2V1cC5ydS9zdGF0aWMvZmlsZX MvMTEuMDMuMTkuXzEucGRmJmxyPTIzNSZtaW1lPXBkZiZsMTBuPXJ1JnR5cGU9dG91Y2gmc2lnbj1iYzRjMTFiNiViN2E3NTk3N2RiYW M3YTY5MzI4MTZmMyZrZXlubz0wIn0%3D&lang=ru (accessed 23.11.2020).</p></div><div data-bbox=)

15. Kireev N.N. (2019). Mechanism for assess-

ing and improving the efficiency of small business development in the region. Ph. D. thesis (specialty 08.00.05 “Economics and management of the national economy (regional economy)”). Kireev Nikolai Nikolaevich. Southeast State University. Kursk. 24 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/mekhanizm-otsenki-i-povysheniya-effektivnosti-razvitiya-malogo-biznesa-v-regione/read> (accessed 24.11.2020).

16. Kremin A.E. (2017). Methodology for assessing the effectiveness of state support for small business in the region, *Problems of development of the territory*, no. 3 (89), pp. 46–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-effektivnostigosudarstvennoy-podderzhki-malogo-predprinimatelstva-v-regione> (accessed 23.11.2020).

17. Mokronosov A.G., Vershinin A.A. (2014). Formation of a model of advanced development of human resources capacity, *Education and science*, no. 8 (117), pp. 19–32.

18. Bykovskaya Yu.V., Ivanova L.N., Safokhina E.A. (2018). Small and middle entrepreneurship in modern Russia: condition, problems and directions of development, *Bulletin of Eurasian Science*, no. 5. 16 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-sovremennoy-rossii-sostoyanie-problemy-i-napravleniya-razvitiya> (accessed 23.11.2020).

19. Molchanova V.P. (2006). Small entrepreneurship and its development professionals in Russia. Ph. D. thesis (specialty 08.00.01 “Economic theory”). Molchanova Viktoriya Pavlovna. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow. 32 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/maloe-predprinimatelstvo-i-perspektivy-ego-razvitiya-v-rossii/read> (accessed 24.11.2020).

20. Terebova S.V. (2017). State and features of the development of small businesses in Russia, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 10, no. 1, pp. 178–199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-osobennosti-razvitiya-malogo-biznesa-v-rossii/viewer> (accessed 23.11.2020).

21. Maltseva E.S. (2016). Problems and prospects for the development of small businesses in Russia, *Business and Design Review*, vol. 1, no. 4 (4). URL: https://obe.ru/journal/2016_4/maltseva-e-s-problemy-i-perspektivy-razvitiya-malogo-biznesa-v-rossii/ (accessed 14.12.2020).

22. Orekhova S.V., Kislitsyn E.V. (2009). Small business and structural shifts in industry, *Terra Economicus*, vol. 17, no. 4, pp. 129–147.

23. Kalabina E.G. (2012). Effective incentives for harmonization of relationships in the economic organization, *Economy of the region*, no. 1 (29), pp. 259–265.

24. Boscheva Z.N., Kogan V. (2011). Evaluation of the effectiveness of small business structures, *Bulletin of AGTU. A series of economics*, no. 2, pp. 101–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenk-a-effektivnosti-deyatelnosti-malyh-predprinimatel-skih-struktur/viewer> (accessed 18.11.2020).

25. Sidorova N.I. (2012). Small business: Assessment of state and trends, analysis of factors, *Digest finance*, no. 1 (205). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-predprinimatelstvo-otsenka-sostoyaniya-i-tendentsiy-analiz-faktorov> (accessed 18.11.2020).

26. Zaitseva E.M. (2021). The specificity of the strategic behavior of the administrations of municipalities as structures of the development of small and medium-sized businesses (SMEs), *Economics and business: theory and practice*, no. 1-1 (71), pp. 119–122.

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksandr G. Mokronosov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); amokronosov@mail.ru.

Elena M. Zaitseva – Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); zem.86@list.ru.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ: АРХАНГЕЛЬСКИЙ И ВОЛОГОДСКИЙ ОПЫТ

И.В. Мельман^{1а}

^аСибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена оценке развития российских региональных лесопромышленных кластеров, оказывающего значительное влияние на экономику лесопромышленных регионов и современную экономическую политику России. Целью статьи является выявление региональной специфики и особенностей неравномерного развития лесопромышленного комплекса российских регионов. Для реализации цели проведен анализ основополагающих показателей лесопромышленного производства, отраслевых критериев, основанных на кластерном подходе. В частности, подробный анализ коснулся зарегистрированных Минпромторгом РФ лесопромышленных кластеров Северо-Западного округа, лидирующих по объемам производства необработанной древесины.

В работе применены методы сравнительного анализа, системного подхода и группировки на базе сопоставления и сравнения теоретического и практического материала. Информационную базу исследования определили законодательные документы, содержащие перспективные направления развития, нормативные документы субъектов РФ, а также данные официальной государственной и отраслевой статистики, касающиеся лесной промышленности.

Стратегия развития лесной промышленности, основанная на кластерном подходе, должна сопровождаться внедрением перспективных технологий переработки древесины и уникальной региональной специализацией, исходя из реализуемых в рамках кластера инвестиционных проектов. Усиление кооперации предприятий в рамках технологической цепи кластера (как основополагающего принципа) появляется в результате реализации совместных проектов, являющихся инструментом кластерной политики. Формирование кооперированных связей, совместная деятельность лесопромышленных предприятий способствует комплексной переработке древесного сырья и древесных отходов, созданию принципиально новой продукции в долгосрочной конкурентоспособности. Ослабление инновационной деятельности малого и среднего бизнеса возникает из-за присутствия в кластере корпоративных структур, контролирующих основную технологическую цепочку производства.

Результаты работы отражают приоритеты развития региональной лесопромышленной специализации, основанной на кластерном подходе. Исследование опыта формирования региональных лесопромышленных кластеров Архангельской и Вологодской областей выявило и обозначило региональные особенности лесопромышленного развития, связанные с ассортиментом производимой продукции, реализуемыми инвестиционными проектами и приоритетной лесопродукцией, которая будет производиться в результате их завершения. В выводах статьи структурированы критерии, основанные на проведенном анализе тенденций развития лесопромышленных кластеров Архангельской и Вологодской областей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лесопромышленный кластер, лесопромышленная продукция, инновационные технологии, инвестиционные проекты, комплексная переработка древесины, уникальная региональная специализация, конкурентоспособность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельман И.В. (2021). Тенденции развития региональных лесопромышленных кластеров: архангельский и вологодский опыт // Вопросы управления. № 4. С. 78–92.

¹AuthorID РИНЦ: 686489

Введение

Основным направлением промышленного развития лесных регионов является формирование кластерных структур. Развитие лесопромышленного кластера обеспечивается наличием ресурсно-сырьевой базы региона, объемом лесозаготовок, присутствием целлюлозно-бумажных и деревообрабатывающих производств. Важным в таких кластерах является внутрорегиональное местоположение производств, ассортиментная структура продукции, приоритетность развития базовых и перспективных технологий, в т. ч. связанных с состоянием сырьевой базы и породного состава региона, сказывающихся на комплексной переработке, безотходности использования низкосортной, мелкотоварной, лиственной древесины и древесных отходов.

Лесная промышленность, являясь одним из крупнейших секторов отечественной промышленности, обладая безусловным лидерством по запасам ресурсов, характеризуется полной зависимостью от технологической базы иностранных государств и критически низким уровнем развития современных технологий переработки древесины. Лидеры мирового лесопромышленного комплекса инвестируют значительные средства в научно-технологическое развитие лесной промышленности, а Россия отстает на сегодняшний день по уровню лесопромышленных инноваций.

Вопросы управления и реализации российской кластерной политики отражены в работах В. В. Колмакова, Е. С. Куценко, В. А. Плотникова и др. [1–4]. Исследования, посвященные повышению конкурентоспособности лесопромышленного комплекса России, кластерному подходу и развитию лесопромышленных кластеров, отражены в работах И. А. Вохмянина, Р. В. Гордеева, В. А. Игнатьевского, Н. И. Кожухова, Р. Ю. Селименкова, В. Э. Тоскуниной и др. [5–11].

Изучение вопросов глубокой переработки древесного сырья, циркулярной экономики, биоэкономики отражено в работах ученых Э. Л. Акима, С. Н. Бобылева, О. В. Кудрявцевой и др. [12–15]. Так, в работах Э. Л. Акима исследованы возможности производства наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью на базе комплексной глубокой перера-

ботки лесных ресурсов в регионе произрастания. Новые виды продуктов предложены ученым на основе биорефайнинга как инструмента решения экологических проблем.

В. А. Плотников рассматривает вопросы сочетания элементов конкуренции и кооперации в кластерах [4], а в исследовании А. И. Паненко отражены возможности совершенствования механизма реализации приоритетных лесопромышленных инвестиционных проектов отдельных регионов [16]. Специфика взаимодействия и кооперации малого бизнеса в лесопромышленном комплексе, развития конкурентной среды освещаются в работе Ю. М. Авдеева [17], а в исследовании М. И. Масленникова отражены проблемы влияния крупного бизнеса на отраслевую экономику, региональное развитие, экспортную составляющую лесопромышленного комплекса [18]. Межрегиональное взаимодействие, его интенсификация с целью совместного использования ресурсов, расширения рынков сбыта отражено в исследовании О. А. Бакуменко [19], пространственной интеграции кластеров – в работе Е. В. Курушиной и М. Б. Петрова [20].

Отличительными чертами успешного развития лесопромышленного кластера, имеющего региональные конкурентные преимущества, являются:

- наличие достаточной ресурсно-сырьевой базы и специфики породного состава древесины;
- территориально-высокая концентрация и производственно-технологическая взаимосвязь лесопромышленных предприятий, обеспечивающих устойчивость кластера;
- наличие градообразующих компаний и развивающихся предприятий малого и среднего бизнеса;
- отраслевая специфика кооперации и взаимосвязи участников по технологическим переделам, а также основанная на общем экономическом интересе и договорной основе;
- комплексное использование древесины в рамках кластера с безотходным производством продукции глубокой переработки;
- реализация совместных инвестиционных проектов по использованию древесины, внедрение инновационных технологий переработки и выпуска принципиально новой лесо-

продукции, имеющей высокий потребительский спрос.

Современное состояние некоторых региональных лесопромышленных комплексов России показывает увеличение объема лесозаготовок и незначительное углубление переработки древесины, в лидирующих лесопромышленных регионах производство инновационной продукции высоких переделов остается неудовлетворительным.

Динамика показателей деятельности лесопромышленного комплекса регионов

Российские регионы значительно различаются имеющимися запасами древесных ресурсов. Большинство «деловой» древесины на корню сосредоточено в Иркутской области, а также в целом в Сибирском федеральном округе, имеющим более 40 % российской древесины². Основным из лидирующих по объемам необработанных лесоматериалов является Северо-Западный федеральный округ, в котором располагаются Архангельская и Вологодская

области и исторически сложилось использование древесины в целях деревообработки и целлюлозно-бумажного производства (табл. 1).

СЗФО и СФО занимают 1 и 2 место по производству необработанной древесины, а Вологодская и Архангельская области находятся на 3 и 4 месте среди лесных регионов России. Имея лесную специализацию и лидерство по объему необработанной древесины, эти области показывают значительный разрыв по показателю объема произведенной лесопродукции в промышленной структуре региональной экономики. Вклад в региональный бюджет лесопромышленного производства, особенно у лидирующей по заготовкам древесины Вологодской области, является незначительным. Динамика показателя отгруженной лесопродукции в общем объеме регионально обрабатывающего производства в 2016 и 2017 гг. показала снижение и составила: по Архангельской области – 56,4 и 31,2 %, по Вологодской области – 6,3 и 5,9 %³ [21, с. 94–95].

Таблица 1 – Показатели по лесопромышленным регионам России в 2018 году⁴
Table 1 – Indicators for the timber industry regions of Russia in 2018

Регион	Стоимость отгруженных товаров собств. производства, млн руб.	Стоимость произведенной регионом лесопродукции, вкл. ЦБП, млн руб.	Доля продукции лесопереработки в общем объеме рег. производства, %	Место региона в России по производству необработ. лесоматериалов
Северо-Западный федеральный округ				
Ленинградская область	1 095 745	114 370	10,43	12
Вологодская область	692 721	47 818	6,90	3
Архангельская область	247 567	126 392	51,05	4
Республика Карелия	121 610	82 294	67,67	6
Новгородская область	201 188	29 769	14,79	21
Республика Коми	194 301	95 455	49,12	7
Приволжский федеральный округ				
Нижегородская область	1 391 676	40 566	2,91	17
Пермский край	1 133 053	50 173	4,42	11
Кировская область	232 093	23 874	10,28	5
Уральский федеральный округ				
Тюменская область, в т. ч.	1 919 669	13 013	0,67	38
ХМАО – Югра	673 173	6 641	0,98	23
Сибирский федеральный округ				
Красноярский край	1 206 799	32 142	2,66	2
Иркутская область	513 815	141 499	27,53	1
Томская область	188 076	18 515	9,84	15
Дальневосточный федеральный округ				
Хабаровский край	271 571	14 655	5,39	8
Приморский край	235 888	14 712	6,23	10

² Федеральное агентство лесного хозяйства. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/>.

³ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13225>.

⁴ Источник: составлено автором по данным Росстата.

Лесопромышленный комплекс Архангельской области⁵ производит базовые виды продукции, такие как пиломатериалы, целлюлозу, бумагу и картон, пеллеты. В области доминирует по объемам целлюлозно-бумажное производство, занимая 31,04 % от российского производства целлюлозы и 23,56 % производства бумаги и картона. Большинство производимой в области лесопродукции идет на экспорт. Лесопромышленные предприятия поставляют на экспортные рынки хвойные пиломатериалы, сульфатную беленую целлюлозу, картонно-бумажную продукцию различных видов, в т. ч. импортозамещающей мелованной бумаги, продукты лесохимии, древесные гранулы, березовую фанеру (табл. 2)^{6,7}.

Доля переработки заготавливаемой на территории Вологодской области древесины составляет 75 %, а за пределы в основном вывозится низкосортная балансовая древесина⁸. Вологодская область занимает 8,38 % российского рынка фанеры. Новые производства по выпуску фанеры запланированы в рамках приоритетных инвестиционных проектов^{9,10}. Помимо этого, лидирующие позиции область занимает в производстве древесных плит, которое показало рост в 2018 году на 7,1 % по ДСП и 4,4 % по производству ДВП. Лесопромышленный комплекс области имеет значительную долю в объемах производства продукции лесного сектора экономики Северо-Западного федерального округа: 18,2 % в производстве пиломатериалов, 28,9 % – фанеры, 32,9 % – ДСП и 41,1 % – ДВП [8, с. 130–131].

Представленные выше показатели отражают структуру производства лидирующих ви-

дов лесопродукции, обусловленную преимущественно историческим развитием деревообработки и целлюлозно-бумажного производства с незначительным присутствием новых инновационных производств, производящих биотопливо, плитные материалы, упаковочную бумагу, картон и фанеру.

В настоящее время в реестре Минпромторга РФ зарегистрированы лесопромышленные кластеры, представленные в таблице 3. Лесопромышленные кластеры располагаются исключительно в Северо-Западном федеральном округе. Межрегиональные лесопромышленные кластеры в России отсутствуют.

Проведено значительное количество исследований в области реализации кластерного подхода в лесной промышленности России. Российский опыт реализации кластерных инициатив в лесопромышленном комплексе подтверждается несколькими примерами¹¹. Первым в лесном комплексе включен в реестр Министерства промышленности и торговли России лесопромышленный кластер «ПоморИнноваЛес», располагающийся в Архангельской области^{12,13}.

Группа Илим, Pulp Mill Holding GmbH, а также ПКП Титан, Группа компаний «Сегежа групп», Группа компаний УЛК объединяют ведущие градообразующие предприятия лесного кластера Архангельской области. Данные компании формируют более 70 % объемов заготовки древесины области, около 80 % производства пиломатериалов, 100 % продукции ЦБП. Они осваивают более 60 % расчётной лесосеки арендованных лесов¹⁴. Взаимодействовать в рамках кластера определились

⁵Лесной план Архангельской области РФ на 2019–2028 гг. URL: <http://docs.cntd.ru/document/462641881>.

⁶Официальный сайт Правительства Архангельской области. URL: <https://dvinaland.ru/>.

⁷В Поморье отчитались об итогах работы лесопромышленного комплекса в 2020 г. URL: <https://lesprominform.ru/news.html?id=13798>.

⁸Официальный сайт деревянного домостроения и деревообработки Вологодской области. URL: <https://vologdskiidom.com/>.

⁹На Вологодчине построят новый завод по производству большеформатной фанеры // Журнал «Леспромформ». URL: <https://lesprominform.ru/news.html?id=11259>.

¹⁰Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/novosti_organov_vlasti/v_vologodskoy_oblasti_budet_realizovan_eshche_odin_prioritetnyy_investitsionnyy_proekt_v_oblasti_svoeniya_lesov/.

¹¹Ежегодный обзор «Кластеры России». URL: <https://akitrf.ru/news/promyshlennye-klastery-sozdayut-usloviya-dlya-operezhayushchego-razvitiya-rossiyskoy-promyshlennosti/>.

¹²Лесной план Архангельской области на 2019–2028 гг. URL: <https://dvinaland.ru/gov/iogv/minlpk/docList/>.

¹³Реестр территориальных кластеров Министерства промышленности и торговли Российской Федерации. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/opendata/7705596339-clusters/>.

¹⁴Официальный сайт Правительства Архангельской области. URL: <https://dvinaland.ru/>.

Таблица 2 – Основные показатели и структура выпускаемой лесопродукции Архангельской и Вологодской областей в 2018 г.¹⁵

Table 2 – Main indicators and structure of timber products manufactured in the Arkhangel'sk and Vologda regions in 2018

Продукция	Россия	Северо-Западный федеральный округ		Архангельская область		Вологодская область	
	2018	2018	%	2018	%	2018	%
Лесоматериалы необработ., тыс. м ³	149100	48108	32,26	12881	8,63	14649	9,82
Пиломатериалы, тыс. м ³	29713	7965	26,80	2459,8	8,27	1750,9	5,89
Целлюлоза, тыс. т	8585	5197	60,53	2665,1	31,04	20,2	0,23
Бумага и картон, тыс. т	9148	5211	56,96	2155,4	23,56	158,6	1,73
Фанера, тыс. м ³	4121	1286	31,20	138,0	3,34	345,5	8,38
Топливные гранулы, тыс. т	1411	743	52,65	389,4	27,59	49,4	3,50

Таблица 3 – Реестр лесопромышленных кластеров¹⁶

Table 3 – Register of forestry clusters

Субъект Федерации	Название кластера	Специализация
Северо-Западный федеральный округ		
Архангельская область	Лесопромышленный инновационный территориальный кластер Архангельской области «Помор-Инновалес»	Многоотраслевая, в т. ч. лесоводство и деревообработка, целлюлозно-бумажное производство. Защита окружающей среды и переработка отходов; Промышленные биотехнологии (производство продуктов на основе ферментов и микроорганизмов для последующего использования в химической отрасли, здравоохранении, производстве пищевых продуктов и кормов, моющих средств, бумаги и целлюлозы, текстильных изделий, а также в биоэнергетике).
Вологодская область	Промышленный кластер деревянного домостроения и деревопереработки Вологодской области	Лесная промышленность и деревообработка. Целлюлозно-бумажное производство. Строительство, городское хозяйство, архитектура и технические испытания.
Ленинградская область	Кластер лесоперерабатывающей промышленности Ленинградской области	Лесоводство и деревообработка, целлюлозно-бумажное производство, производство мебели.
Республика Коми	Лесопромышленный кластер Республики Коми	Лесная промышленность и деревообработка. Целлюлозно-бумажное производство.

предприятия малого и среднего бизнеса, но напрямую не связанные с целлюлозно-бумажной промышленностью и работающие автономно, занимающиеся биоресурсами и экологией. По данным ежегодного рейтинга агентства лесопромышленной аналитики *WhatWood*, Группа Илим, Pulp Mill Holding GmbH (АО «Архангельский ЦБК»), а также ПКП Титан в 2019 году входят в первую десятку по выручке¹⁷. По мнению экспертов, значительное увеличение выручки за последние пять лет связано с укрупнением и консолидацией лесопромышленных компаний, снижением роли и стимулов для малого и средне-

го бизнеса. Очевидно, что для крупного бизнеса, транснациональных и иностранных корпораций прослеживается незаинтересованность в создании большей конкуренции, технологических сдвигах, экологизации производства, вливания масштабных инвестиций [14, с. 158].

Индустриальные требования государства к развитию кластера касаются тесной взаимосвязанности лесопромышленных предприятий между собой, которые не всегда удается соблюсти. А технологическая взаимосвязь лесопромышленных предприятий, основанная на общих экономических интересах – один из кластерных принципов организации лесо-

¹⁵Источник: Отчет о результатах совместного экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности использования лесных ресурсов Российской Федерации в 2016–2018 годах» (совместно с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации). URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/f32/f32ecac2cee85712845e5ec6b5914f7.pdf>.

¹⁶Реестр территориальных кластеров. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/opendata/7705596339-clusters/>.

¹⁷Портал Rusprofile.ru. URL: <https://www.rusprofile.ru/>.

промышленного производства. Особенность функционирования лесопромышленного комплекса также и в том, что в нем присутствуют понятия биокультуры, экологии, лесовосстановления, что требует качественной оценки возможностей участников кластера, их степени взаимодействия, объемов заказов, совместных проектов¹⁸.

Инструментом кластерной политики является софинансирование реализации совместных проектов участников-предприятий кластера, что стимулирует к формированию кооперированных связей, налаживанию механизма и формы сотрудничества по крупным совместным проектам, дозагрузке производственных мощностей, росту локализации лесопромышленных производств кластера, импортозамещению комплектующих и повышению добавленной стоимости. Остается нерешенным вопрос критериев совместного проекта и их детализации [16, с. 289; 22, с. 74].

Инвестиционные проекты и новые технологии

В рамках кластера Архангельской и Вологодской областей действуют инвестиционные лесопромышленные проекты, реализуемые с целью создания новых крупных импортозамещающих производств и выпуска новых видов лесопродукции (табл. 4)¹⁹. Регионы с акцентом на обрабатывающую промышленность [23, с. 1229], к которым относятся эти области, преимущественно ориентированы на экспорт, в связи с чем, собственная разработка и внедрение новых технологий лесопереработки развита слабо.

В развитых странах крупные предприятия являются источником финансирования научно-исследовательских разработок, но российские компании более инновационно инертны, что приводит к снижению конкурентоспособности [24, с. 65]. Развитие кластера происходит за счет обмена результатами научно-исследовательских разработок между лесопромышленными предприятиями, их внедрения

в производство, в том числе, с целью создания новых предприятий малого и среднего бизнеса [25, с. 112]. Для лесопромышленных кластеров России перспективные технологии деревопереработки и получение инновационных продуктов на их основе являются единственным путем роста конкурентоспособности. Необходима реконструкция существующих предприятий и строительство новых производств с учетом интеграции российской целлюлозно-бумажной промышленности в мировую экономическую систему и мировые рынки, а также нужен акцент на производство наукоемкой продукции и упреждающее решение экологических проблем [13].

Мировой опыт показывает, в частности, лесопромышленного кластера Финляндии, значительные инвестиции в развитие новых технологий и их внедрения в производственный процесс. По мнению аналитиков, востребованными продуктами целлюлозно-бумажного производства будут санитарно-гигиенические изделия, макулатурный тарный картон, потребительский картон. Современными перспективными лесопромышленными технологиями целлюлозно-промышленного производства, основанными на мировом опыте, являются: наноцеллюлозные технологии с экологичными ферментами; технологии производства экотары, упаковки (потребительской, транспортной для жидкостей, для еды и питья в сетях быстрого обслуживания), биоразлагаемого картонного прокладочного материала; технологии регенерации целлюлозы в текстильные волокна, как альтернативы хлопковой, на основе переработки древесной целлюлозы; биотопливные технологии с получением инновационных продуктов – биоэтанола, биометанола, биодизеля, биомасла [26, с. 1649]. Производство биотоплива из целлюлозы является перспективным направлением развития лесной промышленности будущего, однако, по мнению ученых, развитие биоэнергетики в России имеет свои сложности, связанные с законодательной базой, а так-

¹⁸Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения : Постановление Правительства РФ от 28.01.2016 № 41 (ред. от 24.12.2020). URL: https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Cl_41_PPRF.pdf.

¹⁹Минпромторг: Перечень приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов. URL: https://minpromtorg.gov.ru/docs/#!perechen_prioritetnyh_investicionnyh_proektov_v_oblasti_osvoeniya_lesov.

же с экспортной составляющей, так как внутренний российский рынок, (например, пеллет) до сих пор не сформирован [15, с. 27–29].

Проведенный анализ лесопромышленных инвестиционных проектов показал, что их большинство предполагают производство лесопроизводства без учета перспективных направлений переработки древесного сырья, низкосортной древесины и древесных отходов. Уникальные технологии и продукты переработки древесины – приоритет лесопромышленной специализации с учетом состояния лесосырьевой базы региона, преимуществ породного состава. Здесь также принимаются во внимание количество и качество сырья, стандарты производства и оборудования, возможные направления создания принципиально новой продукции в долгосрочном конкурентоспособном развитии.

Уникальная лесопромышленная специализация, конкурентные преимущества в кластере формируются с учетом принципов умной специализации, необходимых для развития традиционных и новых конкурентоспособных производств в лесопромышленном комплексе региона [26]. Региональные лесопромышленные инвестиционные проекты направлены на расширение действующих производств и при-

надлежат градообразующим компаниям без совместного участия с предприятиями кластера, в особенности малого и среднего бизнеса, без совместных проектов создания собственных технологий [27, с. 416]. Если речь идет о строительстве новых производств, то они располагаются в пределах производственной площадки градообразующих предприятий. Недостаточность совместной деятельности предприятий кластерной структуры нарушает основополагающий кластерный принцип взаимодействия и кооперации в технологической цепи лесопромышленных производств.

Исторически Архангельская область была ведущей по строительству деревянных зданий в стране. В области планируется реализация инвестиционных проектов по деревянному домостроению. Возведение жилых домов и других объектов общественного назначения предполагается из клееного бруса сосны и ели по принципу объемно-модульного домостроения²⁰. При этом необходимо учитывать специфику породного состава региона и объем производственных мощностей, необходимых для реализации проектов. В Архангельской области действует одно предприятие по выпуску клееной древесины, в том числе, ориентированной на экспорт. Аналогичное производство есть и в Вологодской области.

Таблица 4 – Производимая и планируемая в рамках инвестпроектов продукция лесопромышленных кластеров²¹

Table 4 – Products of timber industry clusters produced and planned within the framework of investment projects

Характеристика	Лесопромышленный кластер «Помор-Инновалес» Архангельской области	Лесопромышленный кластер деревянного домостроения Вологодской области
Преобладающие виды изготавливаемой (конечной) продукции	Пиломатериалы; целлюлоза товарная; картон; бумага; фанера; изделия для деревянного домостроения: дома из древесных материалов, топливные гранулы	Пиломатериалы; плитные материалы (ДВП, ДСП); топливные гранулы и брикеты; клееная фанера; целлюлоза; бумага и картон; фанера; дома деревянные заводского изготовления
Инвестиционные проекты (кол-во)	11	23
Приоритетные виды продукции – специализация (инвестиционные проекты)	Пиломатериалы экспортные и на внутренний рынок; строганный погонаж; щит мебельный; целлюлоза небеленая хвойная; сульфатная беленая лиственная целлюлоза; картон; бумага; гофробумага; пеллеты; фанерный кряж; фанера; комплекты деревянных конструкций для домостроения; упаковочные материалы	Пиломатериалы; мебельный щит; погонажные изделия; клееный брус; оцилиндрованные бревна; половая доска; ДСП; пеллеты; древесный уголь; фанерный кряж; оконные блоки; комплекты сборных домов; дома из бруса; дома каркасные; цементно-стружечные плиты; перекрестно-склеенные панели (CLT)

²⁰ Ледеяева М. Сосна вместо бетона // Лесная промышленность. Приложение к Российской Газете № 210 (8264). 2020. 18 сентября. URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/fascicle/4/14/01/41401-1600358357.pdf>.

²¹ Составлено автором по данным Минпромторга.

Деревянное домостроение в Вологодской области определено как приоритетное направление и прописано в государственной программе «Развитие лесного комплекса Вологодской области на 2021–2025 годы»²². С 2014 г. обозначен «Международный кластер деревянного домостроения и деревообработки Вологодской области», а в программе развития отражено создание бренда «Вологодский дом»²³. Данный факт говорит о попытке формирования в области уникальной специализации, что уже положительно сказывается на вкладе в региональное обрабатывающее производство. В 2018 и 2019 годах заводское производство деревянных домов составило 54,5 и 68,5 тыс. квадратных метров общей площади, что показало рост в 134 и 125,7 % соответственно^{24,25}.

Опираясь на финский опыт деревянного домостроения, можно сказать о его важности в лесопромышленной политике страны. Технологии деревянного домостроения применяются в строительстве многоэтажных деревянных домов в Финляндии. Развитию этого способствовало снижение в последнее десятилетие спроса на лесобумажную продукцию и было законодательно закреплено «Программой поощрения деревянного строительства». Преследуется цель расширения использования древесного сырья в строительной отрасли, в которой доля строительства зданий более двух этажей – ок. 4–5 % всего рынка деревянного домостроения. Потенциал развития данного направления заключается в модернизации фасадов многоквартирных домов, строительстве дополнительных этажей, использовании древесины при реконструкции и расширении пригородных бетонных зданий, чья энергоэффективность существенно улучшается за счет использования древесины. Развитие получили технологии при строительстве многоэтажных домов с применением каркасной древесины – панели CLT и ЛВА-балки [28, с. 41–43].

Производство продукции, отражаемое в реализуемых инвестиционных проектах Вологодской области, в целом не планируется с

применением современных инновационных технологий переработки древесного сырья, за исключением плитного производства и панелей CLT. Мировой опыт показывает возможности производства перекрестно-клееных панелей CLT, с помощью которых построены высотные здания. Также перспективными направлениями являются экологически чистое производство волокнистых плит из древесной коры, инновационный материал на основе композитов из древесных волокон и полимеров для предметов интерьера, другие инновационные плитные материалы.

По мнению Н. В. Ворошилова специфической лесопромышленного кластера Вологодской области является недостаточное развитие инновационного экологически чистого деревянного домостроения и переработки древесных отходов: нет слаженной работы с отходами лесопиления. Отсутствует комплекс мер по стимулированию деревянного домостроения с целью перехода от единичного и мелкосерийного производства комплекта дома к индустриальному массовому производству типовых конструкций современного жилья и социальных объектов [29, с. 17].

Комплексность использования древесного сырья, его безотходной переработки является основополагающим принципом развития лесопромышленного кластера. Проблема переработки отходов остается актуальной и не решенной до сих пор. В процессе производства могут образовываться древесные отходы – кусковые и мягкие. Область их применения определяется геометрическими параметрами, объемом образования, сложившимися технологическими условиями производства и хранения сырья. Кусковые отходы в основном идут для производства плитных, клееных материалов и мебели. Использование мягких отходов состоит в частичном применении их крупной фракции для производства плитных материалов и в качестве топлива [30]. Получение биотоплива может рассматриваться как конечная стадия жизненного цикла древеси-

²²Развитие лесного комплекса Вологодской области на 2021–2025 годы. URL: https://vologda-oblast.ru/dokumenty/zakony_i_postanovleniya/postanovleniya_pravitelstva/1918595/.

²³Сайт кластера деревянного домостроения и деревообработки Вологодской области. URL: <http://vologodskiidom.com/obshaya-informaciya/>.

²⁴Департамент лесного комплекса Вологодской области. URL: <https://dlk.gov35.ru/>.

²⁵Официальный сайт департамента лесного комплекса Вологодской области. URL: <https://dlk.gov35.ru/>.

ны, особенно лесосечных отходов. Из древесных (лесосечных) отходов и из вторичной древесины в рамках циркулярной экономики можно получить твердое биотопливо второго поколения [12, с. 263].

На Архангельском целлюлозно-бумажном комбинате есть тенденции развития практически безотходного производства. Основной поставщик сырья (группа компаний «Титан») отгружает пиловочное сырье на ЗАО «Лесозавод 25», а балансы – на АО «Архангельский ЦБК», куда также отправляется технологическая щепка с Лесозавода 25. Кора, отщеп, некондиционная щепка сжигаются в котельной, а остальные отходы идут на производство пеллет. При этом, использовать эти отходы возможно и в производстве древесных плит. Актуальным остается вопрос создания площадок накопления и сортировки древесных отходов для их дальнейшей переработки предприятиями кластера.

Выводы

Проведенное исследование тенденций развития лесопромышленных кластеров Архангельской и Вологодской областей позволило выделить и сформировать следующие критерии:

1. Производственный – основанный на объеме и структуре регионального лесопромышленного производства, вклада в российский и региональный бюджет. Анализ регионального лесопромышленного производства показал увеличение объема лесозаготовок при незначительном углублении переработки древесины, в частности в Архангельской и Вологодской областях производство инновационной продукции высоких переделов остается неудовлетворительным. Эти области показывают большой разрыв по показателю объема произведенной лесопродукции в промышленной структуре региональной экономики, также наблюдается тенденция снижения показателя отгруженной лесопродукции в общем объеме регионального обрабатывающего производства.

2. Технологический, основанный на анализе базовых и перспективных технологий и выпуске на их основе конкурентоспособной лесопродукции, в том числе идущей на экспорт. Лидирующие виды лесопродукции Ар-

хангельской и Вологодской областей связаны с историческим развитием деревообработки и целлюлозно-бумажного производства с недостаточностью новых инновационных производств биотоплива, фанеры, древесных плит, упаковочной бумаги и картона. Помимо этого, анализ показал сохранение экспортной направленности региональных лесопромышленных производств, что снижает возможности собственной разработки технологий и их внедрения. Например, целлюлозная продукция в основном базового ассортимента Архангельской области идет на экспорт. Традиционная специализация лесопромышленного кластера Архангельской области – производство пиломатериалов и целлюлозы – основана на существующих технологиях, а производство перспективных видов продукции с использованием инновационных технологий незначительно.

3. Внутрикластерная кооперация и конкурентирование. Развитие лесопромышленного кластера должно основываться на технологической взаимосвязи предприятий технологической цепи, кооперации и конкуренции, в том числе предприятий малого и среднего бизнеса. Специфика некоторых лесопромышленных производств (целлюлозно-бумажное производство) предполагает присутствие крупных градообразующих производств, где роль и стимулы для малого и среднего бизнеса незначительны. Тенденция укрупнения и консолидации лесопромышленных компаний очевидна особенно для крупного бизнеса, транснациональных и иностранных корпораций, у которых прослеживается незаинтересованность в технологических сдвигах, реконструкции существующих предприятий и строительства новых производств, в крупных инвестициях и реализации инвестиционных проектов, включающих производство наукоемкой, экологичной продукции с присутствием биокультуры и лесовосстановления. При этом очевиден низкий уровень стимулирования малого и среднего бизнеса, в большинстве случаев имеющего недоступность к лесным ресурсам, так как законодательная поддержка касается преимущественно крупных лесопромышленных предприятий. В результате, основываясь на кластерном подходе, для малых и средних

предприятий более приемлема деятельность в сфере лесозаготовок, инфраструктуры, логистики, деревообработки и домостроения, производства мебели, биотоплива и лесохимии. Это возможно также в рамках совместной деятельности и проектов, кооперацией с крупными предприятиями. Например, рост количества лесопромышленных предприятий в Вологодской области связан со значительным развитием деревянного домостроения.

4. Инвестиционный – включающий количество и качество реализуемых приоритетных региональных инвестиционных проектов, основанных на инновационных технологиях и выпуске на их основе перспективной и конкурентоспособной продукции. В рамках кластера Архангельской и Вологодской областей инвестиционные лесопромышленные проекты показывают, в их большинстве, отсутствие производств с учетом перспективных инновационных направлений переработки древесного сырья, вовлечения в производство низкосортной древесины и древесных отходов. Возникает потребность усиления акцентов в инвестиционных проектах на углубление переработки, ее комплексности, с применением инновационных технологий, учитывающих мировой лесопромышленный опыт. Включая во внимание истощение лесных ресурсов, особенно хвойных, обеднение вторичных лесов Северо-Западных регионов, в долгосрочной перспективе необходимо сосредоточиться на специфике региональной лесосырьевой базы при организации новых производств в кластерной структуре.

5. Региональная лесопромышленная специализация. Очевидна тенденция развития лесопромышленной специализации регионов Северо-Западного федерального округа. Так, Вологодская область показывает рост производства и лидерство на рынке древесных плит и фанеры. Плитное и фанерное производство запланировано также в рамках приоритетных инвестиционных проектов области. В Архангельской и Вологодской областях наблюдается развитие лесопромышленной специализации в домостроении, которое требует применения инновационных конструкционных материалов. Анализ показал незначительное присутствие современных, основанных на миро-

вом опыте, в частности финском, перспективных технологий в рамках реализуемых приоритетных инвестиционных проектов. В Вологодской области недостаточно представлены инновационные технологии переработки древесного сырья, обозначенные в инвестиционных проектах, за исключением, возможно, плитного производства и панелей CLT, а в Архангельском кластере производство экологически чистых упаковочных материалов, имеющих растущий спрос на мировом рынке. Уникальные технологии и продукты переработки древесины – приоритет лесопромышленной специализации с учетом, в том числе, состояния лесосырьевой базы.

Особенность лесопромышленных кластеров Архангельской и Вологодской областей заключается в существующем сырьевом потенциале и выгодном географическом положении, в присутствии всех стадий и звеньев производства, начиная от выращивания саженцев, заготовки древесины и завершая выпуском готовой продукции, в основном базового ассортимента. Ценность заключается в близости расположения участников кластера, которая должна обеспечить их активное взаимодействие и развитие.

Тенденции развития региональных лесопромышленных кластеров Северо-Западного округа показали сложности перехода от базовой лесопромышленной продукции к более инновационной, основанной на углублении переработки, ограниченность внедрения инновационных технологий и инвестиционных проектов производства перспективной лесопроductии, а также недостаток развития малого и среднего предпринимательства в лесной промышленности, значительно замкнутой на градообразующих предприятиях.

Изучение региональной лесопромышленной специализации в контексте особенностей формирования и развития лесопромышленных кластеров видится необходимым и важным аспектом экономического развития территории как с научной, так и с практической точки зрения. Выявление региональных конкурентных преимуществ и специализации в лесной промышленности, отказ от инерционного восприятия лесопромышленных иннова-

ций, позволит сформировать новый подход к территориальному лесопромышленному развитию с наилучшим результатом в кластерной структуре, выбрать более эффективные пути развития уникальной лесопромышлен-

ной специализации, сформировать региональную политику, в том числе, опираясь на зарубежный опыт, показывающий неординарность и творческий подход к лесопромышленному развитию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колмаков В.В., Полякова А.Г., Карпова С.В., Головина А.Н. (2019). Развитие кластеров на основе конкурентной специализации регионов // Экономика региона. Т. 15. Вып. 1. С. 270–284.
2. Куценко Е.С., Абашкин В.А., Фияксель Э.А., Исланкина Е.А. (2017). Десять лет кластерной политики в России: логика ведомственных подходов // Инновации. № 12. С. 46–58.
3. Kutsenko E., Eferin Y. (2019). “Whirlpools” and “Safe Harbors” in the Dynamics of Industrial Specialization in Russian Regions, *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 3, pp. 24–40. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.24.40.
4. Плотников В.А. (2015). Риски реализации кластерной политики // Вопросы безопасности. № 2. С. 8–24. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.2.15878 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15878.
5. Вохмянин И.А. (2017). Оценка конкурентоспособности лесных комплексов территорий // Проблемы развития территории. № 2 (88). С. 77–91.
6. Гордеев Р.В. (2017). Классификация субъектов РФ по уровню конкурентоспособности лесной отрасли // Исследования молодых ученых: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика : Сборник статей / под ред. О. В. Тарасовой, А. А. Горюшкина. Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН. С. 372–381.
7. Гордеев Р.В. (2018). Конкурентоспособность продукции лесного сектора: новые уроки из анализа внешней торговли // ЭКО. № 9. С. 63–84.
8. Игнатъевский В.А. (2017). Создание конкурентоспособных кластеров как фактор повышения социально-экономического развития региона (на примере Вологодской области) // Проблемы современной экономики. № 1 (61). С. 130–131.
9. Кожухов Н.И., Кожемяко Н.П., Фитчин А.А. (2017). Концептуальные подходы к формированию лесопромышленных кластеров в России // Лесотехнический журнал. № 3. С. 236–253.
10. Селименков Р.Ю., Советов П.М. (2012). Лесной комплекс: управление инновационным развитием. Вологда : ИСЭРТ РАН. 215 с.
11. Тоскунина В.Э. (2008). Проблемы лесного комплекса Архангельской области и пути их решения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3 (3). С. 29–31.
12. Акимов Э.А. (2019). Современные проблемы и перспективы био-рефайнинга растительного сырья // Леса России: промышленность, наука, образование : Материалы IV научно-технической конференции. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. С. 262–264.
13. Акимов Э.А. (2019). Проблемы механики целлюлозно-бумажных материалов // V международная научно-техническая конференция, посвященная памяти профессора В. И. Комарова. Архангельск. URL: <https://paper.narfu.ru/history/2019/>.
14. Bobylev S.N., Kudryavtseva O.V., Yakovleva Ye.Yu. (2015). Green economy: regional priorities, *R-Economy*, vol. 1, no. 2, pp. 268–279.
15. Кудрявцева О.В., Яковлева Е.Ю., Головин М.С. (2016). Особенности и перспективы отечественного рынка древесного биотоплива на фоне мировых тенденций // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. С. 22–38.
16. Паненко А.И. (2020). Приоритетные инвестиционные проекты в области освоения лесов как инструмент стимулирования лесопромышленных кластеров // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 8-2. С. 283–293.
17. Авдеев Ю.М., Мокрецов Ю.В., Тесаловский А.А. (2018). Повышение конкурентоспособности отрасли как фактор инвестиционной привлекательности региона // Научно-практический и теоретический журнал «Инновационное развитие экономики». № 2 (44). С. 19–32.
18. Масленников М.И. (2019). Влияние крупного бизнеса на реструктуризацию мировой и российской экономики // Экономика региона. Т. 15. Вып. 2. С. 590–600.
19. Бакуменко О.А. (2018). Организационно-

экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием субъектов РФ (на примере Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 117–131. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.8.

20. Курушина Е.В., Петров М.Б. (2018). Критерии успешности проектов пространственного развития на основе межрегиональной интеграции. Экономика региона. Т. 14. Вып. 1. С. 176–189.

21. Мельников А.Е. (2019). Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 2. С. 91–102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5.

22. Раменская А.А., Мехренцев А.В., Стариков Е.Н. (2018). Цифровизация как новый фактор структурно-организационного развития лесного бизнеса (на примере формирования лесопромышленного кластера Свердловской области) // Вопросы управления. № 2 (51). URL: <https://journal-management.com/issue/2018/02/11>.

23. Бриллиантова В.В., Власова В.В., Фурсов К.С. (2020). Технологическое разнообразие и самообеспеченность производства передовыми производственными технологиями в российских регионах // Экономика региона. Т. 16. Вып. 4. С. 1224–1238. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-15>.

24. Мариев О.С., Нагиева К.М., Симонова В.А. (2020). Управление факторами инновационной

активности российских регионов на основе эконометрического моделирования // Управление. Т. 11. № 1. С. 57–69. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-1-6.

25. Банников А.Ю., Лосев А.А., Хлебникова С.А. (2016). Методические подходы к выбору направлений финансовой поддержки инновационных территориальных кластеров // Вопросы управления. № 3 (40). URL: <https://journal-management.com/issue/2016/03/13>.

26. Белякова Г.Я., Мельман И.В. (2019). Уникальная лесопромышленная специализация региона // Региональная экономика: теория и практика. Т. 17. № 9. С. 1646–1656. URL: <https://doi.org/10.24891/re.17.9.1646>.

27. Чарыкова О.Г., Маркова Е.С. (2019). Региональная кластеризация в цифровой экономике // Экономика региона. Т. 15. Вып. 2. С. 409–419. DOI: 10.17059/2019-2-8.

28. Мельман И.В. (2017). Инновации в лесопромышленном кластере Финляндии // Российский внешнеэкономический вестник. № 6. С. 36–46.

29. Ворошилов Н.В. (2020). Развитие лесного комплекса в муниципалитетах региона (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. Т. 8. № 5. С. 1–19.

30. Храмова, А.Н., Соболев С.В., Степень Р.А. (2006). Эколого-экономическая оценка рационального использования вторичного древесного сырья в Ангаро-Енисейском регионе : Монография. Красноярск : СибГТУ. 147 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мельман Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент; Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (660037, Россия, Красноярск, пр-кт им. газеты «Красноярский рабочий», 31); mivakadem@mail.ru.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL TIMBER INDUSTRY CLUSTERS: ARKHANGELSK AND VOLOGDA EXPERIENCE

I.V. Melman^{26a}

^aReshetnev Siberian State University of Science and Technology

ABSTRACT:

The article analyzes the development of Russian regional timber industry clusters, which has a significant impact on the economy of timber industry regions and the modern economic policy of Russia. The goal of the article is to identify the regional specifics and features of the uneven development of the timber industry in the Russian regions. To achieve this goal, the analysis of the fundamental indicators of timber production and industry criteria based on the cluster approach has been carried out. Particular attention is paid to the analysis of the timber industry clusters registered by the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation in the North-Western District, which are the leaders in terms of raw wood production.

The paper uses methods of comparative analysis, a systematic approach and grouping based on the comparison and contrast of theoretical and practical material. The information base of the study contains legislative documents concerning promising directions for the development of the timber industry, forest regulatory documents of the subjects of the Russian Federation, as well as data from official state and industry statistics.

The strategy for the development of the timber industry, based on the cluster approach, should be accompanied by the introduction of promising technologies for wood processing and a unique regional specialization, based on the investment projects implemented within the cluster. The strengthening of cooperation of enterprises within the technological chain of the cluster, as a fundamental principle, appears as a result of the implementation of joint projects, which are an instrument of cluster policy. The formation of cooperative relations and the joint activity of timber enterprises contribute to the complex processing of wood raw materials and wood waste and to the creation of fundamentally new products in the long-term competitiveness. The weakening of the innovation activity of small and medium-sized businesses occurs due to the presence of corporate structures in the cluster that control the main technological chain of production.

The results of the work reflect the priorities of the development of regional forestry specialization based on the cluster approach. The study of the experience of regional timber industry clusters in the Arkhangelsk and Vologda regions revealed and described regional features of timber industry development related to the range of products produced, investment projects implemented and priority forest products that will be manufactured in the regions. In conclusion the article provides criteria based on the analysis of trends in the development of timber industry clusters in the Arkhangelsk and Vologda regions.

KEYWORDS: timber industry cluster, timber products, innovative technologies, investment projects, integrated timber processing, unique regional specialization, competitiveness.

FOR CITATION: Melman I.V. (2021). Trends in the development of regional timber industry clusters: Arkhangelsk and Vologda experience, *Management Issues*, no. 4, pp. 78–92.

REFERENCES

1. Kolmakov V.V., Polyakova A.G., Karpova S.V., Golovina A.N. (2019). The development of clusters based on the competitive specialization of regions, *Economy of the region*, vol. 15, vol. 1, pp. 270–284.

2. Kutsenko E.S., Abashkin V.L., Fiyaksel E.A., Is-lankina E.A. (2017). Ten years of cluster policy in Russia: the logic of departmental approaches, *Inno-vations*, no. 12, pp. 46–58.

²⁶RSCI AuthorID: 686489

3. Kutsenko E., Eferin Y. (2019). “Whirlpools” and “Safe Harbors” in the Dynamics of Industrial Specialization in Russian Regions, *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 3, pp. 24–40. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.24.40.
4. Plotnikov V.A. (2015). Risks to implement cluster policies, *Security issues*, no. 2, pp. 8–24. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15878. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.2.15878.
5. Bokhmyanin I.A. (2017). Evaluation of the competitiveness of forest complexes of territories, *Problems of development of the territory*, no. 2 (88), pp. 77–91.
6. Gordeev R.V. (2017). Classification of subjects of the Russian Federation in terms of forest competitiveness. In: Tarasova O.V., Goryushkin A.A. (eds.) *Studies of young scientists: Economic theory, sociology, sectoral and regional economy: Collection of articles*. Novosibirsk: IEOPP SB RAS, pp. 372–381.
7. Gordeev R.V. (2018). Competitiveness of the forest sector products: new lessons from foreign trade analysis, *ECO*, no. 9, pp. 63–84.
8. Ignatievsky V.A. (2017). Creation of competitive clusters as a factor in improving the socio-economic development of the region (on the example of the Vologda region), *Problems of the modern economy*, no. 1 (61). Pp. 130-131.
9. Kozhukhov N.I., Kozhemyako N.P., Fitchin A.A. (2017). Conceptual approaches to the formation of forestry clusters in Russia, *Forest Engineering Journal*, no. 3, pp. 236–253.
10. Selimenkov R.Yu., Sovetov P.M. (2012). Forest complex: Innovative development management. Vologda, ISERT of the RAS. 215 p.
11. Tuskunina V.E. (2008). Problems of the forest complex of the Arkhangelsk region and the paths of their decision, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 3 (3), pp. 29–31.
12. Akimov E.L. (2019). Modern problems and prospects of bio-refining of vegetable raw materials. In: Proceedings of the IV Scientific and technical conference “Forests of Russia: Industry, science, education”. Saint Petersburg, POLITEKH-PRESS, pp. 262–264.
13. Akimov E.L. (2019). Problems of mechanics of pulp and paper materials. V International Scientific and Technical Conference dedicated to the memory of Professor V. I. Komarov. Arkhangelsk. URL: <https://paper.narfu.ru/history/2019/>.
14. Bobylev S.N., Kudryavtseva O.V., Yakovleva Ye.Yu. (2015). Green economy: regional priorities, *R-Economy*, vol. 1, no. 2, pp. 268–279.
15. Kudryavtseva O.V., Yakovleva E.Yu., Golovin M.S. (2016). Features and perspectives of the domestic market of woody biofuel on the background of world trends, *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy*, no. 6, pp. 22–38.
16. Panenko A.I. (2020). Priority investment projects in the field of forest development as a tool for stimulating timber industry clusters, *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, no. 8-2, pp. 283–293.
17. Avdeev Yu.M., Mokretsov Yu.V., Tesalovsky A.A. (2018). Increasing the competitiveness of the industry as a factor in the investment attractiveness of the region, *Scientific and practical and theoretical magazine “Innovative development of the economy”*, no. 2 (44), pp. 19–32.
18. Maslennikov M.I. (2019). The influence of a large business on the restructuring of the world and Russian economy, *Economy of the region*, vol. 15, no. 2, pp. 590–600.
19. Bakumenko O.A. (2018). The organizational and economic mechanism of managing the inter-regional interaction of the constituent entities of the Russian Federation (on the example of the North-West Federal District), *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 11, no. 3, pp. 117–131. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.8.
20. Kurushina E.V., Petrov M.B. (2018). Criteria for the success of spatial development projects based on inter-regional integration, *Economy of the region*, vol. 14, no. 1, pp. 176–189.
21. Melnikov A.E. (2019). Investment processes and structural changes in the economy of the old industrial regions of the North-West Federal District, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 12, no. 2, pp. 91–102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5.
22. Ramenskaya L.A., Mekhrenssev A.V., Starikov E.N. (2018). Digitalization as a new factor of structural and organizational development of the forest industry (for example, the formation of the Sverdlovsk region’s timber cluster), *Management issues*, no. 2 (51). URL: <https://journal-management.com/issue/2018/02/11>.
23. Brilliantova V.V., Vlasova V.V., Fursov K.S. (2020). Technological diversity and self-sufficiency of production of advanced production technologies in Russian regions, *Economy of the region*, vol. 16, no. 4, pp. 1224–1238. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-15>.
24. Mariev O.S., Nagieva K.M., Simonova V.L. (2020). Management of factors of innovative activity of Russian regions based on econometric modeling,

Upravlenets – The Manager, vol. 11, no. 1, pp. 57–69. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-1-6.

25. Bannikov A.Yu., Losev A.A., Khlebnikova S.A. (2016). Methodical approaches to the choice of directions of financial support to innovative territorial clusters, *Management issues*, no. 3 (40). URL: <https://journal-management.com/issue/2016/03/13>.

26. Belyakova G.Ya., Melman I.V. (2019). Unique Forest Industrial Specialization of the region, *Regional Economics: Theory and Practice*, vol. 17, no. 9, pp. 1646–1656. URL: <https://doi.org/10.24891/re.17.9.1646>.

27. Charykova O.G., Markova E.S. (2019). Regional clustering in digital economy, *Economy of the*

region, vol. 15, vol. 2, pp. 409–419. DOI: 10.17059/2019-2-8.

28. Melman I.V. (2017). Innovations in the timber-industrial cluster of Finland, *Russian Foreign Economic Bulletin*, no. 6, pp. 36–46.

29. Voroshilov N.V. (2020). The development of the forest complex in the municipalities of the region (on the materials of the Vologda region), *Questions of territorial development*, vol. 8, no. 5, pp. 1–19.

30. Khramova L.N., Sobolev S.V., Stepen' R.A. (2006). Ecological and economic assessment of the rational use of secondary wood raw materials in the Angaro-Yenisei region. Monograph. Krasnoyarsk, SibGTU. 147 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina V. Melman – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (31, Krasnoyarskii rabochii prospekt, Krasnoyarsk, 660037, Russia); mivakadem@mail.ru.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

А.В. Романова^{1а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

В статье рассмотрено влияние пандемии COVID-19 на многодетные семьи, представлен обзор пространственных проблем, с которыми столкнулись семьи во время вынужденной самоизоляции.

Целью исследования в данной статье являлось изучение мнения многодетных семей о социальной поддержке до и во время пандемии. Для получения данных было проведено социологическое исследование в форме двух интернет-опросов многодетных семей Санкт-Петербурга. Опросы проведены в период с июня 2019 года по март 2020 года и с ноября 2020 года по декабрь 2020 года (общая выборка – 140 семей). Площадкой проведения опросов послужил онлайн-сервис *SurveyMonkey*.

Результаты исследования продемонстрировали недостаточность государственной поддержки многодетных семей, в том числе в экономическом плане с учётом предоставленных в 2020 году выплат. Кроме обострения общих проблем многодетных семей были выявлены новые проблемы, из-за которых семьи с детьми испытывали особые трудности: отсутствие достаточной технической оснащённости для дистантного обучения детей; необходимость постоянного приобретения средств индивидуальной защиты на всех членов семьи; невозможность посещать детские площадки и места отдыха из-за режима самоизоляции; вынужденный перевод на удалённый формат работы; отсутствие необходимой психологической поддержки. Исследование представляет практическую значимость для разработки и осуществления мер поддержки многодетных семей государственными и общественными организациями в постковидное время, что позволит не допустить усугубления материального положения многодетных семей, потери рабочего места родителей, психологического напряжения внутри семьи и роста числа разводов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многодетная семья, пандемия, COVID-19, социальная поддержка, проблемы многодетных семей, самоизоляция.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Романова А.В. (2021). Социальная поддержка многодетных семей в период пандемии COVID-19 // Вопросы управления. № 4. С. 94–107.

В связи с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 г. привычная жизнь населения всех стран претерпела глобальные изменения. Ежедневное разнообразие и возможность выбора действий сменились резкими ограничениями в передвижениях между странами [1, с. 16–18], внутри государства и места проживания, исключению контактов с окружающими людьми, обязательностью ношения средств индивидуальной защиты в виде масок и перчаток, переводом на удалённый режим работы или учёбы, ежедневной термометрией и обработкой рук антисептическими растворами. Постоян-

ное переживание за состояние здоровья (своего и близких людей), неумение анализировать поступающую информацию о ситуации с коронавирусом, ухудшение экономического положения [2, с. 32–34], страх потери рабочего места [3, с. 424–429] – все эти факторы усиливали у населения ощущение неопределённости будущего [4, с. 18]. Пандемия оказала влияние на все сферы жизнедеятельности людей в мультикультурном пространстве [5, с. 167–168].

В зарубежной практике, как и в России, были реализованы социальные и экономические меры, направленные на сохранение и поддержку здоровья населения, занятости, бизне-

¹AuthorID РИНЦ: 1011110

са и др. Во многих странах политика поддержки реализовывалась во взаимодействии государственных и региональных властей. Эксперты В. Трубин, Н. Николаева, Т. Санишвили, В. Тарасова в социальном бюллетене «Социальная политика в зарубежных странах в условиях пандемии» аналитического центра при Правительстве Российской Федерации представили опыт социальной политики зарубежных стран в период пандемии. Проведенный анализ показал, что помимо общих мер в сфере социальной политики в исследуемых государствах реализуются и уникальные меры поддержки. Например, правительством Австралии профинансирована поддержка услуг по уходу за детьми, а также предоставление нуждающимся семьям доступа к уходу без взимания с семей платы за уход. В Германии реализуется программа по базовой поддержке доходов, в законодательство включена новая норма, предусматривающая выплату родителям с детьми в возрасте до 12 лет, которые не могут работать из-за закрытия детских садов и школ в результате пандемии. Для того чтобы родители могли совмещать удаленную работу и обязанности по уходу за детьми, в Бельгии введен внеочередной оплачиваемый коронавирусный отпуск по уходу за ребенком для родителей с детьми в возрасте до 12 лет, а выплаты увеличены в 1,5 раза для неполных семей и семей с ребенком-инвалидом. Правительство Японии пропагандировало и продвигало новые условия работы в виде гибкого или скользящего графика, а также удаленную работу. В Китае меры поддержки распространяются на развитие цифровых платформ для профессионального обучения, увеличения бюджетного финансирования профессионального переобучения и т.д.² Эксперты отмечают, что поддержка в зарубежных странах носила чрезвычай-

чайный характер, предусматривала комплексное решение таких задач, как сохранение бизнеса и поддержка занятости, социальная защита и охрана здоровья населения за счёт взаимодействия центральных и региональных правительств через реализацию прямой и косвенной поддержки граждан. Перечисленные меры поддержки граждан во время пандемии, принятые за рубежом, следует более подробно изучить для использования в России в борьбе с последствиями распространения коронавирусной инфекции.

Современные российские социологи отмечают, что после завершения эпидемии снизятся репродуктивные желания и семья будет ориентироваться на меньшее количество рождений, однако произойдет объединение, сближение поколений в обществе³; сейчас общество испытывает демографические эффекты 90-х, повлекшие за собой серьезный спад рождаемости, но тогда существовал только один, экономический, фактор риска⁴. Ж. В. Чернова считает, что всплеска рождаемости после эпидемии ждать не стоит – люди в повседневной жизни действуют прагматически и оценивают риски, а также силы и возможности своей семьи как сети ресурсной поддержки⁵. М. О. Макушева в результатах регулярного исследования социальных эффектов пандемии COVID-19 отмечает: люди, которые оказались на самоизоляции с семьей, с детьми и с удаленной работой больше всего хотели иметь возможность побыть в одиночестве, испытывали подавленность и сильные негативные эмоции, особые сложности были у родителей детей от 7 до 9 лет. Это может быть связано с тем, что ребенок в этом возрасте требует больше внимания, чем подросток, который может организовать свой досуг. Тяжелее всего было семьям, которые находились на самоизоляции с двумя

²Трубин В., Николаева Н., Санишвили Т., Тарасова В.. Социальный бюллетень «Социальная политика в зарубежных странах в условиях пандемии». Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.

³Майорова-Щеглова С.Н. Какие изменения ждут образование детей после пандемии: опыт экспертного исследования методом Дельфи. Круглый стол Института социологии ФНИСЦ РАН «Новые вызовы. Преодоление» (3–4 марта 2021 г.).

⁴Михайлова Е.А. Семья в период самоизоляции. Грушинская конференция «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности». Москва, 20 мая – 14 ноября 2020 г.

⁵Чернова Ж.В. Семейно-брачные отношения в условиях самоизоляции. Грушинская конференция «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности». Москва, 20 мая – 14 ноября 2020 г.

⁶Макушева М.О. По результатам регулярного исследования социальных эффектов пандемии COVID-19. Грушинская конференция «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности». Москва, 20 мая – 14 ноября 2020 г.

и более детьми⁶. Социологи считают, что пандемийная ситуация полна неопределенности с точки зрения финансового благополучия семьи, сохранения работы для родителей, на которых большая ответственность, что требует новых навыков переключения между режимами приватного и публичного взаимодействия.

Резкая смена образа жизни выявила неготовность многих семей к перестройке к новому формату. Нежелание членов семьи искать разрешение конфликтов и бытовых трудностей, особенно в сложившейся нестандартной ситуации во время пандемии, может являться причиной роста числа разводов [6, с. 395]. В стандартном ежедневном режиме у работающих мужа и жены общения между собой не так много и в основном оно сосредоточено в вечернее время и выходные, а в отпуске преобладают положительные эмоции ввиду отсутствия необходимости решения бытовых вопросов [7, с. 32–33]. Постоянный контакт друг с другом в период самоизоляции и работы из дома приводил к ухудшению отношений [8, с. 3]. Необходимость оставаться дома в ограниченном пространстве на длительный срок неизбежно повлияла на организацию быта и внутрисемейные отношения. При дистанционной работе из дома семьям с детьми нужно было совмещать роли работников и родителей, что создавало дополнительные сложности во время самоизоляции [9, с. 40]. Особые трудности испытали многодетные семьи, то есть семьи с тремя и более несовершеннолетних детей. Из-за вынужденной самоизоляции как родителей, так и детей на длительное время изменился обычный жизненный темп. Многим родителям не надо было уходить в офис из-за вынужденной работы из дома, а детям нельзя было посещать детские сады, школы, колледжи/университеты. Отсутствие живого общения и прямой связи с внешним кругом общения всех членов семьи, сложность организации досуга, постоянное нахождение в условиях неопределенности неизбежно привело к кризису отношений внутри семьи и обострило уже имеющиеся проблемы [10, с. 126–127].

Можно выделить основные проблемы, с которыми столкнулись многодетные семьи в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Снижение или даже от-

сутствие дохода у родителей в период вынужденной изоляции значительно повлияло на материальное положение многодетных, а дистанционный формат обучения у детей школьного возраста, необходимость обеспечения стабильного и высокоскоростного интернет-соединения, персонального компьютера или смартфонов на каждого ребёнка для продолжения процесса обучения вынудило родителей приобрести кредит или взять деньги в долг. Однако не все семьи имели достаточно ресурсов для срочного перехода к дистанционной работе или учёбе, вследствие чего обострились проблемы совмещения работы родителей и учёбы детей.

Организация дистанционного обучения в семье, где дети – школьники разного возраста, стало настоящим испытанием для родителей. Если учащиеся старших классов ещё могли самостоятельно освоить новые способы проведения занятий (различные образовательные сервисы, онлайн-платформы для видеосвязи, рассылка и проверка домашних заданий по электронной почте и с помощью мессенджеров), то с детьми, обучающимися в младшей школе, родителям приходилось находиться рядом во время проведения уроков для оказания помощи в настройке гаджетов, подключении, организации перерывов, контроля выполнения задания и др. Только в процессе обучения на изоляции семьи ощутили на себе сложность организации домашнего онлайн-обучения [11, с. 16]. Дом всё же является местом отдыха, единения семьи, а не рабочим пространством. Многие семьи оказались экстренно нуждающимися в обеспечении компьютерной техникой: только в Санкт-Петербурге на начало дистанта около 17 тыс. школьников не имели необходимой техники. К тому же наложение друг на друга ролей «учителя» и «родителя» привело к сложностям организации дистанционного обучения из дома в многодетных семьях, когда родители не успевали одновременно работать, осуществлять домашние дела и контролировать обучение детей [12, с. 128].

Изменение привычного режима дня в связи с нахождением дома всех членов семьи привело к увеличению объёма покупаемых продуктов питания и количеству времени, затраченного на приготовление пищи. Во время пере-

вода обучающихся на дистант остро встал вопрос о предоставлении питания детям из многодетных семей, так как средства на обеды уже были выделены из бюджета. В обычные будние дни работающие родители в основном завтракали и ужинали дома, а обедали на работе. Дети дошкольного возраста полностью питались в детском саду, а школьники были обеспечены питанием в школе, так как многодетным семьям полагается питание или же компенсация его стоимости в школе. Безусловно, выгоднее и удобнее для семьи выбирать предоставление питания вместо получения выплаты за него. Родители привыкли к режиму полноценного питания детей вне дома и приходилось перестраиваться на новый режим дня с учётом затрат времени на готовку [13, с. 914]. Для оказания экстренной поддержки семей с апреля 2020 года распоряжением Комитета по образованию Санкт-Петербурга образовательные учреждения выдавали продуктовые наборы, объём которых зависел от статуса школьника (младшеклассник, ребёнок-инвалид, ребёнок-сирота, ребенок, имеющий хроническое заболевание, ребёнок из многодетной семьи и др.)⁷. Продуктовый набор для многодетных содержал большой объём позиций и включал в себя такие продукты, как гречневая или рисовая крупы, макароны, рыбные консервы, подсолнечное масло, пакетированный чай, фруктовый сок, печенье, пряники, молоко, шоколад, джем, сахар и т.д. Однако этих продуктов недостаточно для покрытия сверх затрат и обеспечения полноценного здорового питания многодетной семьи. Таким образом родителям во время самоизоляции приходилось приобретать больше продуктов и больше времени уделять приготовлению пищи на всех членов семьи.

Отсутствие спортивной деятельности для детей и родителей оказало значительное воздействие на здоровье [14, с. 54]. На период вынужденной изоляции прекратили работу спортивные центры, фитнес-клубы, спортивные подростково-молодёжные клубы, запрещён доступ был также к уличным открытым спортплощадкам. Пребывание дома в ограниченном пространстве значительно снизи-

ло двигательную и физическую активность, что оказало отрицательное влияние на состояние здоровья. Такое ежедневное состояние и невозможность детей высвободить энергию приводят к напряжённости и стрессу и влияют на психическое здоровье семьи [15, с. 171]. Спортивная сфера не была готова к длительной изоляции и бездействию, учреждения пытались вести работу с воспитанниками в дистанционном формате. Это послужило причиной появления различных креативных челленджей (вызовов), соревнований в пространстве социальных сетей в интернете, в том числе при активной поддержке государственными структурами. Различные челленджи с инновационными подходами к занятиям физической культурой запускали знаменитости спорта, кино и телевидения, привлекая тем самым внимание к проблеме здоровья на изоляции. Однако участие в дистанционном соревновательном состязании не заменяет систематические занятия спортом и ежедневную двигательную активность. Школьные занятия физкультурой направлены как раз на поддержание необходимой минимальной нагрузки, однако образовательные учреждения столкнулись с проблемой проведения дистанционных занятий [16, с. 6–7]. Проводя занятия по физической культуре с видеотрансляцией, невозможно было проконтролировать качество, правильность выполнения заданий и, что немало важно в работе с детьми, технику безопасности [17, с. 192]. Поэтому многие образовательные учреждения приняли решение проводить занятия физической культурой в «текстовом» формате – через тестирования, написания отчётов о выполненных физических упражнениях (дневник активности), докладов, рефератов и др. В силу занятости многодетные родители не всегда имели возможность проведения активных игр с детьми, соответственно, физическая культура почти не реализовывалась в дистанционном формате.

Учреждения дополнительной образовательной деятельности приостановили работу с детьми и молодёжью, закрылись все подростково-молодёжные досуговые центры, дома молодёжи, школы раннего развития, клу-

⁷Об утверждении Порядка предоставления продуктовых наборов отдельным категориям обучающихся : Распоряжение Комитета по образованию Санкт-Петербурга от 31.03.2020 № 877-р.

бы всех направлений деятельности: творческой, вокальной, танцевальной, театральной, декоративно-прикладной, языковой и др. Некоторые центры дополнительного образования, предоставляющие только платные услуги, были вынуждены закрыться насовсем в связи с отсутствием занятий и невозможностью оплачивать аренду. Дети из многодетных семей, чьи родители работали в карантинный период, были предоставлены по большей части сами себе, находясь во внеучебное время дома перед компьютером или телевизором либо гуляя на улице, что было небезопасно для здоровья. Стоит отметить, что многие учреждения детского дополнительного образования имели опыт продолжения работы клубов и секций в дистанционном формате, однако такой формат не сможет заменить живое общение во время занятий [18, с. 37]. Все кружки и секции носят прикладной характер и ориентированы на работу в очном режиме с детьми, переход в онлайн-формат не позволит полностью отвлечься от домашних дел и погрузиться в процесс. Также большое влияние определяет наличие или отсутствие мотивации на посещение занятий у детей. Как родителям, так и детям из многодетных семей не хватало возможности смены домашней обстановки для организации различной активности вне квартиры.

Кафе, торгово-развлекательные комплексы, концертные залы, театры, кинотеатры, музеи, парки и все общественные места были закрыты, семьи были вынуждены находиться в течение длительного периода в квартире. Был нарушен стандартный ритм недели «будние дни – выходные дни», так как постоянное пребывание родителей дома привело к исчезновению границ между рабочим временем и временем отдыха. Выходы за пределы квартиры хотя бы для прогулки с детьми заменились на времяпрепровождение за гаджетами или телевизором [19, с. 131]. Некоторые родители старались разнообразить досуг детям дома – придумывали занимательные игры из подручных средств, привлекали к совместному труду, готовке всеми способами, чтобы уменьшить контакт ребёнка с компьютером и дать возможность отдохнуть от онлайн-режима. Однако на весь период изоляции и дистанционного обучения такой инициативы от родителей яв-

но недостаточно, поэтому именно семьи с тремя и более детьми находились в состоянии повышенной напряженности.

Все вышеперечисленные сложности, с которыми столкнулись многодетные семьи, напрямую связаны с психологическим напряжением в семье. Синдром эмоционального выгорания и так часто встречается у многодетных родителей, а при наличии описанных проблем во время вынужденной самоизоляции проявился сильнее. Всеобщая паника, особенно поддерживаемая средствами массовой информации, фейковыми новостями, вбросами, порождала в семьях неопределенность и страхи, потерю мотивации и дисбаланс во взаимоотношениях внутри семьи [20, с. 50]. Кризис вынужденной изоляции сопровождался такими эмоциями, как тревога, раздражение, усталость, недоверие, уныние, отчужденность и беспомощность [21, с. 44]. Семьи испытали как физиологические, так и психоэмоциональные негативные изменения, возникшие при переутомлении, увеличилось количество фактов семейно-бытового насилия [22, с. 35]. Появившийся стресс и сопровождающая его агрессия родителей напрямую отражается на общении с детьми [23, с. 117–119]. Самоизоляция позволила под другим углом взглянуть на взаимоотношения внутри семьи и найти новые пути внутрисемейной гармонии.

Обострение перечисленных проблем в семьях и незамедлительные последствия пандемии коронавирусной инфекции послужили толчком Правительства России к принятию пакета так называемых антиковидных мер поддержки, направленных по большей части на поддержку семей с детьми. 11 мая 2020 г. состоялось обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина о новых мерах поддержки в связи с введенными ограничениями из-за эпидемиологической ситуации. Особой популярностью пользовалась единовременная выплата семьям – гражданам России, имеющим детей от 3 до 16 лет, в размере 10 тыс. руб. (на каждого ребёнка). Выплату можно было получить с 1 июня 2020 г., обратившись в многофункциональный центр, Пенсионный Фонд России или через Единый портал государственных услуг. Выплата семьям, имеющим детей до 3 лет, полагалась в размере 3 тыс. руб.

на каждого ребёнка в течение трёх месяцев. С июля 2020 г. на детей, родившихся с 11 мая 2004 г. по 30 июня 2020 г., назначалась единовременная выплата в размере 10 тыс. руб. дополнительно к ранее назначенным выплатам на детей. Для семей с детьми до 18 лет, чьи родители остались без работы, дополнительно к перечисленным выплатам выплачивались по 3 тыс. руб. на каждого ребёнка с апреля по сентябрь [24, с. 42]. Стоит отметить, что дифференциация выплат на детей от 3 до 16 лет и на детей в возрасте от 16 до 18 лет привела к социальной напряженности среди семей, а особенно многодетных. Так была создана петиция на открытой интернет-платформе «Change.org», адресованная Правительству России, с требованием установить единовременную выплату в размере 10 тыс. рублей семьям с детьми от 16 до 18 лет. На 30 июня 2020 г. петицию подписали 144 235 людей⁸, однако эта кампания не привела к изменению в выплатах для детей от 16 до 18 лет.

Для изучения социальной поддержки многодетных семей на территории Санкт-Петербурга нами было проведено исследование до и во время пандемии COVID-19 в виде интернет-опросов, размещённых на платформе *SurveyMonkey*. Исследование состоит из двух анонимных опросов, содержащих по 10 вопросов, проведённых в период с июня 2019 г. по март 2020 г. (приняло участие 100 многодетных семей) и с ноября 2020 г. по декабрь 2020 г. (приняло участие 40 многодетных семей).

Первый опрос был направлен на анализ качества социальной поддержки многодетных семей в Санкт-Петербурге до пандемии COVID-19. Самой популярной категорией респондентов стали семьи, имеющие трёх несовершеннолетних детей (72,4%), семей с четырьмя детьми и семей с пятью и более детьми приняло участие в опросе 20,4% и 7,1% соответственно. В основном респонденты находились в отпуске по уходу за ребёнком (44,4%), работали по найму (25,2%) или являлись безработными (19,1%). 5% указали, что являются самозанятыми и 6% выбрали вариант ответа

«другое», также указав, что являются рабочими или работают. На вопрос о том, есть ли в семье усыновлённые дети абсолютное большинство (95%) ответило отрицательно, 1% отметило, что имеет 4 и более усыновлённых детей.

На вопрос о том, знают ли семьи обо всех льготах (федерального и регионального уровня) для многодетных семей, большая часть (49%) ответила, что знают, но пользуются не всеми, 34% ответили утвердительно и 17% ответили, что знают только о популярных льготах федерального уровня. На открытый вопрос о получении денежных выплат от государства (в месяц) отрицательно ответили 28% респондентов, 1% ответил «не знаю», 1% указал, что вопрос некорректный и 1% не понял вопроса. Большая часть респондентов отметила конкретную сумму в 11 тысяч рублей (6%), в среднем по ответам суммы выплат распределены от 1 до 20 тысяч рублей. Один ответ респондента был связан с отсутствием выплат и невозможностью получить 450 тыс. руб. на погашение ипотечного кредита многодетной семьи из-за наличия в имуществе доли в коммунальной квартире, которую, предположительно, трудно продать. Исходя из открытых ответов респондентов, мы видим, что в основном многодетные семьи получают выплаты и ориентируются в назначении каждой, средняя выплата семьям Санкт-Петербурга составляет около 11 тыс. руб. Размеры выплаты многодетным семьям зависят от количества детей в семье и их возраста, наличия пенсии у ребёнка (например, по инвалидности, по потере кормильца и др.), наличия статуса малообеспеченной семьи. Очевидно, что такой объём денежных выплат на одну семью даже с тремя детьми абсолютно мал и не покрывает части ежемесячных необходимых затрат на детей.

На вопрос «Принято считать, что многие семьи выбирают монетизацию (замену услуг на денежные выплаты). Согласны ли вы с этим суждением?» положительно ответили 72,3% респондентов, отрицательно – 27,2%. Очевидно, что для многодетной семьи предпочтительнее получить денежные средства и иметь возможность на них приобрести что-то полез-

⁸Требуем установить единовременную выплату 10 тысяч рублей детям 16-17 лет! : Петиция на открытой интернет-платформе «Change.org». URL: <https://www.change.org/p/правительство-рф-требуем-установить-единовременную-выплату-10-тысяч-рублей-детям-16-17-лет>.

ное и нужное для семьи здесь и сейчас. Однако ответы на следующий вопрос свидетельствуют о том, что отсутствие оплаты некоторых услуг для многодетных является всё-таки важной поддержкой. Самой эффективной мерой поддержки по мнению большинства (74,7 %) являются социальные льготы (бесплатные путёвки в детские лагеря, посещение секций, уменьшение затрат на услуги ЖКХ, бесплатное питание в школе и др.), 50,5 % респондентов отмечает материнский (семейный) капитал, за ним следует приобретение ипотечного жилья со снижением стоимости (25,2 %), получение земли для строительства дома (23,2 %), налоговые льготы (15,1 %) и региональный капитал на рождение ребёнка (13,1 %) (при ответе можно было выбрать несколько вариантов). С января 2020 года семьи с двумя детьми, рождёнными или усыновлёнными с 2009 по 2019 гг., а также с тремя и более детьми, если до их появления не было права на материнский капитал, могут получить материнский капитал в размере 483 881 руб. А семьи, в которых третий и последующие дети появились с 2020 года (если до их появления не было права на материнский капитал), имеют возможность получить 639 431 руб.⁹ Сертификат «Материнский (семейный) капитал в Санкт-Петербурге» направлен на поддержку семей, в которых третий ребёнок рождён или усыновлён с января 2012 г. по декабрь 2026 г., и на 2021 год составляет 165 930 руб.¹⁰

Оценка многодетными качества информирования по различным каналам связи жителей Петербурга о правах многодетных семей представлена в таблице 1 (где 1 – не информирует, 5 – отлично информирует). Из представленных в таблице результатов видно, что ни у одного канала связи нет преимущественной положительной оценки: всего лишь 9,3 % у социальной рекламы на билбордах, в транспорте, социальных сетях и др. Центр помощи семье детям имеет 8,5 % выборов респондентов и образовательные учреждения 7,2 %. Исходя из отрицательной оценки 57,4 % («не информирует»), мы видим, что руководство на работе многодетных родителей не афиширует

информацию, касающуюся социальной поддержки многодетных семей. Также многодетные не получают информацию о видах поддержки от некоммерческих и общественных организаций (50,5 %).

Следующий открытый вопрос уточняет, каких каналов информирования не хватает семьям с детьми. Мы классифицировали ответы по следующим группам.

– государственные учреждения: многофункциональные центры; родильный дом.

– средства массовой информации: интернет (форумы многодетных, группы в социальной сети Вконтакте); телевидение; отдельное мобильное приложение; отдельная система, где будут прописаны все положенные льготы, пособия, компенсации в одном месте.

– адресный подход: личный кабинет на Едином портале государственных услуг; памятки или буклеты для многодетных в распечатанном виде в различных государственных учреждениях; SMS-рассылки; рассылки в мессенджеры; уведомления по почте.

– внешняя реклама: общественный транспорт; баннеры.

– социальные сети многодетных: праздники для детей из многодетных семей; взаимодействие с такими же семьями.

Исходя из классификации ответов, а также мнения респондентов «органы власти мало информируют, приходится самим все узнавать своими силами» и «добавлять не нужно, нужно чтобы какие есть каналы работали нормально», стоит отметить, что предложения семей сводятся к созданию единой системы или сайта для информирования об актуальных мерах социальной поддержки многодетных, где будет представлена вся информация в одном ресурсе. Дополнительно необходимо поддерживать распространение информации не только в социальных сетях, но через социальную рекламу, тематические буклеты в государственных учреждениях, где чаще всего бывают многодетные (многофункциональные центры, поликлиники, образовательные учреждения, центры помощи семье и детям и т. д.). Изучая возможность взаимодействия и обмене

⁹О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ.

¹⁰О материнском (семейном) капитале в Санкт-Петербурге : Закон Санкт-Петербурга от 06.12.2011 № 810-151.

Таблица 1 – Оценка многодетными качества информирования жителей Петербурга о правах многодетных семей
Table 1 – Rating by families with many children of the quality of informing residents of St. Petersburg about the rights of large families

Каналы связи	Оценка				
	1	2	3	4	5
Образовательные учреждения	31,25	15,63	31,25	14,58	7,29
Руководство на работе родителей	57,45	18,09	11,70	9,57	3,19
Социальная реклама (билборды, баннеры, общественный транспорт, журналы, социальные сети)	37,50	23,96	20,83	8,33	9,38
Некоммерческие организации поддержки многодетных семей	50,53	9,47	21,05	14,74	4,21
Комплексный центр социального обслуживания населения	40,43	15,96	23,40	14,89	5,32
Центр помощи семье и детям	42,55	14,89	19,15	14,89	8,51
Другие социальные учреждения	53,93	12,36	23,60	8,99	1,12

на информацией об известных семье мерах социальной поддержки многодетных со своим окружением мы видим следующие ответы: 76 % поделится со всеми, кого касается данный вопрос, 13 % расскажет информацию только близким, 8 % готовы написать пост или комментарий в социальной сети, а 3 % предпочитают не делиться полученной информацией.

Второй опрос направлен на анализ качества социальной поддержки многодетных семей в Санкт-Петербурге во время пандемии COVID-19. В опросе приняли участие в основном семьи с тремя детьми (65 %), чуть меньше семей с четырьмя детьми (20 %) и 15 % семей с пятью и более детьми. Среди респондентов преобладали семьи с тремя детьми до 16 лет (27,5 %), у 25 % опрошенных два ребёнка, у 22,5 % один ребёнок и 20 % респондентов более 4 детей до 16 лет. Только у 5 % опрошенных дети в возрасте от 16 до 18 лет. В основном, все опрошенные находятся в отпуске по уходу за ребёнком (30 %) или работают по найму (32,5 %). Безработных – 20 % от числа респондентов, самозанятых и занимающихся малым бизнесом – по 5 % и 2,5 % соответственно. Также 5 % ответили, что ещё обучаются.

Семьи с детьми имели возможность воспользоваться мерами поддержки граждан в период пандемии COVID-19, а именно получить выплаты на детей (до 16 лет) – 85 % опрошенных получили выплаты. У 87,5 % семей не возникало проблем при оформлении заявлений на выплату, однако 12,5 % испытали сложности, которые были связаны с Единым порталом государственных услуг, а именно: долгая процедура оформления заявления; большое количество позиций для заполнения

заявления; технические сложности оформления заявления; отсутствие у семьи возможности воспользоваться порталом для оформления заявления.

Действительно, сверхнагрузка от большого количества пользователей одновременно замедлила работу Единого портала государственных услуг, а сразу после объявления Президентом о возможности получения выплат семьям с детьми – сайт просто перестал работать, что привело к остановке работы портала и невозможности получения других услуг гражданами.

Популярными каналами связи, по которым многодетные семьи узнали о выплатах, были отмечены сеть «Интернет», средства массовой информации (в том числе новости на телевидении), социальные сети. Несколько семей ответили, что узнали о выплатах через знакомых. Оценка качества информирования каналами связи жителей Петербурга о возможности получения выплат представлена в таблице 2 (1 – не информирует, 5 – отлично информирует). Уже в пандемийный период оценка многодетными каналов информирования изменилась в отношении социальной рекламы – около 41 % высоко оценили эффективность информирования против той же оценки, выбранной 9 % семей до пандемии. Информирование через средства массовой информации считает отличным 53,8 % многодетных семей. Менее всего эффективным во время пандемии оказалось информирование через социальные учреждения (центр помощи семье и детям, комплексные центры социального обслуживания населения, некоммерческие организации и другие учреждения).

Таблица 2 – Оценка качества информирования каналами связи многодетных семей Петербурга о возможности получения выплат

Table 2 – Rating of the quality of informing families with many children of St. Petersburg by communication channels about the possibility of receiving payments

Каналы связи	Оценка				
	1	2	3	4	5
Образовательные учреждения	30,77	10,26	28,21	12,82	17,95
Руководство на работе родителей	31,43	5,71	31,43	17,14	14,29
Социальная реклама (билборды, баннеры, общественный транспорт, журналы, социальные сети)	12,82	5,13	17,95	23,08	41,03
Средства массовой информации	2,56	0,00	12,82	30,77	53,85
Некоммерческие организации поддержки многодетных семей	40,00	22,50	17,50	10,00	10,00
Комплексный центр социального обслуживания населения	47,50	7,50	30,00	7,50	7,50
Центр помощи семье и детям	50,00	10,00	27,50	2,50	10,00
Другие социальные учреждения	46,15	7,69	25,64	12,82	7,69

На вопрос о нестандартных для семей проблемах, с которыми они столкнулись в период пандемии COVID-19, самыми популярными были ответы о нехватке денежных средств в целом и конкретно на оплату коммунальных услуг, снижении заработной платы и увольнении. Также респонденты отмечали следующие проблемы:

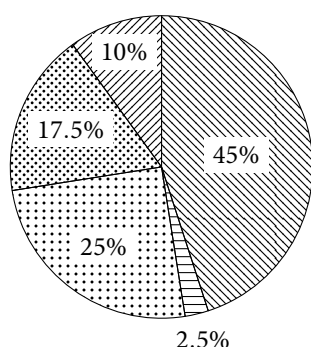
- запрет на прогулки в парках и на детских площадках;
- сложность записаться на приём к врачу;
- невозможность выйти в магазин за продуктами, так как нельзя оставить детей без присмотра;
- отсутствие поддержки родителям, работающим дистанционно;
- проблемы закрытия детских садов, школ, сложность дистанционного обучения детей,

- нехватка техоборудования для учёбы;
- отсутствие перерасчёта оплаты за очной обучение детей при переходе на дистанционный формат;
- некачественные продуктовые наборы, полученные школьниками;
- проблема взаимопонимания.

Часть респондентов ответили, что нестандартных для семьи проблем не возникало. В целом можно отметить, что проблемы, связанные с пандемией коронавирусной инфекции, носили экономический характер, часть проблем связана с переходом к дистанционной работе или учёбе. Запреты на посещение общественных мест, закрытие или ограничение работы государственных учреждений и проблемы взаимоотношений оказали влияние на эмоциональное состояние многодетных.

По результатам опроса, 45 % респондентов смогли разрешить свои проблемы самостоятельно, 25 % – при помощи семьи и своего окружения, 2,5 % отметили, что разрешили проблемы при помощи государственных учреждений. Однако 17,5 % указали, что проблемы остались неразрешёнными до сих пор, и только 10 % ответили, что не испытали проблем за период пандемии. Из ответов респондентов следует, что хоть преимущественно многодетные семьи способны разрешить свои проблемы самостоятельно, помощь близких для многодетной семьи играет намного большую роль, чем помощь от государства во время пандемии (рис. 1).

По мнению многодетных семей, следующих мер поддержки не хватало в период пандемии COVID-19:

- ▨ да, самостоятельно
- ▤ да, при помощи государственных учреждений
- ▣ да, при помощи окружения семьи
- ▧ нет, проблемы существуют до сих пор
- ▩ проблем не возникало

Рисунок 1 – Анализ ответов многодетных о разрешении проблем в период пандемии COVID-19
Figure 1 – Analysis of responses from families with many children on resolving problems during the COVID-19 pandemic

– *финансовых*: дополнительных выплат на детей на весь период пандемии; дополнительных выплат на приобретение оргтехники для работы или обучения; повышение размера детского пособия до прожиточного минимума; трудоустройства родителей.

– *технических*: обеспечение детей техникой на период дистанционного обучения;

– *натуральных*: обеспечение продуктами питания всей семьи; выделение средств индивидуальной защиты для многодетных семей (одноразовых или многоразовых масок, перчаток, антисептиков и др.).

– *рекреационных*: организация досуга детей; организация отдыха детей после выполнения домашних заданий (увеличившихся на время дистанта); организация работы детских площадок для активного отдыха на свежем воздухе.

– *психологических*: поддержка родителей, перешедших на дистанционную работу; психологическая поддержка всей семьи; консультации членов семьи с квалифицированными психологами.

Исходя из проведенного исследования следует, что во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 текущей постоянной поддержки семей с детьми государством было явно недостаточно. Семьи испытали различные проблемы, самой острой из которых стало усугубление экономического состояния. Властями было принято решение оказать помощь семьям с детьми определенного возраста в виде денежных выплат, которые, в целом, не были дифференцированы в зависимости от суммарного дохода семьи, количества детей и т.д. Размеры полученных выплат явно недостаточно для сохранения баланса доходов и расходов российской семьи с детьми с учётом возникших проблем во время пандемии: увольнения, сокращения или невыплаты заработной платы, необходимостью больше работать [25, с. 28–33]. Очевидно, семьи нуждаются в усиленной экономической помощи, а материальные выплаты семья должна получать на каждого ребёнка с рождения до 18 лет – без разделения по условным возрастным категориям. Для дифференциации выплат в большую сторону можно было бы по опыту мер поддержки, принятых во время пандемии в Бельгии,

увеличить суммы выплат для детей из неполных семей и семьям, имеющим ребенка (детей) с инвалидностью. Также, исходя из международного опыта, в России можно было бы применить введение дополнительного оплачиваемого отпуска по уходу за ребёнком до 12 лет на время вынужденной самоизоляции, что позволило бы родителям находиться дома с детьми на время закрытия детских садов и школ, помочь организовать дистанционное обучение детям-младшеклассникам, сохраняя при этом своё рабочее место и получая материальную поддержку. Для решения проблемы закрытых учреждений дополнительного образования, спортивных и досуговых центров возможно было бы организовать досуг всех членов семьи с помощью создания всероссийского онлайн-ресурса с доступом к мультфильмам, кинофильмам, онлайн- и аудиокнигам и другому подобному контенту, разделённому по возрастным категориям и тематике для удобного поиска. Контактные данные, введённые при регистрации, могли бы передаваться в региональные районные центры для последующей адресной работы с семьями. Возможно было бы также при наличии ресурса библиотек организовать доставку книг на дом, подключив при этом также районные администрации для помощи в организации процесса. Для продления занятий по физической культуре и секций при условии увеличения санитарной обработки помещений, покрытий, поручней и т.д. можно было бы при условии хороших погодных условий проводить занятия на открытых футбольных площадках без спортивного инвентаря, соблюдая социальную дистанцию при расстановке занимающихся. Перечисленные предложения при их реализации в России, возможно, позволили бы снизить напряженность, возникшую в многодетных семьях во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Необходимо оказать достойную поддержку всем семьям с детьми, чтобы они были уверены в своём будущем, чувствовали стабильность даже в сложное кризисное время, иначе конфликты, увеличение разводов, снижение рождаемости в конечном итоге приведут к демографической яме с сопутствующими негативными последствиями для государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антропова А.О. (2020). Влияние коронавируса (COVID-19) на международный туризм // Вестник научных конференций. № 2-2 (54). С. 16–18.
2. Будакова А.А. (2020). Влияние коронавируса на экономику России // Вестник научных конференций. № 2-2 (54). С. 32–34.
3. Солдатова С.С., Солдатова В.В. (2020). Российский рынок труда в условиях нарастания экономического кризиса вследствие пандемии // StudNet. Т. 3. № 2. С. 424–429.
4. Силина Е.А., Крюкова Т.А. (2021). Семья в ситуации стресса самоизоляции: взаимосвязь гендерных установок и копинг-стратегий // ОмГУ. № 1. С. 18–23.
5. Равочкин Н.Н. (2021). Трансформации повседневности в реалиях COVID-19 // Социология. № 1. С. 162–168.
6. Ростовская Т.К., Толмачев Д.П., Шимановская Я.В. (2020). Роль многопоколенной московской семьи в условиях пандемии COVID-19: Социологический анализ. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. № 4. С. 394–398.
7. Крюкова Т.А., Сапоровская М.В., Куптяк Е.В. (2005). Психология семьи. Жизненные трудности и совладание с ними. СПб. : Речь. С. 32–33.
8. Кулькова И.А. (2020). Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. № 1. С. 1–10.
9. Ивченкова М.А. (2020). К вопросу о влиянии режима самоизоляции в условиях пандемии на обострение супружеских конфликтов // Теория и практика общественного развития. № 12 (154). С. 38–41.
10. Опекина Т.П., Шипова Н.С. (2020). Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. Т. 26. № 3. С. 121–128.
11. Семина Т.В., Тыртышный А.А. (2020). Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: Социальные и правовые аспекты // Образование и право. № 7. С. 11–19.
12. Данилова Л.Н. (2020). COVID-19 как фактор развития образования: перспективы цифровизации и дистанционного обучения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 5 (68). С. 124–135.
13. Иоселиани А.Д., Корнеева А.Н. (2021). Позитивное и негативное в пандемии COVID-19 // Манускрипт. № 5. С. 912–916.
14. Гафиатулина Н.Х. (2020). Снижение социальной активности российской молодежи как реакция на кризис в жизни в условиях самоизоляции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 5. С. 52–55.
15. Солодовник Е.М., Абрамова Е.Д. (2020). Двигательная активность детей дошкольного возраста в период пандемии COVID-19 // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 1-1. С. 171–174.
16. Агеевец А.В., Ефимов-Комаров В.Ю., Ефимова-Комарова Л.Б., Назаренко Е.А., Пучкова М.В. (2020). Перспективы использования дистанционной системы обучения при реализации образовательного процесса дисциплин по физической культуре и спорту // Ученые записки университета Лесгафта. № 4 (182). С. 3–8.
17. Щенкова И.П. (2020). Проблемы дистанционного обучения по дисциплине «Физическая культура» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 5-3. С. 190–193.
18. Рассохина И.Ю., Пфетцер С.А., Пфетцер А.А. (2020). Поддержка сверхнормативной активности молодежи в ситуации пандемии COVID-19 как актуальное направление молодежной политики // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 4 (40). С. 29–39.
19. Мостицкая Н.Д. (2020). Праздничное и повседневное в условиях самоизоляции (на материале группы «Изоизоляция» в Facebook) // Художественная культура. № 3. С. 128–143.
20. Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И. (2021). Смыслоразнозначные установки в понимании ситуации самоизоляции в период пандемии COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. № 1. С. 49–52.
21. Козлов В.В. (2020). Динамика психологического содержания кризиса пандемии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. Т. 34. С. 40–57.
22. Голубева Н.В., Иванов Д.В., Троицкий М.С. (2020). Панические расстройства во внутрисемейных отношениях, как последствия воздействия коронавирусной инфекции (обзор литературы)

туры) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. № 2. С. 32–37.

23. Екимчик О.А., Крюкова Т.Л. (2015). Психология совладания с завершением близких отношений // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. № 4. С. 117–119.

24. Пишняк А.И., Корчагина И.И., Горина Е.А., Тер-Акопов С.А. (2020). Поддержка се-

мей с детьми в условиях пандемии COVID-19 // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. Высшая школа экономики. № 7. С. 41–49.

25. Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А. (2021). COVID-19 и антикризисная социальная поддержка // Финансовый журнал. Т. 13. № 1. С. 28–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Романова Анастасия Вячеславовна – Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43); Romanova.upgrade@gmail.com.

SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES WITH MANY CHILDREN DURING THE COVID-19 PANDEMIC

A.V. Romanova^{1a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The article examines the impact of the COVID-19 pandemic on families with many children, and provides an overview of common problems faced by families during forced self-isolation.

The aim of the study is to analyze the opinion of large families about social support before and during the pandemic. To obtain the data, a sociological study was carried out in the form of two Internet surveys of families with many children in St. Petersburg. The surveys were conducted from June 2019 to March 2020 and from November 2020 to December 2020 (total sample – 140 families). SurveyMonkey online service was used as a platform for conducting the surveys.

The results of the study demonstrated the lack of the state support for large families in economic terms; the payments provided to families with children in 2020 were taken into account. In addition to the aggravation of the general problems of families with many children, new problems were identified, due to which families with children experienced special difficulties – the lack of sufficient equipment and gadgets for distance learning, the need to constantly purchase personal protective equipment for all family members, the inability to visit playgrounds and recreation areas due to the self-isolation regime, forced transfer to online work, and lack of the necessary psychological support. The study is of practical importance for the development and implementation of the measures to support large families by the state and public organizations in the post-COVID period, which will prevent an aggravation of the financial situation of families with many children, the loss of jobs by parents, psychological stress within the family and an increase in the number of divorces.

KEYWORDS: family with many children, pandemic, COVID-19, social support, problems of families with many children, self-isolation.

FOR CITATION: Romanova A.V. (2021). Social support for families with many children during the COVID-19 pandemic, *Management Issues*, no. 4, pp. 94–107.

^{1a}RSCI AuthorID: 1011110

REFERENCES

1. Antropova (2020). The effect of coronavirus (COVID-19) on international tourism, *Bulletin of scientific conferences*, no. 2-2 (54), pp. 16–18.
2. Buldakova A.A. (2020). The effect of coronavirus on the economy of Russia, *Bulletin of scientific conferences*, no. 2-2 (54), pp. 32–34.
3. Soldatova S.S., Soldatova V.V. (2020). The Russian labor market in the conditions of increasing the economic crisis due to a pandemic, *StudNet*, vol. 3, no. 2, pp. 424–429.
4. Silina E.A., Kryukova T.L. (2021). Family in the situation of self-isolation stress: relationship between gender installations and coping strategies, *OmGU*, no. 1, pp. 18–23.
5. Ravochkin N.N. (2021). Transformation of everyday life in the realities of COVID-19, *Sociology*, no. 1, pp. 162–168.
6. Rostovskaya T.K., Tolmachev D.P., Shimanovskaya Ya.V. (2020). The role of a multi-ocephaned Moscow family during the COVID-19 pandemic: Sociological analysis, *Saratov University Izvestia, New series. Series: Sociology. Political science*, no. 4, pp. 394–398.
7. Kryukova T.L., Saporovskaya M.V., Kuftyak E.V. (2005). Psychology of the family. Life difficulties and consolation with them. Saint Petersburg, Rech', pp. 32–33.
8. Kulkova I.A. (2020). The effect of coronavirus pandemic on demographic processes in Russia, *Human Progress*, no. 1, pp. 1–10.
9. Ivchenkova M.A. (2020). On the issue of the impact of self-insulation regime in a pandemic constructing of marital conflicts, *Theory and practice of public development*, no. 12 (154), pp. 38–41.
10. Opekina T.P., Shipova N.S. (2020). Family in the period of self-isolation: stress, risks and capabilities of consolation, *Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, vol. 26, no. 3, pp. 121–128.
11. Semina T.V., Tyrnyshniy A.A. (2020). Social solidarity and confrontation during the COVID-19 coronavirus pandemic period: Social and legal aspects, *Education and law*, no. 7, pp. 11–19.
12. Danilova L.N. (2020). COVID-19 as a factor in the development of education: the prospects for digitalization and distance learning, *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, no. 5 (68), pp. 124–135.
13. Ioseliani A.D., Korneeva A.N. (2021). Positive and negative in COVID-19 pandemic, *Manuscript*, no. 5, pp. 912–916.
14. Gafiatulina N.Kh. (2020). Reducing the social activity of Russian youth as a reaction to a crisis in life under self-insulation, *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, no. 5, pp. 52–55.
15. Solodovnik E.M., Abramova E.D. (2020). Motor activity of children of preschool age during the COVID-19 pandemic period, *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*, no. 1-1, pp. 171–174.
16. Ageevets A.V., Efimov-Komarov V.Yu., Efimova-Komarova L.B., Nazarenko E.A., Puchkova M.V. (2020). Prospects for the use of a remote training system in the implementation of the educational process of disciplines in physical culture and sports, *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, no. 4 (182), pp. 3–8.
17. Schenkova I.P. (2020). Distance learning problems on the physical culture discipline, *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*, no. 5-3, pp. 190–193.
18. Rassokhina I.Yu., Pfetzer S.A., Pfetzer A.A. (2020). Support for the supernormative activity of young people in the situation of Pandemic COVID-19 as a relevant direction of youth policy, *Vocational education in Russia and abroad*, no. 4 (40), pp. 29–39.
19. Mostitskaya N.D. (2020). Festive and daily in self-insulation (on the material of the “Iso-isolation” group on Facebook), *Artistic culture*, no. 3, pp. 128–143.
20. Sorokoumova E.A., Cherdymova E.I. (2021). Sensuated installations in understanding the situation of self-insulation during the COVID-19 pandemic period, *Psychological problems of the meaning of life and acme*, no. 1, pp. 49–52.
21. Kozlov V.V. (2020). The dynamics of the psychological content of the pandemic crisis, *Izvestiya of the Irkutsk State University. Series: Psychology*, vol. 34, pp. 40–57.
22. Golubeva N.V., Ivanov D.V., Troitsky M.S. (2020). Panic disorders in intrameal relationships as the consequences of the impact of coronavirus infection (review of literature), *Bulletin of new medical technologies. Electronic version*, no. 2, pp. 32–37.
23. Ekimchik O.A., Kryukova T.L. (2015). Psychology of consolation with the completion of close relationships, *Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, no. 4, pp. 117–119.
24. Pyshnyak A.I., Korchagina I.I., Gorina E.A., Ter-Akopov S.A. (2020). Support for families with children in the COVID-19 pandemic conditions, *An-*

alytical Bulletin of HSE on the economic and social consequences of coronavirus in Russia and in the world. High School of Economics, no. 7, pp. 41–49.

25. Andreeva E.I., Bychkov D.G., Feoktistova O.A. (2021). COVID-19 and anti-crisis social support, *Financial journal*, vol. 13, no. 1, pp. 28–38.

AUTHORS' INFORMATION:

Anastasiya V. Romanova – North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43, Sredmiy Ave. V.O., Saint Petersburg, 199178, Russia); Romanova.upgrade@gmail.com.

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В НАПРАВЛЕНИИ УВЕЛИЧЕНИЯ ДОХОДОВ РОССИЯН И СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ БЕДНОСТИ

Е.А. Капогузов^{1а}, Р.И. Чупин^{2б}, М.С. Харламова^{3б}

^аОмский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

^бСибирское отделение Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Целью исследования является характеристика доходных групп семейных домохозяйств в России с целью определения групп и факторов риска, в том числе риска депривационной бедности. Базовой предпосылкой исследования выступает наличие влияния различных (в том числе экономических) факторов на репродуктивное и брачное поведение у различных домохозяйств. Изучение данных факторов позволит актуализировать направление семейной политики, направленной на борьбу с бедностью и институциональное усиление традиционных семейных ценностей для различных категорий домохозяйств. В частности, проанализирована дилемма государственной семейной политики, заключающаяся, с одной стороны, в росте рождаемости, а с другой – в необходимости борьбы с бедностью.

На основе информации ЕМИСС и Федерального казначейства выявлены и оценены параметры результативности семейной политики в России. В дальнейшем на материалах Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2019 год в исследовании выделены категории домохозяйств в разрезе доходных групп, а также произведено их сравнение с точки зрения отношения доходов к прожиточному минимуму (абсолютная бедность) и их восприятия собственного уровня благосостояния (субъективная бедность).

Научная новизна заключается в определении влияния факторов бедности на формирование семей и деторождения в структуре российских домохозяйств. Также рассмотрены экономические механизмы семейной политики с акцентом на рождаемость и борьбу с бедностью в контексте «традиционной и «беккериянской» семьи. В данном контексте предложены рекомендации в сфере семейной политики, позволяющей учесть специфику российских регионов.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при правительстве Российской Федерации по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семейная политика, семьи, бедность, рождаемость, многодетность, доходы домохозяйств.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. (2021). Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности // Вопросы управления. № 4. С. 108–122.

Введение

В России, помимо исключительно демографических последствий пандемии COVID-19, на первый план вышла уже достаточно долгая проблема падения реальных располагае-

мых доходов россиян, которая, по мнению Президента РФ, является безотлагательной⁴. Действительно, по оценкам независимых российских экспертов, доля бедных в России по итогам пандемийного 2020 года насчитывает

¹AuthorID РИНЦ: 337296, ORCID: 0000-0001-8083-5654

²AuthorID РИНЦ: 652038

³ORCID: 0000-0003-4144-5893

⁴И десяти лет не пройдет: как будут побеждать бедность в России // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/19/13767998.shtml> (дата обращения: 01.08.2021).

20 % от суммарной численности населения [1], тогда как официальная статистика предлагает цифру в размере 12,6 % по России. Однако полная картина видна только при рассмотрении показателя доли населения с доходами ниже прожиточного минимума в разрезе регионов (рис. 1).

Очевидно, что пространственный срез позволяет наблюдать существенные структурные различия на региональном уровне, которые в большей степени соответствуют оценке независимых экспертов. При этом в качестве сравнительного параметра взят доход ниже прожиточного минимума, не всегда отражающий реальный профиль бедности. Так, научно-обоснованные методики [2] позволяют оценить как абсолютную бедность (по МРОТ), так и субъективную, отражающую восприятие бедности самими индивидами. Отклонения между результатами применения этих методик могут разительно отличаться. Например, признанный на территории России иностранным агентом «Левада-Центр», провел в 2019 году исследование границ бедности семей, согласно которому оценки нормального уровня жизни в крупных городах (38,6–42,2 тыс. руб.), в средних городах (35,4–40,4 тыс. руб.), среди жителей сельской

местности (31,4–35,1 тыс. руб.)⁵. С этой точки зрения, бедными в России могут считаться до половины населения (по оценке Левада-Центра – 40 %).

Кроме того, существуют методики, более приближенные к реальному экономическому состоянию домохозяйств, учитывающие уровень деприваций в различных возрастных группах. В исследовании РАНХиГС приводятся результаты применения комплексной методики оценки депривационной бедности AROPE на базе собственного выборочного исследования 2 954 представителей российских домохозяйств с детьми [3]. Итогом оценки стало распределение, согласно которому 23 % российских семей испытывают те или иные депривации. При этом среди многодетных семей материальные депривации присущи 39 % от числа опрошенных, что выше показателя неполных семей (35 %) и семей с безработными (37 %). Более высокий уровень материальной депривации замечен только в приемных семьях (40 %) и в семьях, где возраст матери ребенка превышает 50 лет (43 %).

С одной стороны, данные результата подтверждают тезис о том, что в большинстве случаев многодетные семьи в России являются малообеспеченными, с другой – ставит под

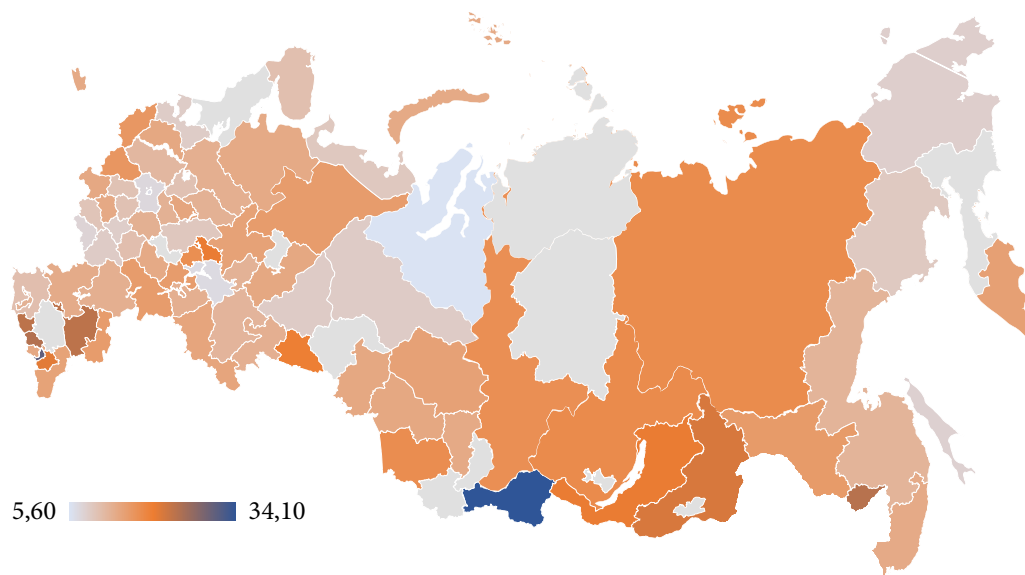

Рисунок 1 – Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в регионах РФ в 2020 году⁶
Figure 1 – Share of the population with incomes below the subsistence level in the regions of the Russia in 2020

⁵Граница бедности и «нормального» уровня жизни в восприятии россиян // Левада-Центр. URL: <https://www.lewada.ru/2019/09/30/granitsa-bednosti-i-normalnogo-urovnya-zhizni-v-voSPIriyatii-rossiyan/> (дата обращения: 21.05.2021).

⁶Источник: Составлено авторами на основе данных ЕМИСС (<https://fedstat.ru/>).

сомнение результативность семейной политики. Среди направлений депривации у многодетных семей отмечают: имущественное положение (37 %), питание (40 %), финансовое положение (50 %), здоровье (51 %), социальная интеграция (36 %), жилищные условия (32 %), образование и развитие детей (49 %). Исследователи приходят к выводу, что при прочих равных условиях риск депривационной бедности у многодетных семей выше в 1,7 раза, чем у бездетных или семей с одним ребенком.

Такой существенный удельный вес бедных и связанные с этим риски приводят к обострению не только социально-экономической, но и демографической ситуации. Бедное население не имеет положительных стимулов к рождению детей⁷. Данной позиции, несмотря на возникающие нестыковки с ортодоксальным демографическим взглядом на факторы рождаемости [4], придерживается целый ряд ученых [5; 6]. Исследователи приходят к выводу, что бедность накладывает экономический, социальный и демографический эффекты на семейные домохозяйства, сокращая вероятность рождения первого, второго и последующих детей [7]. Однако влияние бедности на рождаемость существенным образом различается как в разрезе стран [8; 9], так и в рамках одного общества [10].

В случае с высоким уровнем рождаемости в обществах с высокой долей бедного населения ключевую роль играет младенческая смертность, которая по меркам современной цивилизации является неприемлемой [11]. То есть из пяти родившихся детей до зрелого возраста доживает не более двух. В развитом обществе, способном решать глобальные проблемы, использовать технологии и достижения науки, подобная ситуация невозможна.

В основе «новой» концепции семейной политики, которая сосредоточена на сохранении российского народа посредством преодоления последствий пандемии COVID-19 и «демографических ям» прошлого, проблема бедности населения отодвинута на второй план. Еще на старте нацпроекта «Демография» А. А. Ткаченко отмечал недостатки российского курса семейной политики [12], в том

числе недостаточный акцент государства на главной причине низкой рождаемости – бедности россиян. Дело в том, что экономические механизмы семейной политики формально призваны обеспечить поддержку семейных домохозяйств. Свидетельством этого является увеличение выплат на детей от 1 до 3 лет, введение материнского капитала на первого ребенка, а также беспрецедентная по своим масштабам ипотечная программа для семей. Однако фактические сведения о реальном положении российских домохозяйств вызывают сомнения в результативности семейной политики с точки зрения данного аспекта.

Таким образом, задачами данного исследования являются оценка влияния мер семейной политики на уровень доходов домохозяйств и научно-обоснованное объяснение влияния выявленных значимых факторов на бедность российских домохозяйств в разрезе доходных групп.

Оценка влияния экономических механизмов семейной политики в России на доходы населения

Оценка результативности семейной политики, согласно мнению ведущих российских ученых, сама по себе является фундаментальной проблемой [13]. Сложность проведения такой оценки обусловлена различными единицами измерения параметров результатов от осуществления семейной политики и стоимостной оценкой государственных расходов. Именно по этой причине термин «эффективность» не используется по отношению к регулированию демографических процессов, уступая место «результативности». Однако, несмотря на дискуссионность такого утверждения, оценка последнего является зачастую более сложной задачей. Дело в том, что на фоне значительной дифференциации территории в социально-экономическом и демографическом плане, а также поливариативности мер семейной политики во временном и пространственных разрезах измерение результативности является крайне неблагоприятным занятием. Во-первых, существующие методы анализа для осуществления максимально точной и полной оценки, предъявляют невыполнимые

⁷Николай Сванидзе. Особое мнение. // ЭХО Москвы. 16 октября 2020. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2725888echo/> (дата обращения: 12.02.2021).

с точки зрения состояния современной российской статистики требования к данным. Во-вторых, даже в случае проведения максимально корректной статистической оценки результативности семейной политики полностью приложить полученные выводы для решения проблем отдельно взятых территорий является затруднительным. Поэтому объектами анализа зачастую выступает Российская Федерация в целом либо ее отдельные регионы.

Таким образом, поиск «новых» методов и инструментов оценки результативности семейной политики в современных реалиях является темой дополнительного исследования, которое планируется реализовать в дальнейшем. Однако уже сейчас, основываясь на практическом опыте, можно заключить, что для

анализа больших объемов неструктурированной информации, связанной с семейной политикой в России, могут подойти технологии машинного обучения.

Для проведения последующего анализа будут использованы параметры бюджетных расходов на осуществление семейной политики в регионах России, которые потенциально могут оказывать влияние на величину среднедушевого дохода населения на конкретной территории. Кроме того, в выборке также будет учтен коэффициент брачности.

В данном исследовании мы предлагаем использовать большие данные, собранные и обработанные на основе информации ЕМИСС и Федерального казначейства (табл. 1).

Таблица 1 – Описание параметров оценки результативности семейной политики в России

Table 1 – Description of the parameters for assessing the effectiveness of family policy in Russia

Параметр	Описание
1	2
<i>Пространственные и временные параметры</i>	
Регион	Наименование субъекта РФ
Месяц	Месяц, на который ведется статистический учет
Год	Год, за который ведется учет статистических данных
<i>Эффекты от реализации семейной политики</i>	
Рождения	Число родившихся живыми по дате регистрации в органах ЗАГС за отчетный период. (Практическое инструктивно-методическое пособие по демографической статистике. Утверждено 07.12.2007г. Росстат)
Коэффициент брачности	Общий коэффициент брачности. Рассчитывается как отношение зарегистрированных браков за период, для которого вычисляется показатель к средней численности населения за соответствующий период и умножается на коэффициент приведения результатов расчета к годовому выражению. (Практическое инструктивно-методическое пособие по демографической статистике. Утверждено 07.12.2007г. Росстат)
Миграционный прирост	Расчетный показатель-арифметическая разница между числом прибывших и числом выбывших за отчетный год в пределах России и за рубежом
Среднедушевой доход	Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц) исчисляются делением годового объема денежных доходов на среднегодовую численность населения и на 12.
<i>Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ и территориальных государственных внебюджетных фондов (млн. рублей) на реализацию семейной политики</i>	
Семья и детство	По подразделу 1004 «Охрана семьи и детства» классификации расходов бюджетов подлежат отражению расходы, в том числе расходы на: социальную поддержку детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя; предоставление мер социальной поддержки гражданам в связи с рождением и воспитанием детей (включая пособия по опеке и попечительству; выплату единовременного денежного поощрения при награждении орденом «Родительская слава»; выплату компенсации части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования); перевозку несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей, детских домов, школ-интернатов, специальных учебно-воспитательных учреждений; предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа по договорам найма специализированных жилых помещений
Здравоохранение	Раздел 0900 «Здравоохранение» классификации расходов бюджетов включает расходы на финансирование здравоохранения. При этом подразделы 0906 и 0908 были исключены из анализа

Продолжение таблицы 1

1	2
Пенсионное обеспечение	По подразделу 1001 «Пенсионное обеспечение» классификации расходов бюджетов подлежат отражению расходы, предусмотренные законодательством Российской Федерации и связанные с выплатой денежных пособий, таких как все виды пенсий, различным категориям лиц, выплаты нетрудоспособным членам семьи, дополнительное материальное обеспечение ветеранов ядерно-оружейного комплекса, другие выплаты, установленные законодательством Российской Федерации о пенсиях по государственному пенсионному обеспечению
Социальное обеспечение	По подразделу 1003 «Социальное обеспечение населения» классификации расходов бюджетов подлежат отражению расходы бюджетов, связанные с обеспечением мер социальной поддержки граждан, включая все виды пособий и страховых выплат, а также осуществление ежемесячных денежных выплат отдельным категориям граждан, осуществляемых Фондом социального страхования Российской Федерации и Пенсионным фондом Российской Федерации, а также расходы на предоставление социальных выплат гражданам на приобретение (строительство) жилья, обеспечение инвалидов техническими средствами реабилитации, включая изготовление и ремонт протезно-ортопедических изделий, обеспечение путевками в установленных законодательством Российской Федерации случаях (за исключением расходов на обеспечение путевками судей, пребывающих в отставке), осуществление накопительных взносов на именные накопительные счета военнослужащих - участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, расходы на уплату страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения, расходы на реализацию мер социальной поддержки по обеспечению равной доступности услуг общественного транспорта для отдельных категорий граждан Российской Федерации, в том числе возмещение выпадающих доходов транспортных организаций, осуществляющих перевозки граждан льготных категорий транспортом общего пользования, другие аналогичные расходы.
Социальное обслуживание	По подразделу 1002 «Социальное обслуживание населения» классификации расходов бюджетов подлежат отражению расходы, связанные с организацией социального обслуживания населения, обеспечением деятельности учреждений и организаций социального обслуживания
Дошкольное образование	По подразделу 0701 «Дошкольное образование» классификации расходов бюджетов подлежат отражению расходы на оказание услуг (выполнение работ) по реализации основных общеобразовательных программ дошкольного образования и обеспечение деятельности дошкольных образовательных организаций.
Оздоровление детей	Подраздел 0707 «Молодежная политика» классификации расходов бюджетов подлежат отражению расходы на оказание услуг (выполнение работ) по организации отдыха детей и молодежи, мероприятий в области молодежной политики, а также расходы организаций, осуществляющих обеспечение деятельности в области молодежной политики, оздоровления и отдыха детей.

В результате получения всей доступной статистической информации в нашем распоряжении оказалась выборочная совокупность из 9 023 наблюдений, состоящая из данных по 86 регионам с 2013 по 2021 гг. с разбивкой по месяцам. Статистические характеристики данных представлены в таблице 2.

При доработке данных пропущенные значения в базе заполнялись нулями. Кроме того, текстовые переменные (регион и месяц) были перекодированы в числовые дамми-переменные. В результате появляется возможность вычленивать из базы целевую переменную – среднедушевые доходы населения. Оставшиеся параметры будут являться факторами и подвергаться последующей оценке.

Оценим полученные факторы с помощью корреляционной матрицы (рис. 2). Мы можем наблюдать сильную корреляционную связь

между пенсионным обеспечением и здравоохранением, а также дошкольным образованием и социальным обеспечением. Для избегания последующих ошибок вследствие мультиколлинеарности, сократим количество переменных, убрав из выборки пенсионное и социальное обеспечение.

Для решения задачи оценки зависимости между среднедушевыми доходами и оставшимися параметрами разделим выборку случайным образом на тренировочную и тестовую в пропорции 80 на 20 %. В тренировочной выборке сформируем 7 218 значений, в тестовой – 1 805. В каждой подвыборке мы имеем множество наблюдений X и множество ответов Y (значений зависимой переменной). Каждое конкретное наблюдение $x \in X$ характеризуется своим описанием по каждому из параметров. Предположим, что существует

Таблица 2 – Статистические характеристики выборки
Table 2 – Statistical characteristics of the sample

	count	mean	std	min	25 %	50 %	75 %	max
Рождения	9023.0	2177.235731	4026.460620	0.0	683.0	1128.0	2306.0	44134.0
Год	9023.0	2016.499834	2.291487	2013.0	2014.5	2016.0	2018.5	2020.0
Коэффициент брачности	9023.0	5.873102	1.832479	0.0	5.0	6.0	7.0	12.0
Среднедушевые доходы	9023.0	26342.287377	15738.978974	0.0	19252.0	24162.0	30911.0	148895.0
Миграционный прирост	9023.0	260.542170	1977.012154	- 5264.0	- 136.0	0.0	24.5	29414.0
Пенсионное обеспечение	9023.0	1310.150504	9402.943422	0.0	23.0	86.0	209.0	155750.0
Семья и детство	9023.0	1407.244265	3374.939106	0.0	150.0	544.0	1390.5	71161.0
Социальное обеспечение	9023.0	8341.273191	22906.631450	0.0	1037.0	3491.0	8100.0	500072.0
Социальное обслуживание	9023.0	1917.297019	6046.787231	0.0	202.0	687.0	1591.0	110421.0
Здравоохранение	9023.0	3601.361853	13593.362178	0.0	257.0	969.0	2540.0	266775.0
Дошкольное образование	9023.0	4791.206694	12057.552100	-1.0	532.0	1861.0	4624.0	230196.0
Оздоровление детей	9023.0	518.571983	1303.328282	0.0	18.0	137.0	438.0	19685.0

Прим.: count – количество непропущенных значений (NaN); среднее значение, std, медиана и дисперсия данных в соответствующей области; прочие значения – минимальное и максимальное значение, а также квантили.

неизвестная функция y , которая для каждого элемента множества Y отображает случайный элемент. В задаче машинного обучения в тренировочной и тестовой подвыборках $x_1, \dots, x_i \in X$, для каждого наблюдения которой $y_i = y(x_i)$ известны значения зависимой переменной. Таким образом, технология машинного обучения такова, что на основе тренировочной подвыборки находится наилучший алгоритм аппроксимации неизвестной функции y с поиском наиболее точных значений на всем множестве, включая тестовую выборку.

При реализации данной технологии во избежание излишних проблем, связанных со стационарностью временных рядов, в имеющихся панельных данных, используем метод «слу-

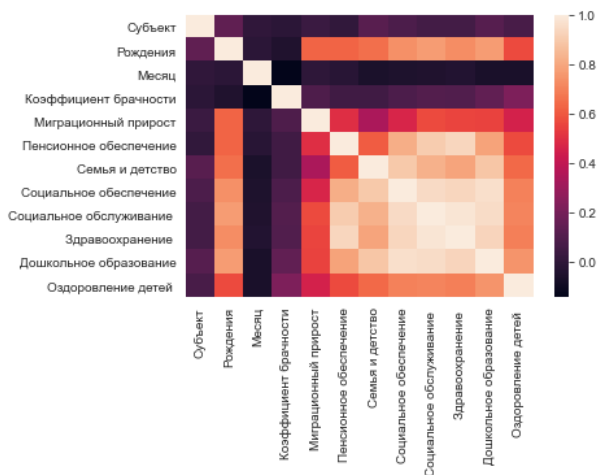

Рисунок 2 – Оценка корреляции между параметрами модели
Figure 2 – Estimating the correlation between model parameters

чайного леса» (англ. *random forest*). Для каждого наблюдения ($n = 1, \dots, N$) выбирается \bar{X}_n с возвратом и строится решающее дерево $b_n(x)$, представляющее собой подборку параметров модели на поиск «кротчайшего» способа предсказания значения зависимой переменной. Случайное дерево строится до тех пор, пока в каждом узле не останется не более объектов n_{min} . При этом сначала выбираются случайные параметры, среди которых проводится разбиение всей выборки по композиции

$$a_N(x) = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N b_n(x). \quad (1)$$

В результате обучения модели «случайного леса» на имеющихся данных получены следующие результаты:

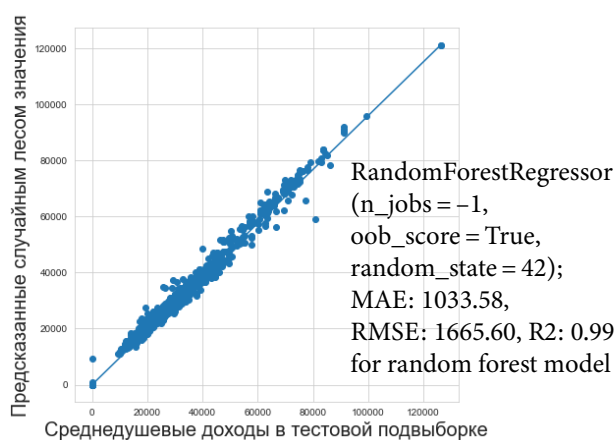

Рисунок 3 – Предсказания среднедушевого дохода на тестовой подвыборке посредством обученной модели «случайного леса»
Figure 3 – Predictions of average per capita income on a test subsample using a trained “random forest” model

Таким образом, в результате обучения были предсказаны 99 % значений тестовой подвыборки, что свидетельствует о достаточно высоком качестве модели. Однако, с точки зрения решаемой прикладной задачи важно не только получить качественную модель, но и вытащить из нее значимые факторы. После получения обученной модели появляется такая возможность. Для этого выделяются наиболее важные параметры, отвечающие за предсказательную силу модели (рис. 4).

Влияние используемых параметров на величину среднедушевых доходов является крайне противоречивым. В теории, исходя из методики расчета среднедушевых доходов, при прочих равных условиях абсолютный показатель рождаемости находится в обратной зависимости со среднедушевыми доходами. Однако, согласно проведенным расчетам, рост рождаемости и величины среднедушевых доходов находятся в прямой зависимости. При этом естественная убыль населения в указанные интервалы времени встречается только в половине случаев, и, согласно результатам моделирования, рождаемость и доходы являются статистически взаимосвязанными величинами в пространственном и временном измерении.

Помимо рождаемости, точность определения величины среднедушевых доходов обеспечивается параметром государственных расходов на социальное обслуживание, которые демонстрируют устойчивый рост в анализируемом периоде. Фактически, данные расходов характеризуют объемы финансирования общественного сектора в части социальных услуг.

Рисунок 4 – Значимые параметры модели
 Figure 4 – Significant model parameters

По данной статье бюджетных расходов к числу конкретных мер семейной политики относятся, в первую очередь, содержание детей-инвалидов, помощь нуждающимся, опеку над оставшимися без попечения детьми. Таким образом, следует заключить, что экономические механизмы семейной политики все же оказывают влияние на величину среднедушевых доходов в регионах РФ, но косвенным образом. Прямая связь между величинами доходов и государственными расходами по статьям «Охрана семьи и детства», «Дошкольное образование» и «Оздоровление детей», прямо предусмотренными национальным проектом «Демография», не выявлена. Это свидетельствует о низком вкладе многодетных семей в вопросы расширенного воспроизводства населения, а также о наличии резервов рождаемости в случае повышения доходов населения.

В данном контексте возникает еще более фундаментальный вопрос о действительной результативности семейной политики в направлении повышения доходов населения с учетом перехода средней российской семьи при рождении третьего и последующего детей в статус многодетной, с высокой вероятностью испытывающей те или иные материальные депривации. Ключевой предпосылкой следующего анализа является наличие дифференцированного влияния различных факторов на склонность к рождению. Анализ данных факторов позволяет актуализировать необходимость дифференцированной политики стимулирования рождаемости и выявлять направления и методы воздействия для различных категорий домохозяйств.

Количественный анализ абсолютной и субъективной бедности российских семейных домохозяйств по состоянию на 2019 год

Данные предположения приняты на основе анализа экономических факторов рождаемости, заложенных Г. Беккером [14] и заключающихся в принятии решений о рождении как действии по максимизации функции полезности, включающей ценность детей, при наличии бюджетного ограничения, накладываемого на доходы (а также на время, физическое здоровье и прочее). Таким образом, экономический подход дает возможности для анализа

факторов рождаемости, и следовательно, прогнозов их влияния. При этом для соблюдения требования полноты, анализ экономических факторов не исключает и прочих, так как они также оказывают влияние на принятие решения о рождении [15].

Благосостояние домохозяйств измеряется преимущественно душевыми доходами, которые используются для определения уровня бедности. На данный показатель ориентируются в большинстве исследований влияния материального положения на экономическую активность, трудовую мобильность, репродуктивное и электоральное поведение. Однако оценка благосостояния домохозяйств на основе показателя доходов является проблемной по ряду причин [16; 17].

В связи с этим, в современных исследованиях все большее внимание уделяется методикам многомерных оценок бедности, основанных не только доходами домохозяйств, но и на других характеристиках, к примеру на их собственном мнении об уровне финансового благополучия [18].

Таким образом, предполагается, что выбор необходимых мер поддержки семейных домохозяйств будет зависеть от корректного отнесения этих домохозяйств к нуждающимся в определенных мерах поддержки и определении, в каких именно направлениях стимулирования. Предлагается характеризовать доходные группы семейных домохозяйств с целью определения групп и факторов риска за счет реализации различных методик оценки бедности. В первую очередь обратимся к определению бедности как доходам ниже прожиточного минимума.

В качестве информационной базы исследования использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), проводимого Высшей школой экономики. Данные РМЭЗ являются открытыми и после простой процедуры регистрации доступны для скачивания⁸. Использование РМЭЗ в качестве информационной базы исследования не теряет своей ак-

туальности на сегодняшний день [19]. В рамках данной задачи были использованы данные репрезентативной выборки по индивидам за 2019 год – волна 28 (нужный файл называется r28i_os_32 и содержит наблюдения за 750 переменными по 12 228 индивидам). Подробное описание переменных представлено во вкладке описания переменных (Codebooks) в подразделе 28-й волны (2019 год)⁹. Из описанной базы данных была осуществлена выборка для целей исследования, в которую вошли женщины репродуктивного возраста (с 16 до 45 лет).

На основе данной информационной базы были построены различные доходные группы (на основе переменной xj13.2 «За последние 12 месяцев какова была Ваша среднемесячная зарплата на этом предприятии после вычета налогов независимо от того, платят Вам ее вовремя или нет?», где особое внимание следует уделить первой – с заработной платой ниже прожиточного минимума по РФ (округлена до 11,6 тыс. руб.). Категории домохозяйств в разрезе доходных групп представлены на рис 5.

Как видно из графика, большая часть выборки сосредоточена в области, где заработная плата составляет от 11,6 до 25 тыс. руб. При этом видно, что доля получающих как меньше прожиточного минимума, так и менее 25 тыс. руб. выше у семей, состоящих в зарегистрированном браке, чем в неофициальном. Тогда как наивысшая доля домохозяйств, получающих менее прожиточного минимума, приходится именно на семьи в зарегистрированном браке.

Посмотрим на аналогичный график для женщин, имеющих одного ребенка (рис. 6). Видно, что наибольшая доля тех, кто получает меньше прожиточного минимума, наблюдается у женщин, никогда не состоявших в браке. Здесь также наблюдаются более существенные различия в доходах семей с одним ребенком, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке. Большая часть состоящих в зарегистрированном браке получает до 25 тыс. руб., тогда как для состоящих в незарегистрированном браке доля получаю-

⁸Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/flms/spss> (дата обращения: 20.07.2020).

⁹Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2020/08/30/1579134306/R28_ind_codebook.pdf (дата обращения: 20.07.2020).

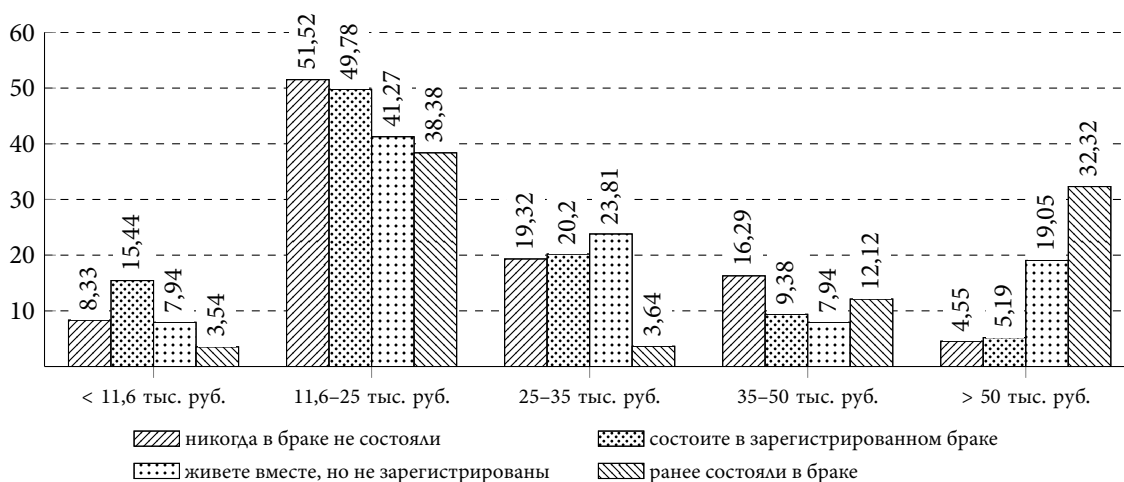

Рисунок 5 – Категории домохозяйств в разрезе доходных групп¹⁰
 Figure 5 – Household categories by income groups

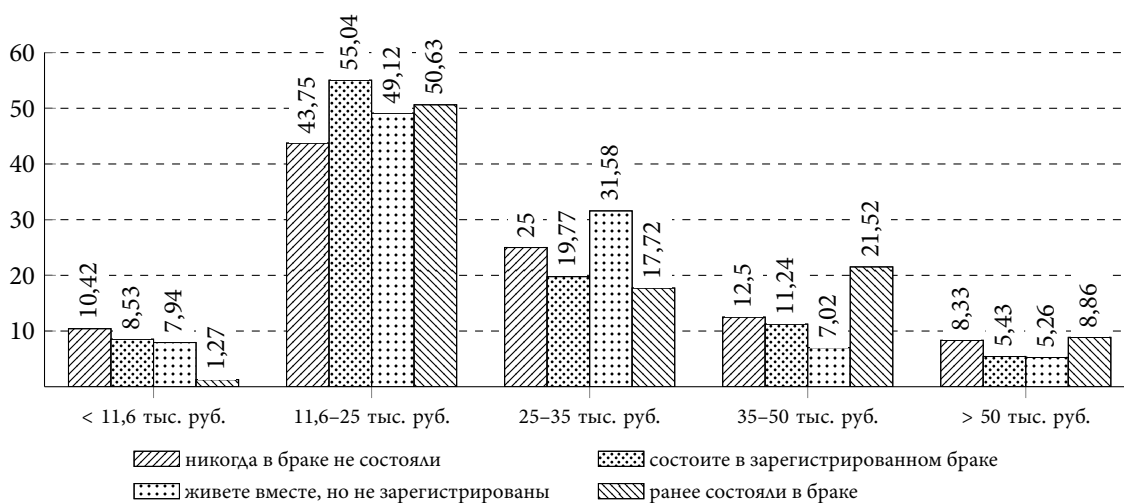

Рисунок 6 – Категории домохозяйств с одним ребенком в разрезе доходных групп
 Figure 6 – Categories of households with one child by income groups

щих 25-35 тыс. руб. также высока, однако их объем резко сокращается в более высокодоходном сегменте. Для подвыборки с двумя и более детьми картина практически сохраняется, но с увеличением доли для имеющих доход ниже прожиточного минимума и тех, кто состоит в незарегистрированном браке, с 7% до 15%. Визуальная несущественность отличий вызвана тем, что в некоторых группах остается слишком малое количество наблюдений (или не остается вообще), особенно никогда не состоявших в браке. Среди этой подгруппы очень малое количество женщин имеет двух и более детей, средний возраст по данной подгруппе составляет 25 полных лет (ср.: для состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке это 35 и 32 года соответственно).

Таким образом, можно сделать вывод, что брак действительно заключается преимущественно с целью деторождения, в то время как состоящие в зарегистрированном браке имеют наибольшую долю, по сравнению с другими группами бедных, по показателю дохода ниже прожиточного минимума. Данные выводы подтверждаются множеством исследований, проведенных на основе других информационных источников [20; 21].

Однако здесь, как отмечается в приведенных ранее исследованиях, имеется и статистическая погрешность, неопределенным остается вопрос о том, относят ли к бедным домохозяйства сами себя. Данный показатель определяется как субъективная бедность, и для ее измерения была взята переменная хj62 – «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на

¹⁰В категорию ранее состоявших в браке вошли вдовы и расторгнувшие брак.

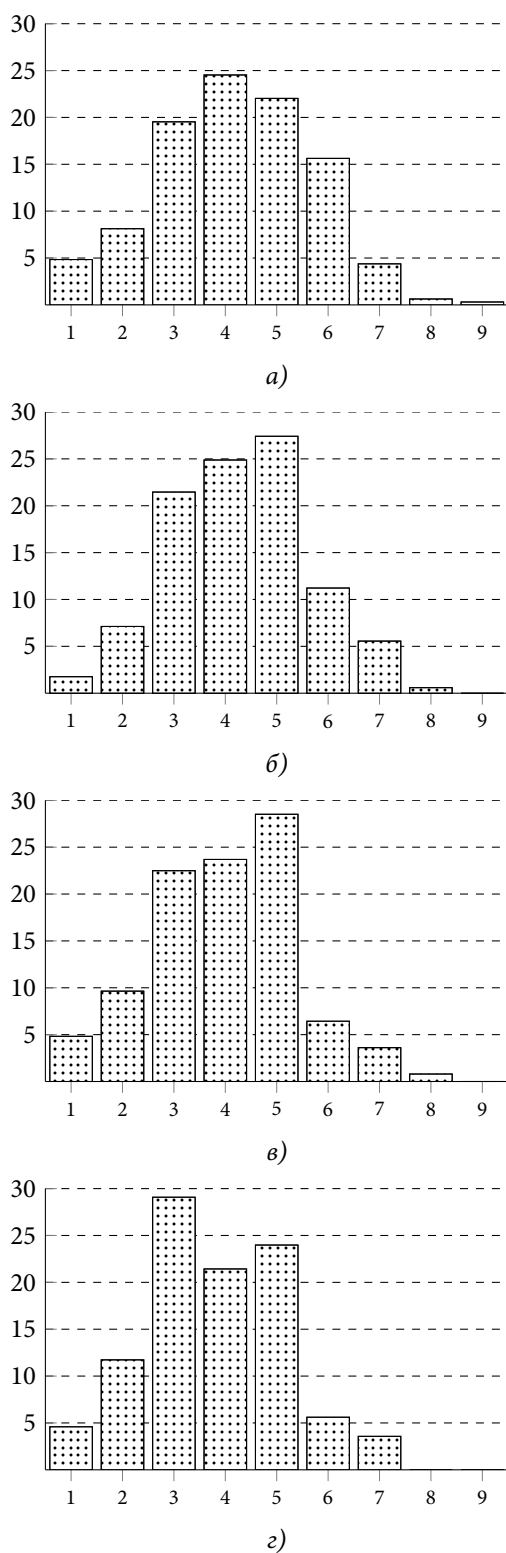

Рисунок 7 – Распределение ответов на вопрос «На какой из девяти (1 – нищие, 9 – богатые) ступеней Вы находитесь?» по категориям домохозяйств: а) никогда в браке не состояли; б) состоите в зарегистрированном браке; в) живете вместе, но не зарегистрированы; г) ранее состояли в браке.
Figure 7 – Distribution of answers to the question “Which of the nine (1 – destitute, 9 – rich) steps are you on?” by categories of households: а) never married; б) in a registered marriage; в) live together, but not registered; г) previously married.

нижней, первой, ступени стоят нищие, а на высшей, девятой - богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?». Распределение ответов по различным категориям домохозяйств представлены на рисунке 7.

По высшим ступеням приведены агрегированные данные, но интересно отметить, что никто из семей, состоящих в зарегистрированном или незарегистрированном браке, не отнес себя к девятой – наивысшей ступени. В то время как состоящие в разводе или вдовы – даже к восьмой.

Также примечательно то, что распределения ответов для семей, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке, практически идентично, а наибольшая доля ответов в них приходится на 5 ступень, тогда как для других категорий это 4 и 3 ступень. Кроме того, среди состоящих в зарегистрированном браке к 1 ступени (наиболее бедные) себя отнесли только 1,8 %, тогда как в других категориях около 5 % относят себя к наиболее нуждающимся.

При этом наличие детей мало меняет распределение у состоящих в зарегистрированном браке, тогда как категория незарегистрированных и не состоявших оказались наиболее чувствительными (рис. 8).

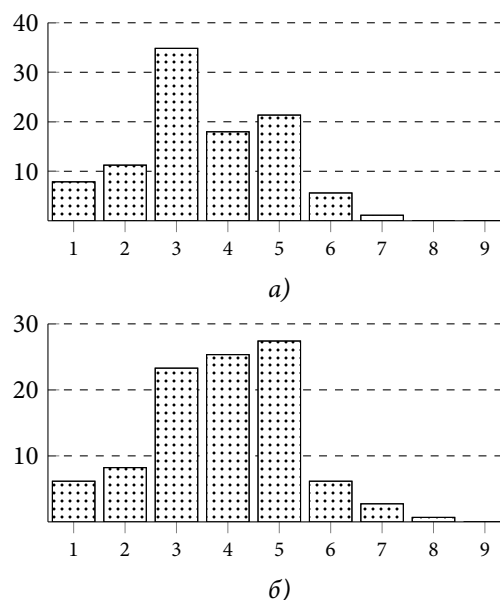

Рисунок 8 – Наиболее чувствительные к увеличению доли нищих при рождении ребенка категории домохозяйств: а) никогда в браке не состояли; б) живете вместе, но не зарегистрированы.
Figure 8 – The most sensitive household categories to an increase in the proportion of beggars at childbirth: а) never married; б) live together, but not registered.

Здесь доля относящих себя к наивысшей степени бедности возросла с 4,8 % для не состоявших в браке до 7,9 %, а для состоящих в незарегистрированном браке – до 6,2 %. Тогда как для не состоявших в браке также существенно сократилась доля тех, кто относит себя к ступени выше 3-й, которая приобрела наибольший вес (возросла с 19,5 % до 34,8 %).

В результате можно отметить, что несмотря на наибольшую долю бедных по показателю дохода ниже прожиточного минимума в сравнении с другими домохозяйствами, состоящие в зарегистрированном браке реже всего сами относят себя к бедным. Несмотря на разницу в применяемых методиках, данный вывод соотносится с результатами, полученными Я. М. Рощиной и А. Г. Черкасовой в 2009 году [22], а также в более поздних работах коллектива НИУ ВШЭ [23; 24].

Таким образом, в результате проведенного исследования следует заключение о достаточно высоком предполагаемом уровне абсолютной бедности среди российских семей по отношению к прочим домохозяйствам. При этом люди с низкими доходами заключают брак с целью деторождения даже в том случае, когда это может ухудшить их материальное благосостояние. Согласно результатам проведенного анализа следует, что люди в зарегистрированном браке реже относят себя к нищим и по субъективному критерию бедными не считаются.

Однако из данных выводов не следует, что беккериянские мотивы брачного и репродуктивного поведения не являются определяющими для поведения российских домохозяйств. Наоборот, результаты подтверждают основную причину низкого уровня рождаемости в России – невысокий уровень доходов россиян, при котором далеко не многие готовы регистрировать брак и заводить детей вопреки своему благосостоянию. В этом смысле параметр субъективной бедности и его связь с отношением фактического дохода к прожиточному минимуму формируют социальный фон российской семейной политики и декларируемый «ценностный кризис».

Рекомендации по увеличению доходов населения посредством семейной политики

Исходя из вышесказанного, закономерна идея А. А. Ткаченко о разделении семейной политики на два компонента: поддержка рождаемости и экономическая поддержка семьи. Первый вектор семейной политики должен быть направлен на создание положительных экономических стимулов для тех слоев населения, которые не готовы признать семейное счастье выше своего личного благосостояния. Другой вектор семейной политики следует ориентировать на другие слои населения, для которых традиционная семья является первичной. Многовекторность семейной политики также может способствовать ее адаптивности во временных и пространственных срезах. Однако учет базовых предпосылок о взаимовлиянии факторов может стать основой раскрытия резервов демографической структуры, обеспечив достижение целевых индикаторов нацпроекта «Демография» по СКР.

Условно экономические механизмы семейной политики направлены на два типа разделяемых стратегий: рождение детей вопреки экономическим трудностям (традиционная семья); рождение ребенка до получения дохода, достаточного для обеспечения не только желаемого уровня жизни для себя, но и для ребенка (беккериянская семья). Данная вариативность представлена на рисунке 9.

Очевидно, что при заданных платежах рациональный субъект выберет стратегию беккериянской семьи, так как в этом случае он получит максимально возможный платеж (доход) при выборе центром (регулятором) любой из имеющихся в его распоряжении стратегий. В свою очередь центр не имеет строго

		Центр (регулятор)	
		Фокус на доходы и бедность	Фокус на рождаемость
Субъект (семья)	Беккериянская	2;1	1;0
	Традиционная	1;1	0;2

Рисунок 9 – Платежи центра и регулятора при выборе стратегий в реализации экономических механизмов семейной политики¹¹

Figure 9 – Payments of the center and the regulator when choosing strategies in the implementation of economic mechanisms of family policy

¹¹Платежи сторон задаются для субъекта уровнем условного дохода; для центра – условной рождаемости.

или слабо доминирующих стратегий: в ответ на «беккериянскую» семью государству выгодно направлять экономические механизмы семейной политики на увеличение доходов и снижение бедности по всем типам домохозяйств; в случае преобладания традиционных семей – акцентировать внимание на ценностях и рождении детей. В таких условиях для решения вопроса о выборе направлений существует только вариант равновесия Нэша в профиле [беккериянская семья; фокус центра на рост доходов].

Однако, начиная с 2012–2014 гг., равновесие, в котором государство не получает максимально возможный платеж, не является допустимым состоянием для любого направления государственной социальной политики в России. В результате постепенный спад рождаемости стал закономерным следствием односторонности экономических механизмов семейной политики, не учитывающих региональные различия в брачных и репродуктивных стратегиях населения, которое значительно рационализировалось благодаря периодическим экономическим кризисам в начале XXI века.

Таким образом, для повышения результативности семейной политики, как в направ-

лении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности, так и роста рождаемости, необходима трансформация экономических механизмов из централизованного инструмента в гибкие региональные программы устойчивого демографического развития. Утверждение субъектов РФ, как полноправных центров семейной политики, может способствовать реализации условий позитивной теоремы Э. Маскина, согласно которой наличие трех сторон и отсутствие права вето дает возможность достичь любое социальное правило [25]. Не является исключением достижение между населением и властью локального институционального соглашения о архитектуре и направлениях семейной политики, центром в котором будет являться регион, а посредником и гарантом – федеральная власть.

В дальнейшем, посредством развития направления применения технологий машинного обучения в русле доказательной политики, планируется разработка методологического инструментария оценки результативности семейной политики на уровне регионов, позволяющего в текущем режиме определять вклад государственных расходов в достижение целей национального проекта «Демография».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. (2019). Институциональные арены брачных игр // *Journal of institutional studies*. № 4 (11). С. 26–39.
- Бурдяк А.Я., Попова Д.О. (2007). Причины бедности семей с детьми (по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области) // *SPERO Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*. № 6. С. 31–56.
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Карцева М.А., Кузнецова П.О. (2019). Бедность в детстве и в старости: не только дефицит. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 134 с.
- Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Коротаяев А.В., Шульгин С.Г. (2017). Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // *Социологические исследования*. № 3. С. 43–50.
- Елизаров В.В., Сеница А.А. (2018). Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности // *Уровень жизни населения регионов России*. № 2 (208). С. 24–33.
- Ниворожкина Л.И., Абазиева К.Г. (2008). Динамика рождаемости и уровень бедности: есть ли связь? // *Terra Economicus*. № 2 (6). С. 35–45.
- Eastwood R., Lipton M. (1999). The impact of changes in human fertility on poverty, *The Journal of Development Studies*, no. 1 (36), p. 130.
- Birdsall N.M., Griffin C.C. (1988). Fertility and poverty in developing countries, *Journal of Policy Modelling*, no. 1 (10), pp. 29–55.
- Ткаченко А.А. (2017). Бедность населения и неравенство стран: проблемы развития государств СНГ и ЕАЭС // *Экономика. Налоги. Право*. № 4. С. 14–23.
- Шадрин А. (2017). Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. *Новое Литературное Обозрение*. 392 с.
- Boachie M.K., Põlajeva T., Frimpong A.O.

(2020). Infant Mortality in Low-and Middle-income Countries: Does Government Health Spending Matter? *Journal of Development Policy and Practice*, no. 1 (5), pp. 54–73.

12. Ткаченко А.А. (2018). Государственная политика и национальный проект «Демография» // *Народонаселение*. № 4 (21). С. 23–35.

13. Рыбаковский Л.Л., Хасаев Г.Р., Кожевникова Н.И. (2018). Применение понятий «результативность» и «эффективность» в сфере демографии // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. № 6. С. 38–48.

14. Becker G.S. (1981). *A Treatise on the Family*. Cambridge. Harvard: University Press. 304 p.

15. King M. (2020). *Deciding a Child's Fate: Women and Birth. Between Birth and Death*. Stanford University Press. Pp. 15–45.

16. Пишняк А.И., Попова Д.О. (2011). Бедность и благосостояние российских семей с детьми на разных этапах экономического цикла // *SPERO*. № 14.

17. Суворов А.В. (2001). *Доходы и потребление населения: макроэкономический анализ и прогнозирование*. М.: МАКС Пресс. 271 с.

18. Bailey N. (2020). Measuring poverty efficiently using adaptive deprivation scales, *Social Indicators Research*, no. 3 (149), pp. 891–910.

19. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. (2020). Хроническая бедность: что влияет на ее

масштабы и остроту? *Вопросы экономики*. № 12. С. 24–40.

20. Трынов А.В., Костина С.Н., Банных Г.А. (2020). Исследование социально-экономической детерминации рождаемости на основе анализа региональных панельных данных // *Экономика региона*. № 3 (16). С. 807–819.

21. Рощина Я.М., Черкасова А.Г. (2009). Дифференциация факторов рождаемости для различных социально-экономических категорий российских женщин // *SPERO*. № 10. С. 159–181.

22. Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. (2020). Нефинансовое богатство российских домохозяйств: количественные оценки в динамике // *Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении*. С. 70–73.

23. Карабчук Т.С., Миронова А.А., Ремезкова В.П. (2015). Работа или второй ребенок: о чем говорят данные РМЭЗ-ВШЭ? // *Вопросы экономики*. № 6. С. 81–105.

24. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. (2017). Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. № 1 (27). С. 145–184.

25. Myerson R. (1981). Optimal auction design, *Mathematics of Operations Research*, no. 1 (6), pp. 58–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Капогузов Евгений Алексеевич – доктор экономических наук, доцент; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, Россия, Омск, пр-кт Мира, 55а); egenk@mail.ru.

Чупин Роман Игоревич – кандидат социологических наук; Институт экономики и организации промышленного производства, Сибирское отделение Российской академии наук (630090, Россия, Новосибирск, пр-кт Академика Лаврентьева, 17); roman-chupin@ya.ru.

Харламова Мария Сергеевна – Омский научный центр, Сибирское отделение Российской академии наук (644024, Россия, Омск, пр-кт Карла Маркса, 15); hms2020@mail.ru.

ASSESSMENT OF FAMILY POLICY ACHIEVEMENTS IN INCOME INCREASE AND POVERTY DECREASE IN RUSSIA

E.A. Kapoguzov^{12a}, R.I. Chupin^{13b}, M.S. Kharlamova^{14b}

^aDostoevsky Omsk State University

^bSiberian Branch of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

The study is aimed at description of income groups of family households in Russia in order to determine groups and risk factors, including the risk of deprivation poverty. The basic premise of the study is the presence of the influence of various factors (including economic ones) on reproductive and marital behavior in various households. The study of these factors will make it possible to update the family policy aimed at fighting poverty and institutional strengthening of traditional family values for various categories of households. In particular, the article discusses the dilemma of the state family policy, which consists in the growth of the birth rate, on the one hand, and in the need to combat poverty, on the other.

On the basis of the information from EMISS and the Federal Treasury, the parameters of the effectiveness of family policy in Russia were identified and evaluated. Then, based on the materials of the Russian monitoring of the economic situation and health of the population in 2019, the study singled out categories of households in the context of income groups and also compared them in terms of the ratio of income to the minimum subsistence level (absolute poverty) and their perception of their own level of well-being (subjective poverty).

The scientific novelty of the study lies in determining the influence of poverty factors on the formation of families and childbearing in the structure of Russian households. Besides, the research provides description of economic mechanisms of family policy with an emphasis on fertility and poverty alleviation in the context of the “traditional” and Beckerian families. Recommendations are proposed in the field of family policy that take into account the specifics of Russian regions.

FUNDING: The article is based on the results of research conducted at the expense of the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation on “Family Households as an Economic Entity”.

KEYWORDS: family policy, families, poverty, birth rate, families with many children, household income.

FOR CITATION: Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S. (2021). Assessment of family policy achievements in income increase and poverty decrease in Russia, *Management Issues*, no. 4, pp. 108–122.

REFERENCES

1. Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S. (2019). Institutional arena of marriage games, *Journal of Institutional Studies*, no. 4 (11), pp. 26–39.
2. Burdyak A.Ya., Popova D.O. (2007). The reasons for the poverty of families with children (based on the results of the survey of households of the Leningrad region), *SPERO Social Policy: Examination, Recommendations, Reviews*, no. 6, pp. 31–56.
3. Maleva T.M., Grishina E.E., Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. (2019). Poverty in childhood and in old age: not only deficiency. Moscow, Publishing House “Delo” of RANEP. 134 p.
4. Arkhangelsky V.N., Zinkina Yu.V., Korotaev A.V., Shulgin S.G. (2017). Modern birth trends in Russia and the impact of state support measures, *Sociological studies*, no. 3, pp. 43–50.
5. Elizarov V.V., Sinitisa A.L. (2018). Poverty of families with children: problems of definition and measurement, regional features, *Standard of living*

¹²RSCI AuthorID: 337296, ORCID: 0000-0001-8083-5654

¹³RSCI AuthorID: 652038

¹⁴ORCID: 0000-0003-4144-5893

of the population of Russia regions, no. 2 (208), pp. 24–33.

6. Novorozhkina L.I., Abazieva K.G. (2008). Dynamics of fertility and poverty level: Is there a connection? *Terra Economicus*, no. 2 (6), pp. 35–45.

7. Eastwood R., Lipton M. (1999). The impact of changes in human fertility on poverty, *The Journal of Development Studies*, no. 1 (36), p. 130.

8. Birdsall N.M., Griffin C.C. (1988). Fertility and poverty in developing countries, *Journal of Policy Modelling*, no. 1 (10), pp. 29–55.

9. Tkachenko A.A. (2017). Poverty of the population and inequality of countries: problems of the development of the states of the CIS and EAEU, *Economics. Taxes. Right*, no. 4, pp. 14–23.

10. Shadrina A. (2017). Dear children: a reduction in fertility and the growth of “prices” of motherhood in the 21st century. *New literary review*. 392 p.

11. Boachie M.K., Pölajeva T., Frimpong A.O. (2020). Infant Mortality in Low-and Middle-income Countries: Does Government Health Spending Matter? *Journal of Development Policy and Practice*, no. 1 (5), pp. 54–73.

12. Tkachenko A.A. (2018). State policy and national project “Demography”, *Population*, no. 4 (21), pp. 23–35.

13. Rybakovsky L.L., Khasaev G.R., Kozhevnikova N.I. (2018). The use of concepts “performance” and “efficiency” in the sphere of demography, *Bulletin of the Samara State Economic University*, no. 6, pp. 38–48.

14. Becker G.S. (1981). *A Treatise on the Family*. Cambridge. Harvard: University Press. 304 p.

15. King M. (2020). *Deciding a Child’s Fate: Women and Birth. Between Birth and Death*. Stanford University Press. Pp. 15–45.

16. Pishnyak A.I., Popova D.O. (2011). Poverty

and well-being of Russian families with children at different stages of the economic cycle, *SPERO*, no. 14.

17. Suvorov A.V. (2001). Revenues and population consumption: macroeconomic analysis and forecasting. Moscow, MAKS Press. 271 p.

18. Bailey N. (2020). Measuring poverty efficiently using adaptive deprivation scales, *Social Indicators Research*, no. 3 (149), pp. 891–910.

19. Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Ya. (2020). Chronic poverty: What affects its scale and sharpness? *Economy issues*, no. 12, pp. 24–40.

20. Trynov A.V., Kostina S.N., Bannykh G.A. (2020). The study of the socio-economic determination of the birth rate based on the analysis of regional panel data, *Economy of the region*, no. 3 (16), pp. 807–819.

21. Roschina Ya.M., Cherkasova A.G. (2009). Differentiation of fertility factors for various socio-economic categories of Russian women, *SPERO*, no. 10, pp. 159–181.

22. Bogomolova T.Yu., Cherkashina T.Yu. (2020). Non-financial wealth of Russian households: quantitative assessments in dynamics, *Economic policy of Russia in inter-sectoral and spatial dimension*, pp. 70–73.

23. Karabchuk T.S., Mironova A.A., Remezkova V.P. (2015). Work or second child: What do the RMEZ-HSE indicate? *Questions of the economy*, no. 6, pp. 81–105.

24. Zhuravleva T.L., Gavrilova Ya.A. (2017). Analysis of fertility factors in Russia: What do the RMEZ data of the HSE say? *Economic Journal of the Higher School of Economics*, no. 1 (27), pp. 145–184.

25. Myerson R. (1981). Optimal auction design, *Mathematics of Operations Research*, no. 1 (6), pp. 58–73.

AUTHORS’ INFORMATION:

Evgeniy A. Kapoguzov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Dostoevsky Omsk State University (55a, Mira Av., Omsk, 644077, Russia); egenk@mail.ru.

Roman I. Chupin – Ph.D. of Sociological Sciences; Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia); roman-chupin@ya.ru.

Mariya S. Kharlamova – Omsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Karl Marx St., Omsk, 644024, Russia); hms2020@mail.ru.

САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: МОНИТОРИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Ю.Р. Вишнеvский^{1а}, Л.Д. Забокрицкая^{2а}, А.В. Кульминская^{3а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

В статье представлен фрагмент результатов VIII этапа мониторинга мнений, оценок и ценностных установок студентов вузов Среднего Урала с 2012 по 2020 гг., касающихся здоровья студенческой молодежи. Отмечается актуальность изучения установок и представлений, связанных со здоровым образом жизни студенческой молодежи как одной из наиболее активных и перспективных групп населения. Делается акцент на том, что установки и практики здорового образа жизни формируются под воздействием среды, где основную роль играет государственная политика. Дается теоретический обзор подходов к сущности феномена «здоровый образ жизни». Проводится обоснование изучения самооценок здоровья респондентов. Методологической основой статьи выступает ресурсный подход.

Выборка квотная: в 2020 г. $N = 2\,000$; в 2016 г. $N = 1\,827$; в 2012 г. $N = 1\,802$. Результаты исследования обрабатывались в программе SPSS. Цель исследования заключается в выявлении трендов относительно образа жизни и состояния собственного здоровья у студентов высших учебных заведений Свердловской области с 2012 по 2020 гг.

В ходе исследования нами была осуществлена фиксация самооценок относительно состояния собственного здоровья и образа жизни у студентов высших учебных заведений Свердловской области в 2020 году, проведен анализ динамических изменений данных критериев в 2012, 2016 и 2020 гг., а также произведен расчет средних значений по данным критериям. Было зафиксировано, что здоровье остается основной ценностью в субъективных оценках молодежи, определен уровень вовлеченности молодежи в его пропаганду, самооценку здоровья и собственных привычек. Основным выводом статьи заключается в том, что пандемия коронавирусной инфекции, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2, не привела к кардинальным изменениям ключевых показателей: ценности здоровья, уровню интереса к занятиям физкультурой и спортом как досуговой деятельности, самооценке здоровья и образа жизни. Подчеркивается актуальность результатов подобных мониторинговых исследований для принятия управленческих решений органами исполнительной власти, а также для разработки и реализации региональных целевых программ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самооценка здоровья, здоровый образ жизни, студенческая молодежь, региональные целевые программы, мониторинговое исследование, пандемия, Свердловская область.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вишнеvский Ю.Р., Забокрицкая Л.Д., Кульминская А.В. (2021). Самооценка здоровья студентов Свердловской области: мониторинговое исследование // Вопросы управления. № 4. С. 123–135.

Актуальность исследования

Здоровье является важнейшим человеческим ресурсом. И от того, преумножаем мы его или растрачиваем, зависит качество нашей жизни. В масштабах государства от понимания состояния и тенденций в области здорового образа жизни населения зависит содер-

жание и направления государственных программ и проектов, прежде всего, в области здравоохранения, образования и экономического развития. И особого внимания требует здоровье молодежи как социально-демографической группы, в чьих руках будущее государства и последующих поколений.

¹AuthorID РИНЦ: 501487

²AuthorID РИНЦ: 616582, ORCID: 0000-0002-4653-4409

³AuthorID РИНЦ: 768204, ORCID: 0000-0002-8538-938X

Пандемия коронавирусной инфекции, вызванной вирусом SARS-CoV-2, в 2020 году особенно явно продемонстрировала то, как сильно зависит экономика и другие сферы общественной жизни от поведения населения, связанного с переживаниями относительно своего здоровья, а также от общих изменений в образе жизни населения. «Гуманизация как вектор цивилизационного развития, внимание к человеку, качеству его жизни, правам и свободам личности, укрепление ценностей жизни в аксиологическом пространстве общества – все эти процессы обуславливают актуализацию проблемы здоровья, как на уровне государственной политики, так и в жизненных стратегиях людей» [1, с. 307]. Здесь актуализируются два направления исследований. Первое – изучение установок и представлений, связанных со здоровым образом жизни у различных групп населения. Второе – реальные практики, связанные с его поддержанием. Сами по себе установки и практики здорового образа жизни формируются под воздействием среды, где основную роль играет государственная политика.

На уровне государственной политики ведется поступательная работа по формированию здорового образа жизни различных социальных групп населения. Так, в целях формирования здорового образа жизни населения Российской Федерации в 2020 году была принята «Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года»⁴. В отношении молодежи одной из важнейших задач молодежной политики определено: «формирование ценностей здорового образа жизни, создание условий для физического развития молодежи...»⁵. Но для того чтобы рамочные нормативно-правовые акты превращались в конкретные проекты и программы по развитию, важно понимать то, как отдельные группы населения относятся к своему здоровью, а также, какие проблемы и тенденции имеют здесь место.

Одной из важнейших социальных групп являются студенты высших учебных заведений. Е. П. Демкина [2] отмечает, что актуальность исследований здорового образа жизни молодежи вызвана критическим состоянием физического и духовного развития поколения, и причина тут может быть связана с распространением у молодежи моделей поведения, характеризующихся высокой долей поведенческих факторов риска, например, таких как наркомания, курение, алкоголь и др. Все эти факты вызывают большую тревогу относительно здоровья молодого поколения. «Еще до поступления в учреждения профессионального образования здоровье молодых людей ослаблено под воздействием различных неблагоприятных факторов, а у 60–70 % имеются хронические заболевания» [3, с. 9].

Вместе с тем, в исследованиях Э. Р. Зарединовой, О. А. Бандурка и Г. А. Литвинова доказана «ведущая роль здорового образа жизни в профессиональном становлении студентов» [4, с. 89]. Действительно для успешного обучения и дальнейшего профессионального становления здоровье становится весьма значимым ресурсом. Ж. В. Жираткова, Т. Э. Петрова и А. В. Леонтьева отмечают, что «о социальной значимости данной проблемы свидетельствует и тот факт, что падение показателей здоровья студенческой молодежи отрицательно отражается на состоянии здоровья в последующие периоды их жизни» [5, с. 766]. А все это приводит к тому, что здоровье каждого последующего поколения будет только ухудшаться. «Вместе с тем, период обучения сопровождается малоподвижным образом жизни, повышенным уровнем учебной нагрузки, наличием стрессов. Если студенты не будут обращать на данные факты внимания, и противостоять им, то произойдут нарушения в работе систем организма, его функциональном состоянии» [6, с. 167]. Все вышеуказанное свидетельствует об актуальности изучения различных аспектов здорового образа жизни студенческой молодежи.

⁴Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года : Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15.01.2020 № 8. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73421912/> (дата обращения: 07.07.2021).

⁵Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/ (дата обращения: 07.07.2021).

Подходы к сущности феномена «здоровый образ жизни»

Изучение здорового образа жизни регулярно становится предметом изучения социологов. Как следствие, сформировались различные подходы к пониманию сущности данного феномена.

Представители *институционального подхода*, в частности М. А. Никулина [7], под здоровым образом жизни понимают концепцию социальной политики, которая должна быть основана на признании здоровья как важнейшей стороны жизни граждан. В соответствии с этим, ответственным за сохранение здоровья граждан является государство, сам индивид, социальные группы и общество в целом. Представители данного подхода выступают за необходимость принятия мер, направленных на создание безопасной и благоприятной среды обитания граждан. Рассматривается влияние различных институтов общества на здоровый образ жизни студенчества, будь то государство или учебное заведение. Кроме того, в рамках институционального подхода рассматривается нормативно-правовое поле, в целом, и образовательная политика, в частности, как важнейшие институциональные условия развития здорового образа жизни студентов в высшей школе.

В. А. Бароненко и Л. А. Рапопорт с позиции *антропоцентрического подхода* определяют «Здоровый образ жизни как форму и способ жизнедеятельности, укрепляющие и совершенствующие «адаптационные (приспособительные) и резервные возможности организма». Кроме того, с позиций уже социоцентрического подхода, данные авторы определяют «здоровый образ жизни как условие успешного обеспечения выполнения социальных и профессиональных функций» [8, с. 68].

Согласно *системному подходу* «здоровый образ жизни отображает обобщенную типичную систему видов и форм жизненной активности личности, для которой должны быть характерны гармоничное единство и целесообразность процессов самоорганизации и саморазвития, саморегуляции и самодисциплины, ориентированных на формирование адаптивных способностей организма, на полноценную успешную реализацию своих сущност-

ных устремлений и потребностей, полезных задатков и талантов как в общем социокультурном, так и в узкопрофессиональном развитии» [9, с. 47].

Основными факторами здорового образа жизни являются: «эволюционная и генетическая сущность человека; отношение к себе как личности; фактор личной гигиены; определение положительных стереотипов в жизни; адекватная самооценка для формирования эмоций, основанных на результатах собственной деятельности; выбор деятельности, интересов, профессии соответствующих способностям, наклонностям; отношение к семье, коллективу, обществу» [10, с. 159].

Наиболее распространённым в научной литературе подход к феномену здорового образа жизни можно назвать *деятельностный подход*. Представители деятельностного подхода считают, что здоровый образ жизни – это комплексное понятие, состоящее из различных компонентов: рациональное чередование режима труда и отдыха, соблюдения правил личной гигиены, рациональное питание, преодоление вредных привычек, психогигиена, оптимальная двигательная активность. Так, Ю. П. Лисицин и Г. И. Царегородцев дают следующее определение: «Здоровый образ жизни – это способ жизнедеятельности, направленный на сохранение и улучшение здоровья людей как условия и предпосылки существования и развития других сторон образа жизни» [11, с. 12; 12, с. 287]. В рамках данного подхода человек выступает главным действующим субъектом поскольку «здоровый образ жизни – это образ жизни человека, направленный на профилактику болезней и укрепление здоровья» [13, с. 647].

В тесной связи с деятельностным находится *аксиологический подход*. Аксиологический подход необходим для изучения ценностных основ формирования здорового образа жизни. Он базируется на использовании триады «ценностное сознание – ценностное отношение – ценностное поведение». Так, Н. И. Белова считает, что «здоровый образ жизни молодежи – это осознанное и целенаправленное поведение молодых людей, которое предусматривает каждодневные социальные практики, направленные на сохранение и укрепление

здоровья, продиктованные ценностными ориентациями, установками, мотивами «здоровья сберегающей деятельности» [14, с. 85]. В рамках данного подхода если у человека сформированы ценности сохранения собственного здоровья и ведения здорового образа жизни, то он будет предпринимать действия в данном направлении. Кроме того, часть авторов подчеркивают, что ведение здорового образа жизни является сегодня определенной модной тенденцией, что провоцирует молодежь, например, создавать контент в социальных сетях о своем следовании здоровому образу жизни [15].

В непосредственной связи с аксиологическим находится *социокультурный подход*. С позиции социокультурного подхода, «здоровый образ жизни является составной частью общечеловеческой культуры, конкретизируемой в актуальном социальном контексте. Основное ее назначение – продуктивная реализация идеи здорового образа жизни в социальной практике, обусловленной многочисленными факторами: от государственной политики (нормативно-правовая, финансово-материальная база и др.) до моды на конкретные виды физкультурной деятельности в локальных социальных группах» [16, с. 187].

В ракурсе аксиологического подхода здоровый образ жизни выступает в виде свода исторически проверенных и отобранных временем и практикой норм и правил жизнедеятельности, направленных на то, чтобы человек:

- плодотворно трудился, эффективно расходовал свои силы, знания и энергию;
- знал и умел применять техники восстановления организма после интенсивной работы;
- развивал свои нравственные убеждения и этические;
- развивал свои физические качества и вел здоровый образ жизни [17].

Теоретико-методологической базой данного исследования выступил *ресурсный подход*. Согласно ресурсному подходу, состояние здоровья является весьма значимым человеческим капиталом, который отчасти наследуется, а от части зависит от образа жизни и иных субъективных и объективных условий. К объективным условиям, например, относится ти-

пичный образ жизни студентов. Ресурсный подход позволяет выявить и раскрыть различные виды противоречий между реальными установками студентов и желаемыми в обществе нормами поведения. В нашем исследовании зафиксировано, что здоровье остается основной ценностью в субъективных оценках молодежи, определен уровень вовлеченности молодежи в его пропаганду, самооценка здоровья и собственных привычек. В совокупности эти показатели позволяют сделать вывод о том, насколько изучаемая социально-демографическая группа отзывается на проводимую государственную политику.

Таким образом, в научной литературе имеется достаточно богатая теоретическая база относительно изучаемого феномена. С практической стороны у исследователей возникает вопрос, как лучше изучать какой-либо феномен, чтобы эмпирические результаты исследования максимально соответствовали реальному положению вещей.

Обоснование изучения самооценок здоровья респондентов

Анализ данных результатов эмпирических исследований отечественных социологов показал, что практически всегда в качестве метода исследования используются анкетные опросы. Отличие заключается в формулировке вопросов анкетных листов. Первая часть ученых исследует здоровый образ жизни через выявление у респондентов различных показателей и критериев, которые, так или иначе, характеризуют состояние здоровья населения. Так, например А. А. Пастухова [10], изучая здоровый образ студентов, провела анкетирование, включив в него вопросы относительно занятия студентами различных видов физической активности, соблюдения сбалансированного рационального питания и гигиены, отказа от вредных привычек и т. п. Таким образом, авторы изучают различные стороны здорового образа жизни и на этом основании дают оценку уровню здорового образа жизни целевой группы в общем.

Вторая часть исследователей отмечает, что «при оценке собственного здоровья люди не могут дать достоверную обратную связь, отстранившись от других обстоятельств жизни. Опираясь на результаты исследований, мож-

но сделать вывод, что оценка респондентами своего здоровья близка к объективной: в 70–80 % случаев она соответствует данным медицинских карт» [18, с. 75]. Как подчеркивает С. А. Ефименко, «самооценка здоровья связывается человеком с оценками самых разнообразных своих возможностей и качеств, с осознанием жизненной перспективы и места среди других людей, является своеобразным отражением адаптированности к социально-экономическим условиям, а также несет на себе отпечаток устоявшихся традиций и культурных ценностей» [19, с. 112].

Как следствие, вторая группа исследователей изучает состояние здорового образа жизни целевой группы через самооценки респондентов. Эту точку зрения разделяет А. В. Решетников [20], отмечая, что самооценки хоть и не являются точным индикатором реального состояния здоровья, но предоставляют исследователям весьма точное представление о существующей ситуации. Таким образом, подход при котором изучение самочувствия населения строится на основе репрезентативных опросов, вполне себя оправдывает. Представленные результаты исследования основываются именно на втором подходе – через самооценки респондентов».

Методы исследования

Представленные в данной работе данные собраны в рамках обширного мониторингового исследования студенчества Свердловской области. Мониторинговое исследование студенчества проводится раз в четыре года и осуществляется уже на протяжении 25 лет [21]. В мониторинговое исследование были включены вопросы относительно здорового образа жизни студенчества только начиная с 2012 года. Таким образом, в представленной публикации отражены тренды с 2012 по 2020 год.

Текущий этап мониторингового исследования проводился в сентябре – декабре 2020 г., по квотной выборке, $N = 2\,000$ (в 2016 г. $N = 1\,827$; в 2012 г. $N = 1\,802$). Квоты определялись по таким параметрам, как пол, профиль обучения респондентов – гуманитарное, инженерное, социально-экономическое и естественнонаучное направление подготовки. Результаты исследования обрабатывались в программе SPSS.

Объектом исследования стали студенты 3 курса высших учебных заведений Свердловской области. Совпадение объемов и структур выборки текущего этапа мониторинга с предыдущими этапами позволяет проводить прямое сравнение в установках студентов за разные года и выявлять тренды в этом направлении. Таким образом, в качестве дисциплинарного (конкретно-научного) в исследовании применяется социологический подход.

Цель исследования заключается в выявлении трендов относительно образа жизни и состояния собственного здоровья у студентов высших учебных заведений Свердловской области с 2012 по 2020 годы. Исследование проводилось нами по ряду параметров, которые отразились в исследовательских задачах и, как следствие, в вопросах анкетного листа. К основным исследовательским задачам относятся: фиксация состояния собственного здоровья и образа жизни студентами высших учебных заведений Свердловской области в 2020 году, анализ динамических изменений данных критериев в 2012, 2016 и 2020 гг., а также расчет средних по данным критериям.

Результаты исследования

Вопрос о ценностях – один из традиционных вопросов мониторинга. Полученные в ходе многолетних исследований результаты позволяют утверждать, что молодежь оценивает здоровье как основной ресурс, который позволяет реализовывать все виды деятельности. В таблице 1 представлена динамика показателей. В те годы, когда здоровье как терминальная ценность уходило на второе место, первое занимала семья, фактор психологического комфорта и, косвенно, сохранения здоровья.

В 2016 году в рамках мониторинга впервые были замерены формы участия в общественно-политической жизни. Участие в социальных акциях, направленных на пропаганду физической культуры, спорта и здорового образа жизни, в 2016 году отметили 12 % ответивших. В 2020 году только 8 % указали этот вид социального участия как одну из своих практик. Мы полагаем, что пока нельзя говорить об отрицательной динамике, связанной с изменением установок молодежи. Скорее мы столкнулись с результатом государственной политики, направленной на сниже-

Таблица 1 – Динамика значимости здоровья как ценностного приоритета студентов Свердловской области, 1999–2020 гг.

Table 1 – Dynamics of the importance of health as a value priority of students in the Sverdlovsk region, 1999–2020

Показатели	Годы						
	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
% ответивш.	21	67	63	61	51	48	52
Ранг	4	1	2	2	1	2	2

Таблица 2 – Динамика интереса к занятиям физкультурой и спортом как виду досуговой деятельности у студентов Свердловской области, 1999–2020 гг.

Table 2 – Dynamics of interest in physical education and sports as a type of leisure activity among students of the Sverdlovsk region, 1999–2020

Годы	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
% отв.	49	32	34	35	33	31	39	35
Прирост		-17	+2	+1	-2	-2	+7	-4

ние рисков, связанных с пандемией коронавирусной инфекции, вызванной вирусом SARS-CoV-2. Многие массовые мероприятия были отменены, часть была проведена в сокращенном варианте. Спортивные организации длительное время не работали или работали с минимальной нагрузкой, что привело к отмене локальных мероприятий. Практики поддержания здорового образа жизни с начала 2020 года носили индивидуальный характер. В целом, интерес к физкультуре и спорту как виду досуговой деятельности остается на одном уровне (динамика представлена в таблице 2, средний показатель за всю историю измерений составляет 36 %).

В целом интерес к здоровому образу жизни в рамках мониторинга нашел отражение в ан-

кете с 2012 года. В силу обширности опросного листа замер шел по двум контрольным показателям. Прежде всего, была замерена самооценка студентов состояния своего здоровья. Динамика этого показателя представлена на рис. 1.

Мы уже упоминали о влиянии пандемии коронавирусной инфекции, вызванной вирусом SARS-CoV-2, на изучаемые показатели. Пандемия актуализировала ценность здоровья человека, а также показала влияние личного и коллективного здоровья на экономические процессы. Но в данном случае мы видим, что самооценка относится к текущему, «усредненному», состоянию здоровья и его оценке и не зависит от факторов внешней среды.

Представленный график очень показательен. Молодежь очень оптимистично оценивает состояние своего здоровья: преобладает явно завышенная самооценка состояния своего здоровья. Это говорит о том, что даже при наличии хронических заболеваний студенты чувствуют в себе достаточно сил для осуществления повседневных практик, не склонны к преувеличению трудностей и занижению своих возможностей. Кроме того, молодежь в целом весьма комфортно переживала период самоизоляции [22, с. 142], что не внесло и существенных изменений в самооценку своего здоровья. Общее количество студентов, оценивающих свое здоровье на «отлично» увеличилось с 2012 г. на 10 % и составило 19 %. Завышенная самооценка состояния здоровья в период пандемии могла привести студентов к пренебрежительному отношению к профилактике антиковидных мер, что зачастую и наблюдалось в студенческой среде.

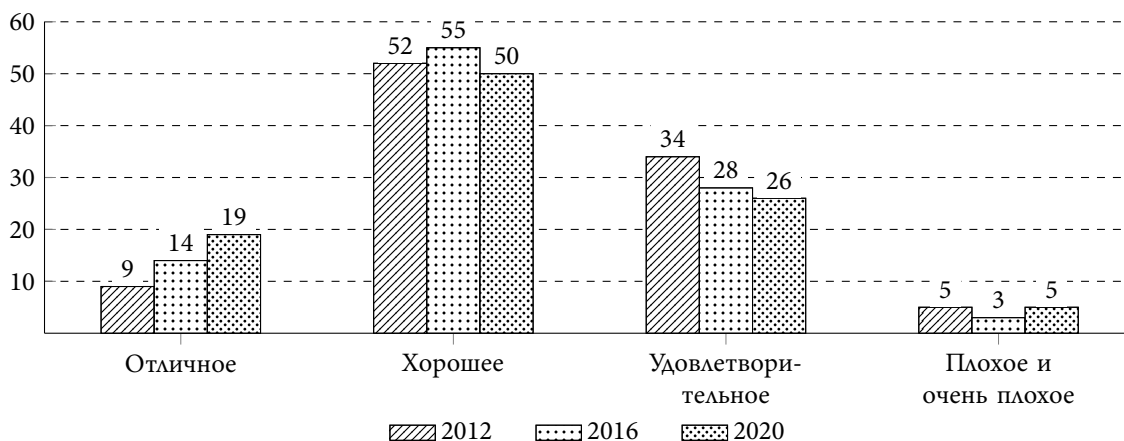

Рисунок 1 – Изменение оценок студентов состояния своего здоровья, 2012–2020 гг., % от группы
Figure 1 – Change in students' assessments of their state of health, 2012–2020, % of the group

С другой стороны, на формирование такой самооценки может влиять введение режима самоизоляции. Несмотря на дискуссии, связанные с качеством и потенциальной полезностью дистанционного обучения, сложно отрицать, что самоизоляция высвободила время студентов на досуг и сон, которое они обычно тратили на дорогу. Повышение самооценки здоровья может быть связано с улучшением самочувствия при нормализации режима труда и отдыха.

Если выразить самооценки по пятибалльной шкале, то уже в 2012 г. общий итог был достаточно высок – 3,64. И юноши (3,69), и девушки (3,60) были сходны в своих самооценках. В 2016 г. оценки стали еще более высокими – 3,80 (почти одинаковыми и у юношей – 3,82 – и у девушек – 3,79, с той только разницей, что у юношей чуть больше крайних оценок, а у девушек они усреднены). В 2020 г. оценки остались близкими по значению к 2016 г. Так, итоговая самооценка состояния здоровья составила 3,82. При этом у юношей она немного подросла и составила 3,95, а у девушек немного снизилась – 3,74. На наш взгляд, такое различие определяется отличиями в образе жизни. Девушкам важно непосредственное взаимодействие, их оценка здоровья связана с общей самооценкой и психологическим комфортом. Мы полагаем, что снижение количества социальных контактов, изменение практик, связанных с beauty-сферой (сферой красоты) и досугом, могло снизить самооценку и, соответственно, оценку собственного здоровья в баллах.

Если рассматривать самооценки респондентов из разных вузов, то в 2012 г. разбег между вузами в оценках был минимален и находился в диапазоне от 3,38 до 3,76. В 2016 г. самооценка повысилась у респондентов практи-

чески всех вузов и стала находиться в диапазоне от 3,6 до 3,93. В 2020 году итоговая самооценка состояния здоровья практически не изменилась, но существенно расширился диапазон в оценках студентов разных вузов: от 3,62 до 4,38. Особенно возросла самооценка среди студентов УрГУПС: с 3,72 в 2016 г. до 4,38 в 2020 г. На данный момент у нас нет гипотезы, которая могла бы объяснить этот факт, возможно, следующий этап мониторинга позволит сделать какие-то выводы.

Для определения образа жизни, который сформировал самооценку здоровья, задавался вопрос «Ведете ли Вы здоровый образ жизни?». Здесь мы видим определенную стабильность: за изучаемый период структура ответов практически не изменилась, а склонность студентов к здоровому образу жизни остается на высоком уровне (рис. 3). Но важно помнить, что это все-таки самооценка, и мы не знаем, что именно они считают здоровым образом жизни, какие практики сопровождают его: частота употребления спиртных напитков, особенности режима дня, частота занятий спортом и его вид и т. д. Так или иначе, можно констатировать, что в определенной мере респонденты преувеличивают и позитивные оценки своего образа жизни как здорового. И данные оценки остаются стабильными с 2012 г. За прошедшие 8 лет мониторинга студенты в своем большинстве неизменно уверены в том, что они ведут здоровый образ жизни.

Далее в рамках мониторингового исследования мы зафиксировали тенденции в самооценке образа жизни как здорового. Для этого мы условно выразили самооценки в баллах. Так, «да» – условная оценка (+ 2 балла); «скорее да» – условная оценка (+ 1 балл); «скорее нет» – условная оценка (– 1 балл); «нет» – условная оценка (– 2 балла).

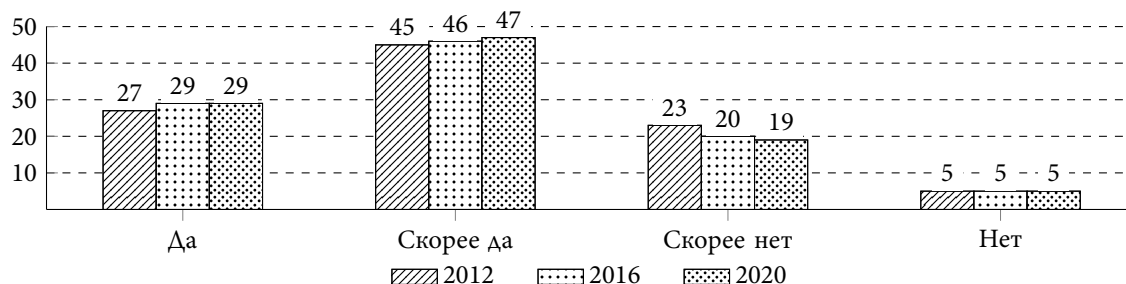

Рисунок 2 – Изменение самооценок студентами своего образа жизни как здорового, 2012–2020 гг., % от группы
Figure 2 – Change in students' self-assessments of their lifestyle as healthy, 2012–2020, % of the group

Результаты проведенного анализа полученных баллов показали, что в 2012 г. среднебалльная оценка была достаточно высокой (0,66). Отклонение от средней самооценки у юношей (0,59) и у девушек (0,70) были не очень значительными. При этом юноши проявляли большую определенность: они несколько чаще давали ответы «да» и «нет», для девушек были более характерными такие ответы, как «скорее, да», «скорее нет». В 2016 г. респонденты дали еще более высокие оценки: средний балл составил 0,74. Повысились оценки и в гендерном разрезе, но разрыв в оценках увеличился: у юношей средний балл составил 0,63, у девушек – 0,83. В 2020 г. средний балл практически не изменился по отношению к 2016 г. и составил 0,78. Разрыв в оценках между юношами и девушками практически сравнялся и составил 0,79 и 0,77 баллов соответственно. Полученные нами изменения самооценок респондентами-студентами разных вузов Свердловской области представлены в таблице 3.

В 2016 г. по сравнению с 2012 г. было заметно, что более высокая оценка своего образа жизни как здорового является общей тенденцией. Лишь в нескольких вузах наблюдалось снижение оценок, но оно было незначительным. В 2020 г. по сравнению с 2016 г. ситуация значительно изменилась. Вузы разделились примерно на две равные группы, и если в первой наблюдался рост оценок своего образа жизни либо ситуация оставалась стабильной, то во второй группе мы можем наблюдать снижение оценок. Особенно резкое снижение в оценках мы можем наблюдать в таких вузах, как РГППУ, УГАТУ, УГМУ, а также УрГПУ. В то же время весьма серьезно возросли оценки в таких вузах, как УрГУПС и УрГАУ. Поиск причин такого резкого изменения оценок своего образа жизни может быть предметом дополнительного исследования. Весьма вероятно, они могут быть связаны с пандемией коронавирусной инфекции и ограничительными мерами. Так, «режим самоизоляции и ограничения, связанные с предотвращением развития новой коронавирусной инфекции, закрытие спортивных залов, когда люди месяцами вынуждены были сидеть дома, существенно снизили физическую активность россиян» [23, с. 4].

Таблица 3 – Самооценка образа жизни как здорового по вузам, 2012–2020 гг. (Ведете ли Вы здоровый образ жизни?), средний балл

Table 3 – Self-assessment of lifestyle as healthy in universities, 2012–2020 (Do you lead a healthy lifestyle?), avg.

Вузы	Годы		
	2012	2016	2020
ГУ	0,50	0,36	0,81
РГППУ	0,71	0,90	0,23
УГГУ	0,77	0,86	0,90
УГАТУ	0,83	1,02	0,52
УГМУ	0,66	0,67	0,37
УИУ РАНХиГС	0,65	0,87	0,68
УрГАУ	0,00	0,45	1,08
УрГАХУ	0,83	0,72	0,72
УрГПУ	0,54	0,81	0,47
УрГУПС	0,80	0,56	1,37
УрГЭУ	0,97	0,77	0,60
УрГЮУ	0,67	0,79	0,88
УрФУ	0,52	0,70	0,75
Всего:	0,66	0,74	0,78

В целом же студенты вузов Свердловской области дают себе весьма высокие оценки относительно своего образа жизни и состояния собственного здоровья на протяжении всех лет мониторинга. Весьма примечательно, что ситуация с мировой пандемией коронавирусной инфекции не внесла серьезных изменений в данные оценки.

Выводы и обсуждения

В ходе анализа результатов мониторинга мнений, оценок и ценностных установок студентов вузов Среднего Урала с 2012 по 2020 г., касающихся здоровья студенческой молодежи нами были получены следующие результаты: во-первых, была осуществлена фиксация самооценок относительно состояния собственного здоровья у студентов высших учебных заведений Свердловской области, которая показала, что молодежь очень оптимистично оценивает состояние своего здоровья; во-вторых, проведенный анализ динамических изменений самооценки состояния здоровья студентами за 2012, 2016 и 2020 гг. также показал неизменно уверенность в том, что они ведут здоровый образ жизни; в-третьих, благодаря произведенному расчету самооценок здоровья студентов в баллах, удалось зафиксировать, что сред-

ний балл самооценки за все года мониторинга был достаточно стабилен: так в 2020 году он составил 0,78 баллов, что является весьма хорошей оценкой.

Вместе с тем, явно завышенная самооценка состояния здоровья в период пандемии могла привести студентов к пренебрежительному отношению к профилактике антиковидных мер, что зачастую и наблюдается в студенческой среде. Результаты других социологических исследований подтверждают, что самые недисциплинированные в плане соблюдения мер, направленных на профилактику распространения коронавирусной инфекции в Свердловской области, являются молодые люди студенческого возраста [24, с. 144].

С другой стороны, проведенный мониторинг позволяет говорить о том, что на протяжении четверти века здоровье остается одной из базовых ценностей студенческой молодежи. В совокупности с семьей здоровье составляет интегрирующее ядро ценностных ориентаций, которое обуславливает достижение жизненного успеха. Такая картина может быть основанием для оптимистичных прогнозов развития общества. При условии адекватных и поступательных шагов в пропаганде ведения здорового образа жизни и его сохранения молодежь будет их позитивно воспринимать и транслировать в свои повседневные практики.

Значительная часть исследователей, изучая самооценки студенческой молодежи относительно здоровья и здорового образа жизни, также отмечает, что сегодня наблюдается «рост популярности идей ЗОЖ, культуры здоровья, активного досуга и спорта, положительная динамика отношения молодежи к здоровьесбережению, устойчивая тенденция отказа от вредных привычек» [25, с. 166]. «В этом плане студенческая молодежь существенно отличается от подавляющего числа социально-демографических групп россиян, где наблюдаются негативные тенденции относительно самовосприятия собственного здоровья» [26, с. 79].

Действительно, студенческая молодежь оценивает здоровье как основной ресурс, который позволяет реализовывать все виды деятельности. Отметим, что применение ресурсного подхода в данном исследовании помогает осмыслить здоровье студентов высших учебных заведений и их отношение к здоровому образу жизни как результат государственной политики и залог развития общества за счет формирования человеческого капитала общества.

Динамика интереса к занятиям физической культурой и спортом говорит о том, что этот вид досуга достаточно устойчив во времени, даже пандемия коронавирусной инфекции и связанные с ней ограничения не привели к резкому падению этого показателя. Данные показывают резкий всплеск интереса к этому виду досуга в 2016 году (+ 7 % ответивших к показателю 2009 года), в 2020 году убыль составила 4 %. Показатель 2020 года близок к среднему показателю за всю историю измерений. Стоит добавить, что показатель вовлеченности студентов в мероприятия, связанные с пропагандой здорового образа жизни, тоже снизился на 4 %, но поскольку в целом вовлеченность в эту деятельность не так высока, то эта убыль более значительна.

Формирование ценности происходит под воздействием внешней среды, а поддержание образа жизни, соответствующего этой ценности, возможно силами отдельных личностей или групп населения. В связи с вышесказанным в качестве рекомендации для региональных органов власти мы можем отметить, что необходимо наращивать усилия по формированию у молодежи ценностей здорового образа жизни, в том числе с помощью отдельных направлений региональных целевых программ, направленных на различные типы поведения молодежи: физическую активность, курение и употребление алкоголя и т. п. «В целом, более целенаправленные политические меры, стимулирующие молодых людей к физической активности, будут иметь долгосрочный эффект» [27, с. 159].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Котенева М.А. (2009). Здоровый образ жизни человека – национальная проблема современного общества // Современная образовательная среда: теория и практика : Материалы VI Международной научно-практической конференции (29 ноября 2019 года). Чебоксары. С. 306–309.
2. Демкина Е.П. (2016). Формирование здорового образа жизни студентов: как не упустить главного? // Высшее образование в России. № 5. С. 50–55.
3. Журавлева И.В. (2012). Здоровье студентов: социологический анализ. М. : Институт социологии РАН. 252 с.
4. Зарединова Э.Р., Бандурка О.А., Литвинов Г.А. (2017). Здоровый образ жизни как компонент культуры умственного труда студентов // Человек-природа-общество: теория и практика безопасности жизнедеятельности, экологии и валеологии. № 3 (10). С. 88–92.
5. Жираткова Ж.В., Петрова Т.Э., Леонтьева А.В. (2018). Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи (социологический анализ) // Регионология. Т. 26. № 4. С. 784–797.
6. Голубева О.А., Алонцев В.В., Алонцева О.А., Сприкут О.В. (2021). Персонализация личности студента с отклонениями в состоянии здоровья в процессе физкультурно-оздоровительной деятельности // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. Т. 14. № 2. С. 166–172.
7. Никулина М.А. (2015). Биоэтика и социология: институциональный диалог. Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет. 368 с.
8. Бароненко В.А., Рапопорт Л.А. (2012). Здоровье и физическая культура студента. 2-е изд. М. : ИНФРА-М. 336 с.
9. Бачериков Н.Е., Воронцов М.П., Добромил Э.И. (1988). Психогигиена умственного труда учащейся молодежи. Киев : Здоровья. 165 с.
10. Пастухова А.А. (2020). Проблемы формирования здорового образа жизни студентов СИ-БГУ им. М. Ф. Решетнева // НАУКА-2020. № 6 (31). С. 158–161.
11. Лисицин Ю.П., Царегородцев Г.И. (1998). Азбука здоровья. М. : Просвещение. 46 с.
12. Самсонова Т.И. (2013). Здоровье и образ жизни студенческой молодежи: ориентации и практики // Научное мнение. № 10. С. 286–294.
13. Быстрыкова Ю.Д., Налимова М.Н. (2019). Формирование здорового образа жизни среди студентов // Скиф. Вопросы студенческой науки. № 11 (39). С. 646–649.
14. Белова Н.И. (2008). Парадоксы здорового образа жизни учащейся молодежи // Социологические исследования. № 4. С. 84–86.
15. Кульпин С.В., Савчук Г.А., Якимова О.А. (2020). Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный анализ тематических блогов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 168–190.
16. Нархов Д.Ю., Вишневецкий Ю.Р. (2018). Здоровый образ жизни в представлениях студентов Свердловской области: по материалам социологического мониторинга 1995–2016 гг. // Здоровье, физическая культура и спорт в высшей школе: опыт, проблемы и перспективы : Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием «Здоровье, физическая культура и спорт в высшей школе: опыт, проблемы и перспективы», посвященной 85-летию Института физической культуры, спорта и молодежной политики (Екатеринбург, 1–5 декабря 2017 г.). Екатеринбург : Издательство Уральского университета. С. 184–194.
17. Бардина М.Ю. (2015). Составляющие здорового образа жизни современного студента // Center for Scientific Cooperation “Interactive plus”. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/220/Action220-91191.pdf> (дата обращения: 06.07.2021).
18. Варламова С.Н., Седова Н.Н. (2010). Здоровый образ жизни – шаг вперед, два назад // Социологические исследования. № 4 (312). С. 75–87.
19. Ефименко С.А. (2007). Потребители медицинских услуг в бюджетных организациях и их самооценка здоровья // Социологические исследования. № 9. С. 110–114.
20. Решетников А.В. (2000). Социальный портрет потребителя медицинских услуг // Экономика здравоохранения. № 12. С. 5–19.
21. Банникова Л.Н. (2017). Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : Монография. Екатеринбург : УрФУ. 904 с.
22. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. (2020). Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. № 7. С. 138–143.
23. Шабунова А.А. (2020). Здоровье и само-

сохранительное поведение населения в контексте COVID-19 // Социальное пространство. Т. 6. № 3. С. 4.

24. Ваторопин А.С., Костина Н.Б., Калугина Д.А., Черкасова В.Ю., Гараева Э.И. (2020). Население Свердловской области о коронавирусной инфекции и её социальных последствиях // Вопросы управления. № 3 (64). С. 139–153. URL: <https://journal-management.com/issue/2020/03/12>.

25. Филоненко В.И., Магранов А.С., Киенко Т.С. (2019). Образ жизни и отношение к здоро-

вью российских студентов // Социологические исследования. № 8. С. 164–166.

26. Козырева П.М., Смирнов А.И. (2020). Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. № 4. С. 70–81.

27. Колосницына М.Г., Хоркина Н.А., Лопатина М.В. (2020). Факторы физической активности российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 578–601.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Вишнеvский Юрий Рудольфович – доктор философских наук; Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); j.r.vishnevsky@urfu.ru.

Забокрицкая Любовь Дмитриевна – кандидат социологических наук, доцент; Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); zabokritskaya@urfu.ru.

Кульминская Алина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент; Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); a.v.kulminskaya@urfu.ru.

SELF-ASSESSMENT OF HEALTH BY THE SVERDLOVSK REGION STUDENTS: A MONITORING STUDY

Yu.R. Vishnevskiy^{6a}, L.D. Zabokritskaya^{7a}, A.V. Kul'minskaya^{8a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The article presents the results of the VIII stage of the long-term monitoring of the opinions, assessments and value attitudes of university students in the Middle Urals from 2012 to 2020. The relevance of the study of attitudes and ideas associated with a healthy lifestyle of students is noted, as students are one of the most active and promising groups of the population. The emphasis is made on the fact that the attitudes and practices of a healthy lifestyle are formed under the influence of the environment, where the main role is played by the state policy. A theoretical review of approaches to the essence of the phenomenon of “healthy lifestyle” is given. The importance of the study of self-assessments of respondents’ health is discussed. The methodological basis of the article is the resource-based approach.

Quota sampling: in 2020 $N = 2\,000$; in 2016 $N = 1\,827$; in 2012 $N = 1\,802$. The research results were processed in the SPSS program. The purpose of the study is to identify trends in the lifestyle and state of their own health among students of higher educational institutions of the Sverdlovsk region from 2012 to 2020.

⁶RSCI AuthorID: 501487

⁷RSCI AuthorID: 616582, ORCID: 0000-0002-4653-4409

⁸RSCI AuthorID: 768204, ORCID: 0000-0002-8538-938X

During this part of research, we recorded self-assessments regarding the state of their own health and lifestyle of students of higher educational institutions of the Sverdlovsk region in 2020, analyzed the dynamic changes in these criteria in 2012, 2016 and 2020, and calculated the average according to these criteria. It was revealed that health remains the main value in the subjective assessments of young people. The level of students' involvement in healthy lifestyle promotion, self-assessment of health and their own habits were determined. The main conclusion of the article is that the pandemic of coronavirus infection caused by the SARS-CoV-2 did not lead to dramatic changes in key indicators: the value of health, the level of interest in physical education and sports as a leisure activity, self-assessment of health and lifestyle. The relevance of the results of such monitoring studies for making managerial decisions by executive authorities is emphasized, as well as the importance of the development and implementation of regional target programs.

KEYWORDS: self-assessment of health, healthy lifestyle, students, regional target programs, monitoring research, pandemic, Sverdlovsk Region.

FOR CITATION: Vishnevskiy Yu.R., Zabokritskaya L.D., Kul'minskaya A.V. (2021). Self-assessment of health by the Sverdlovsk Region students: a monitoring study, *Management Issues*, no. 4, pp. 123–135.

REFERENCES

1. Koteneva M.A. (2009). A healthy lifestyle of a person is a national problem of modern society. In: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference "Modern Educational Environment: Theory and Practice" (November 29, 2019). Cheboksary. Pp. 306–309.
2. Demkina E.P. (2016). Formation of a healthy lifestyle of students: how not to miss the main thing? *Higher education in Russia*, no. 5, pp. 50–55.
3. Zhuravleva I.V. (2012). Student Health: Sociological Analysis. Moscow, Institute of Sociology of the RAS. 252 p.
4. Zaredinova E.R., Bandurka O.A., Litvinov G.A. (2017). A healthy lifestyle as a component of the culture of the mental labor of students, *Man – Nature – Society: theory and practice of safety of vital activity, ecology and valeology*, no. 3 (10), pp. 88–92.
5. Zhiratkova Zh.V., Petrova T.E., Leontiev A.V. (2018). Formation of a healthy lifestyle of student youth (sociological analysis), *Regionology*, vol. 26, no. 4, pp. 784–797.
6. Golubeva O.A., Alontsev V.V., Alontseva O.A., Sprikut O.V. (2021). Personification of the personality of a student with disabilities in a state of health in the process of physical education and recreational activities, *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanitarian sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 166–172.
7. Nikulina M.A. (2015). Bioethics and sociology: institutional dialogue. Rostov-on-Don, Southern Federal University. 368 p.
8. Baronenko V.A., Rapoport L.A. (2012). Health and physical culture of the student. 2nd ed. Moscow, INFRA-M. 336 p.
9. Bacherikov N.E., Vorontsov M.P., Dobromil E.I. (1988). Psychohygienic mental labor of young people. Kiev, Zdorov'e. 165 p.
10. Pastukhova A.A. (2020). Problems of formation of a healthy lifestyle of students SIBGU named after M. F. Reshetnyova, *Science-2020*, no. 6 (31), pp. 158–161.
11. Lisitsin Yu.P., Tsaregorodtsev G.I. (1998). Alphabet Health. Moscow, Enlightenment. 46 p.
12. Samsonova T.I. (2013). Health and lifestyle of student youth: orientation and practices, *Scientific Opinion*, no. 10, pp. 286–294.
13. Bystryakova Yu.D., Nalimova M.N. (2019). Formation of a healthy lifestyle among students, *Scythian. Issues of student science*, no. 11 (39), pp. 646–649.
14. Belova N.I. (2008). Paradoxes of a healthy lifestyle of students of young people, *Sociological studies*, no. 4, pp. 84–86.
15. Kulpin S.V., Savchuk G.A., Yakimova O.A. (2020). Why are youth creating content about a healthy lifestyle: a factor analysis of thematic blogs, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 2, pp. 168–190.
16. Narhov D.Yu., Vishnevskiy Yu.R. (2018). Healthy lifestyle in the ideas of students of the Sverdlovsk region: according to the materials of sociological monitoring in 1995–2016. In: Proceedings of the Materials of the Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Health, Physical Culture and Sports in Higher

School: Experience, Problems and Perspectives” dedicated to the 85th anniversary of the Institute of Physical Culture, Sports and Youth Policy (Yekaterinburg, December 1–5, 2017). Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University, pp. 184–194.

17. Bardina M.Yu. (2015). Components of a healthy lifestyle of the modern student, Center for Scientific Cooperation “Interactive Plus”. URL: <http://interactive-plus.ru/e-articles/220/Action220-91191.pdf> (accessed 07.07.2021).

18. Varlamova S.N., Sedova N.N. (2010). Healthy lifestyle – step forward, two backs, *Sociological research*, no. 4 (312), pp. 75–87.

19. Efimenko S.A. (2007). Consumers of medical services in budget organizations and their self-assessment of health, *Sociological research*, no. 9, pp. 110–114.

20. Reshetnikov A.V. (2000). Social portrait of a health care consumer, *Healthcare economy*, no. 12, pp. 5–19.

21. Bannikova L.N. (2017). Student in 1995–2016: Dynamics of sociocultural development of the student of the Middle Urals. Monograph. Ekaterinburg: UrFU. 904 p.

22. Reshetnikov A.V., Prisyazhnaya N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N.Yu. (2020). Pandemic perception of COVID-19 residents of Moscow, *Sociological studies*, no. 7, pp. 138–143.

23. Shabunova A.A. (2020). Health and self-sustaining behavior of the population in the context of COVID-19, *Social space*, vol. 6, no. 3, p. 4.

24. Vatoropin A.S., Kostina N.B., Kalugina D.A., Cherkasova V.Yu., Garaeva E.I. (2020). Population of the Sverdlovsk region about coronavirus infection and its social consequences, *Management issues*, no. 3 (64), pp. 139–153. URL: <https://journal-management.com/issue/2020/03/12>.

25. Filonenko V.I., Magranov A.S., Kienko T.S. (2019). Lifestyle and attitude to the health of Russian students, *Sociological studies*, no. 8, pp. 164–166.

26. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2020). The dynamics of self-assessment of the health of Russians: current trends of the post-Soviet period, *Sociological studies*, no. 4, pp. 70–81.

27. Kolosnytsina M.G., Khorkina N.A., Lopatina M.V. (2020). Factors of physical activity of Russian youth, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 5, pp. 578–601.

AUTHORS' INFORMATION:

Yuriy R. Vishnevskiy – Advanced Doctor in Philosophical Sciences; Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); j.r.vishnevsky@urfu.ru.

Lyubov' D. Zabokritskaya – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); zabokritskaya@urfu.ru.

Alina V. Kul'minskaya – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); a.v.kulminskaya@urfu.ru.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНІЗАЦІИ

CORPORATE MANAGEMENT

КУЛЬТУРА ТРУДА РАБОТНИКОВ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Т.В. Окунева^{1а}, О.Н. Шестопалова^{2а}

^аУральский государственный университет путей сообщения

АННОТАЦИЯ:

В статье раскрываются особенности культуры труда работников транспортных предприятий, анализируются их отношение к работе и уровень готовности к нововведениям, реализуемых в отрасли. Исследование трудовых установок работников позволило выявить наличие барьеров в отношениях между руководителями и персоналом компании, что затрудняет развитие как предприятия, так и реализацию корпоративных стратегий, внедрение инноваций и технологий. Данная проблема требует активного исследования и определения новых инструментов, методов управления, нацеленных на выявление активных сотрудников, способных диагностировать и предлагать способы разрешения указанной ситуации. Идея модернизации и инновации экономики, по мнению авторов, может быть реализована в условиях эффективных бизнес-стратегий и моделей корпоративного управления, что безусловно актуализирует вопросы трансформации сложившейся культуры труда на предприятии и поиск новых форм организационных отношений.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили фундаментальные положения социологии и экономики труда, менеджмента и теорий управления, а также принципы системного и функционального анализа. Эмпирической базой исследования выступили данные официальных документов, статистики и корпоративных отчетов о деятельности организации, результаты анкетирования работников предприятий транспортной отрасли города Екатеринбурга и Свердловской области (опрошено 654 человека).

В результате исследования установлено, что среди сложностей и барьеров реализации корпоративной стратегии управления можно выделить низкий уровень готовности к изменениям и развития инновационного потенциала всех категорий персонала. Это выражается в отсутствии активных стратегий адаптации к организационным изменениям и новациям, пассивной реакции на предполагаемые возможные сложности. Авторы отмечают формирование ситуации ценностной дезориентации современных работников в условиях трансформации культуры труда и повышения требований к качеству организационных отношений со стороны персонала и невозможности руководителей эти требования удовлетворить. Респонденты противопоставляют в своих оценках отношение к труду как возможности реализации трудового потенциала и к работе как совокупности конкретных условий осуществления трудовой деятельности. Труд оценивается работниками выше, чем работа, это создает предпосылки конфликтного взаимодействия руководителя и подчиненных. Недостаточная включенность работников в процессы принятия решений и возможность проявлять инициативу создает рассогласованность в действиях субъектов и объектов управленческого воздействия. Такая ситуация в перспективе может создать сложности при реализации корпоративных, в частности инновационных стратегий и стратегий управления человеческими ресурсами, так как исключает критическую оценку предлагаемых нововведений, подразумевает большее сопротивление со стороны персонала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ценностные ориентации работников, культура труда, престиж рабочих профессий, трансформация трудовых отношений, согласование корпоративных интересов, адаптационные стратегии поведения, партнерские отношения.

¹AuthorID РИНЦ: 646364, ORCID: 0000-0001-5561-9634

²AuthorID РИНЦ: 502771, ORCID: 0000-0001-5601-6245

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Окунева Т.В., Шестопалова О.Н. (2021). Культура труда работников как фактор реализации корпоративной стратегии управления транспортным предприятием // Вопросы управления. № 4. С. 137–150.

Введение

Стратегия модернизации и инновационного развития требует реализации адекватных управленческих решений и формирования особой культуры труда, которая способствовала бы реализации целей организации, повышению его адаптационного и инновационного потенциала. Это связано с тем, что традиционные инструменты и формы организационного взаимодействия сегодня утрачивают свою актуальность. По оценкам исследователей, процессы автоматизации, цифровизации и роботизации затрагивают все сферы жизнедеятельности³ и способствуют трансформации трудовых отношений, расширяют возможности применения дистанционных форм взаимодействия, стимулируют ввод в практику нестандартных форм занятости и режимов рабочего времени, что приводит к необходимости адаптировать их под запросы рынка и требования самих работников. Менеджмент современных организаций находится в ситуации поиска релевантных методов управления и реализации актуальных поведенческих стратегий, стимулируя работников к постоянному повышению квалификации и формированию адаптационного потенциала⁴.

Вопрос модернизации управленческих инструментов предельно остро стоит перед многими отраслями, каждая из которых играет уникальную роль в экономике и социальной сфере, в них складывается индивидуальный, во многом исторически обусловленный круг проблем, вызовов, наиболее значимых задач, формируется своя собственная повестка развития. Транспортная отрасль – одна из них, в ней функционируют крупные предприятия со сложившейся культурой труда. Им достаточно сложно адаптироваться к изменениям в связи с отсутствием либо небольшим количеством конкурентов, а также возникновени-

ем дефицита рабочей силы на фоне снижения престижа рабочих профессий, которые в то же время составляют значительную долю в структуре персонала данных предприятий. Тем не менее транспортная система занимает особое место в трансформационных процессах, так как играет важную роль в социально-экономическом развитии региона и страны в целом, обеспечивая условия для поддержания устойчивости экономики и ее роста.

Достижение целей корпоративной стратегии развития и модернизации транспортной отрасли требует комплексных мероприятий и проектов, общих моделей и интеграционных технологий, стандартов и нормативов, а также общих методов регулирования и управления, имеющих общесоциальную, общеэкономическую и общетранспортную направленность. Корпоративные подходы играют особенно важную роль. Единая культура и корпоративный дух создают особую атмосферу трудовых отношений, ориентированную на мотивированный и эффективный труд, повышение его качества, производительности труда и активное участие работников в технической модернизации и инновационном развитии транспорта.

Несмотря на трансформации рынка труда, изменения структуры занятости, значимость и роль рабочих профессий на производстве не уменьшается. С одной стороны, в связи с автоматизацией и цифровизацией она несколько снизилась, полагая что данный труд в перспективе может быть роботизирован. В то же время полностью исключить рабочих из производственного процесса не представляется возможным, поскольку основные контрольные функции, такие как обслуживание, настройка и управление высокотехнологичным и инновационным оборудованием так или иначе принадлежат человеку.

С другой стороны, исследователи уже давно отмечают падение престижа рабочих про-

³Всемирный банк. 2019 год. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда». США, Вашингтон: Всемирный банк. DOI: 10.1596/978-1-4648-1328. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO.

⁴Международные тенденции в сфере управления персоналом – 2020. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/HC-trends-2020_RU.pdf (дата обращения 15.06.2021).

фессий в связи с недостаточно высоким уровнем вознаграждения, спецификой содержания и условий труда [1]. Как правило, такие профессии содержат узкий круг трудовых обязанностей, рассчитаны на реализацию ограниченного спектра профессиональных и личных качеств работника, что не согласуется с потребностями молодежи в увлекательных, интересных специальностях, дающих возможность самореализации, а также с их представлениями о жизненном успехе и наличии высокого уровня дохода [2]. Исследования также показывают, что период пандемии COVID-19 и распространившиеся формы дистанционного взаимодействия стал драйвером к формированию мотивации молодых людей на поиск рабочих мест с удаленным характером работы [3], что невозможно реализовать для рабочих специальностей. Более благоприятная ситуация складывается в отношении специалистов и руководителей, трудовая деятельность которых более содержательна, подразумевает карьерный рост и уровень вознаграждения, который, как правило, выше, чем у рабочих.

Обозначенные процессы и тенденции актуализируют необходимость изучения культуры труда работников транспортных предприятий в условиях сложных трансформационных процессов, изучения адаптационных и инновационных стратегий поведения, а также их отношение и готовность к нововведениям.

Материалы и методы

Культура труда оказывалась в зоне внимания многих как отечественных, так и зарубежных исследователей. Она позволяет раскрыть сложную структуру норм и правил, которые влияют на поведение работников, их взаимодействие с руководителями, формирование ценностных ориентаций и установок на труд. Существенный вклад в изучение этого вопроса внес В. А. Ядов, показавший, что отношение человека к труду в общем виде обусловлено совокупностью всех общественных отношений, в том числе социально-экономической природой общества и политической надстройкой, технологическими и функциональными особенностями содержания конкретного вида трудовой деятельности, особенностями социально обусловленной структуры личности работника. Более того, идеологическая составля-

ющая, по его мнению, играла определяющее значение при оценке удовлетворенности трудом у советских работников в сравнении с американскими и европейскими рабочими [4]. В. А. Ядов один из первых отметил устойчивую зависимость между условиями, содержанием, характером труда и удовлетворенностью трудом работников, что также нашло подтверждение в исследованиях западных специалистов, в частности концепции Ф. Герцберга.

Немалую роль в изучении культуры труда внес уральский социолог А. Н. Коган. Рассматривая трудовую деятельность как возможность проявления сущностных сил работника [5], ученый отмечал особую значимость всестороннего развития личности для эффективной организационной деятельности и повышения удовлетворенности трудом. В его размышлениях всесторонность означает максимальное развитие человека и проявление его способностей, потребностей, навыков, знаний, умений и т. д. Такое понимание было связано с разработкой деятельностной концепции культуры, в рамках которой наиболее существенный показатель не то, чем занят человек, что он делает, а то, как он это делает.

В ходе конкретных социальных исследований были получены значительные научные результаты по проблемам труда различных категорий работников (О. И. Шкаратан), новых производственных коллективов (Ж. Т. Тощенко), культуры рабочего класса (Г. Н. Соколова) и др. Авторам удалось выявить ряд важных тенденций и особенностей в сфере труда, в частности, связь мобильности внутри организации и удовлетворенности работой, взаимосвязь эффективности труда с его условиями, зарплатой и квалификацией работника.

В целом, исследования отечественных ученых во второй половине XX века строятся на изучении социальной структуры рабочей силы, изменений в содержании и характере труда, условий труда и быта, мотивации и отношения к труду и показывают возможности повышения качества трудовой жизни работников через гармоничное сочетание организационных условий труда, содержательности, повышения творческого начала в рутинных, монотонных операциях. В случае невозможности изменения содержательности предлага-

лось использование компенсаторных методов повышения качества трудовой жизни за счет создания оптимальных условий труда и отдыха, а также организации досуга работников.

Последующее изучение культуры труда происходило под серьезным влиянием западных исследований, которые привели к вводу в научный оборот понятий организационной и корпоративной культуры. Одним из первых исследование организационной культуры было предпринято Э. Шейном, который не просто определил трехуровневую модель организационной культуры, но значение лидера в формировании, поддержании и управлении организационным поведением за счет изменения культуры и ее элементов [6]. В последующем западными исследователями много внимания было уделено изучению факторов, определяющих организационное поведение и содержание организационных ценностей, норм, правил поведения и внешних атрибутов, что привело к появлению многочисленных типологий и методов диагностики и управления организационной культурой. Эти исследования позволили также установить четкую связь между параметрами внешней среды, структурой и содержанием элементов организационной культуры и эффективностью работы предприятия, его успешности. В частности, К. Камерон и Р. Куинн показали, что большая часть наиболее успешных предприятий XX века осуществляли свою деятельность в высококонкурентной среде, не обладая существенными преимуществами, а успех этих предприятий обусловлен наличием в организации четкой, понятной корпоративной культурой, адекватной условиям функционирования предприятия [7]. В последующем эти исследования были подтверждены изучением практики большого количества предприятий, а организационная культура в западном менеджменте заняла достойное место среди основных организационных ресурсов управления [8]. Современные исследования культуры труда являются симбиозом советской и западной школы исследования в области социологии труда и управления, акцентируют внимание на необходимости целостного восприятия работника и возможностей реализации его трудового потенциала [9–12]. В это же время начинается ак-

тивное исследование инструментов стратегического планирования, которое связано с возможностью сохранения позиции организации на рынке, поддержанию и развитию конкурентных преимуществ. В формировании и реализации корпоративных стратегий видится основа успешного функционирования предприятия, так как разработка стратегий способствует четкому определению целей и задач деятельности организации на длительный период времени, создает условия для стабильного развития и определенности как бизнеса, так и персонала. Особое место занимает корпоративная стратегия управления, которая подразумевает необходимость планирования инструментов управления, которые как в настоящем, так и в будущем позволят сохранять управляемость организационного поведения работников.

В целом, можно отметить, что современные исследователи приходят к пониманию, что для реализации корпоративных стратегий, в частности стратегии управления работниками, важное значение имеют несколько параметров организационной культуры: создание благоприятной рабочей атмосферы, поддерживающей (сохраняющей) физическое и психологическое здоровье. Второе в последние время выходит на первый план. Также современные работники все больше стремятся к большей включенности в процессы принятия решений, которые касаются как их трудовой деятельности, так и деятельности организации в целом. Еще одно обстоятельство, определяющее необходимость комплексного анализа как организационной культуры, так и ее влияния на реализацию корпоративной стратегии управления состоит в необходимости поддержания профессионального уровня работников и выстраивания трека профессиональных и карьерных траекторий, удовлетворяющих потребности реализации трудового потенциала, причем с высокой степенью индивидуализированности.

Методологически не менее важным является вопрос установления критериев выделения социально-профессиональных групп, изучением которых занимались и продолжают заниматься многие научные коллективы и исследователи. В определении критериев стратификации в настоящий момент имеет место

выбор в пользу оценки наличия ресурсов для реализации своих способностей и возможностей, так как традиционные критерии, такие как уровень дохода, образования и престижа, недостаточно полно характеризуют складывающуюся структуру социально-экономических и трудовых отношений.

В частности, Е. Н. Тихонова актуализировала ресурсный подход в связи с конвертируемостью экономических ресурсов в неэкономические, а также усложнением процесса общественного производства, сосуществование обществ разных эпох как в рамках глобального мира, так и в отдельно взятых странах и отраслях, что усложняет процесс выработки адекватных стратегий поведения [13]. Серьезный вклад в изучение наемных работников современной России внесли такие исследователи как А. Ш. Житиашвили, З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян. В комплексном исследовании социально-профессиональных групп они показали ряд тенденций и противоречий взаимодействия работодателей и работников в условиях социально-экономических трансформаций. На материале эмпирических исследований ими показаны рассогласованность стратегических линий развития трансформирующихся обществ, сложности включения советской культуры труда и управления, которая до сих пор оказывает влияние на организационное поведение и проблемы взаимодействия всех социально-профессиональных групп в складывающихся социально-экономических отношениях [14]. В том числе Е. В. Митягина показывает особенности положения рабочих в условиях двойной модернизации, рассматривает специфику их положения, делает вывод о том, что данная социально-профессиональная группа оказывается носителем устаревших ресурсов, невостребованными в современных условиях [1]. В своих исследованиях Г. П. Бесокирная характеризует удовлетворенность рабочих, показывает сложность их адаптации в складывающихся условиях и неоднозначность реализуемого управленческого и социально-экономического воздействия [15].

Между тем отметим, что в настоящее время такие факторы, как удовлетворенность трудом

и организацией, уровень готовности к изменениям и адаптационный потенциал, стратегия реагирования на изменения в организационной и внешней среде, а также особенности и характер трудовой мотивации, остаются недостаточно изученными, главным образом в разрезе отраслевой принадлежности.

Транспортная отрасль в настоящий момент является одной из самых развивающихся: внедряются цифровые сервисы работы с потребителями транспортной услуги, развивается международное сообщение. Со стороны пассажиров есть запрос на формирование транспортной экосистемы, которая бы предусматривала не просто услугу в перевозке, но и расширенный набор сервисов: заказ такси, бронирование гостиницы, объединение нескольких видов транспортного сообщения в одной поездке для более комфортного и быстрого логистического решения. Аналогичные запросы существуют и в области грузовых перевозок, где первенство принадлежит железной дороге, о чем говорят лидирующие позиции компании ОАО «РЖД» как крупного перевозчика грузов (доля рынка – 87,2 %). Рынок пассажирских перевозок делится между автомобильным, воздушным и железнодорожным сообщением, доля которого составляет 23,4 %, а первенство сохраняется за воздушным транспортом (56,6 %).

Запрос на технологические инновации поддерживают все представители транспортной отрасли. ОАО «РЖД» как крупнейшая организация ведет систематическую работу по планированию и реализации изменений в соответствии с требованиями международного сообщества и внедрению их в своей деятельности. В частности, разработаны и утверждены такие документы, как «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года», «Долгосрочная программа развития ОАО „РЖД“ до 2025 года», а также «Стратегия цифровой трансформации ОАО „РЖД“ до 2025 года», в них отмечены основные этапы, принципы модернизации и механизмы формирования условий для устойчивого социально-экономического развития⁵. Одиннадцать направлений инноваци-

⁵Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года : утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.06.2008 № 877-р ; Долгосрочная программа развития ОАО «РЖД» до 2025 года : утв.

онного движения, которые определяет для себя компания, главным образом, описывают планируемые технологические и технические инновации в перевозочном процессе, разработке клиентских цифровых сервисов и учитывают инструменты внедрения изменений, взаимодействия с различными организациями (вузами, инновационными и научными компаниями)⁶. Эти стратегии дополнены системой отслеживания результатов, а в программе их реализации предусмотрена коррекция деятельности в зависимости от полученных результатов разработки и внедрения инноваций.

Активную позицию компания занимает и в реализации своего инновационного потенциала посредством активизации человеческих ресурсов. Помимо разработанных документов о стратегическом развитии, ежегодно проводятся конкурсы инновационных проектов: «Новое звено», «Лидер перемен», «Слет молодежи ОАО „РЖД“» и ряд других, цель которых – выявление активных работников, способных диагностировать, определять способы и решать проблемы компании⁷. Технологические преобразования, внедрение цифровых технологий и повышение эффективности транспортной отрасли не может проходить без участия рабочих, которые, как уже было отмечено, являются доминирующей по численности категорией персонала. Ключевыми задачами в этой области являются развитие инженерно-технического потенциала и вовлечение молодежи в решение корпоративных задач инновационного развития компании. Те же тенденции наблюдаются и у остальных представителей транспортной отрасли [16].

Амбициозность и способность к внедрению инновационных технологий «работает», если активно поддерживается большинством сотрудников организации, мнение которых возможно определить методом анкетирования. Эмпирической базой помимо официальных документов, статистики и корпоративных

отчетов о деятельности организации послужили материалы социологического исследования, проведенного в марте – апреле 2021 года среди работников предприятий транспортной отрасли Екатеринбурга и Свердловской области⁸. Выборка составила 654 человека. Одной из задач исследования стало определение и анализ мотивационных факторов отношения к труду, профессиональных установок сотрудников, а также изучения их адаптационных и инновационных стратегий поведения, ориентации и готовности к нововведениям.

Культура труда работников транспортного предприятия оценивалась по таким параметрам, как степень и активность включенности работников в реализацию организационных изменений; оценка адаптационных стратегий персонала в ситуации возможных изменений их статуса и (или) невозможности сохранить рабочее место; степень готовности к организационным изменениям. Важное место в исследовании занимает изучение используемых системой управления стимулов и удовлетворенность ими работников, разнообразие организационных стимулов.

Эффективность и результативность деятельности каждого предприятия лежит в понимании и принятии сотрудниками ценностей компании и целей ее развития, а также готовности участия в стратегиях модернизации на основании разделяемых корпоративных ценностей. Исследование показало, что такая доминирующая категория персонала, как рабочие, недостаточно активно включены в процесс внедрения современных технологий и не ощущают их на своих рабочих местах. Лишь 13,5 % опрошенных указали, что современные технологии внедряются активно, еще около половины отметили внедрение отдельных технологических изменений (15,5 % указали на автоматизацию некоторых процессов на предприятии, 22,3 % – наличие процессов цифровизации и еще 10,8 % – роботизации).

Распоряжением Правительства РФ от 19.03.2019 № 466-р ; Стратегия цифровой трансформации ОАО «РЖД» : утв. Советом директоров ОАО «РЖД» от 25.10.2019 г.

⁶Отчет об управлении инновационной деятельностью в ОАО «РЖД». URL: <https://company.rzd.ru/ru/9990> (дата обращения 15.06.2021).

⁷Отчет о деятельности в области устойчивого развития – 2019. С. 153–155. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9386/page/103290?id=17643> (дата обращения 15.06.2021).

⁸Названия предприятий не называются по просьбе руководителей, предоставивших возможность проведения исследования.

Практически каждый пятый рабочий не замечает внедрения современных технологий и модернизацию производства. В то же время автоматизация, цифровизация и роботизация рабочих процессов отмечена значительным числом руководителей и работниками из категории «специалист/служащий» (80 % и 75,8 % соответственно).

По мнению рабочих, активность внедрения современных технологий также недостаточна: лишь четверть опрошенных рабочих отмечают высокую степень активности внедрения современных технологий (24,8 %), что существенно ниже количества положительных оценок этого процесса у специалистов/служащих (33 %) и руководителей (38,8 %). Более трети опрошенных рабочих полагают, что внедрение инноваций возможно лишь на некоторых предприятиях или доступно предприятиям только частично (38,9 %), такое же мнение у специалистов/служащих и руководителей (32 % и 36,7 % соответственно). В целом, около трети представителей каждой из категорий персонала оценивают скорость и масштаб внедрения инновационных технологий пессимистично.

Пассивные стратегии поведения в случае кризиса свойственны всем сотрудникам, а сами изменения вызывают у них тревогу и даже протест. В целом, большая часть работников в случае возникновения кризисной ситуации и угрозы потерять работу будет искать аналогичную работу в своем городе (46 % руководителей, 59,2 % специалистов и 53 % рабочих), поиск работы в любом другом регионе страны рассматривают около трети опрошенных. Протестные настроения, которые прояв-

ляются в желании критиковать власть в СМИ и социальных сетях, участии в забастовках и разрешенных митингах в большей степени демонстрируют рабочие (24,9 %), в меньшей – специалисты (19,9 %), и практически отсутствуют у руководителей (12 %).

Сохранение организационных позиций работникам видится в поддержании хороших взаимоотношений с руководством, высоком профессионализме и поддержании квалификационного уровня. В меньшей степени гарантирует востребованность наличие редкой профессии. При этом большинство работников считают, что от них ничего не зависит (рис. 1).

Традиционно наиболее востребованными стимулами для персонала являются материальные: возможность лучше обеспечить семью, сформировать подушку безопасности или приобрести недвижимость и т. п., которые актуальны для половины респондентов всех категорий. Нематериальные стимулы, такие как признание, возможность самореализации, профессиональное развитие, в большей степени актуальны и востребованы руководителями (60 %), чем специалистами (37 %) и рабочими (28,6 %). При этом руководители в большей степени заинтересованы в таких субъективных факторах, определяющих отношение к труду, как содержание труда, возможность реализации профессиональных способностей, поддержание контактов с интересными людьми, с которыми работают. Специалисты и рабочие заинтересованы в следующих характеристиках трудового пространства: социальные гарантии, стабильность работы предприятия, благоприятная атмосфера в коллективе (рис. 2).

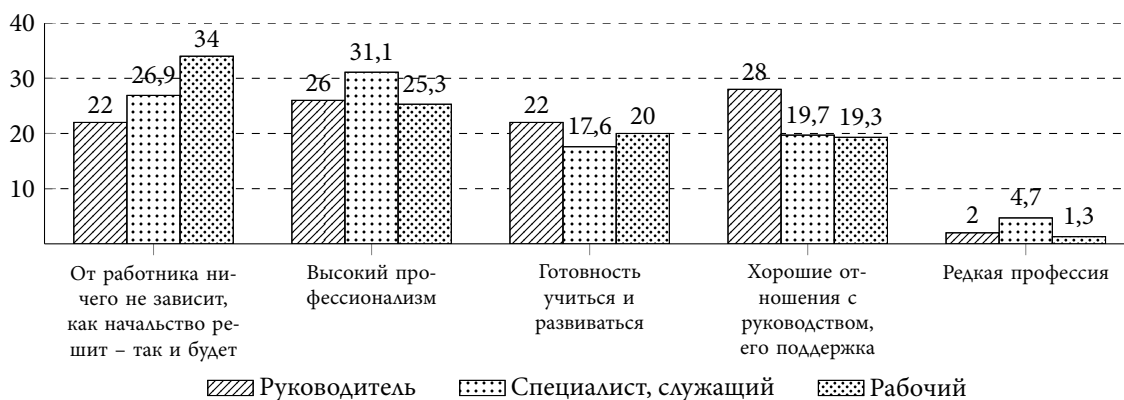

Рисунок 1 – Оценка адапционных стратегий поведения работников в ситуации кризиса (N = 654), %
 Figure 1 – Assessment of adaptation strategies of employee behaviour in a crisis situation (N = 654), %

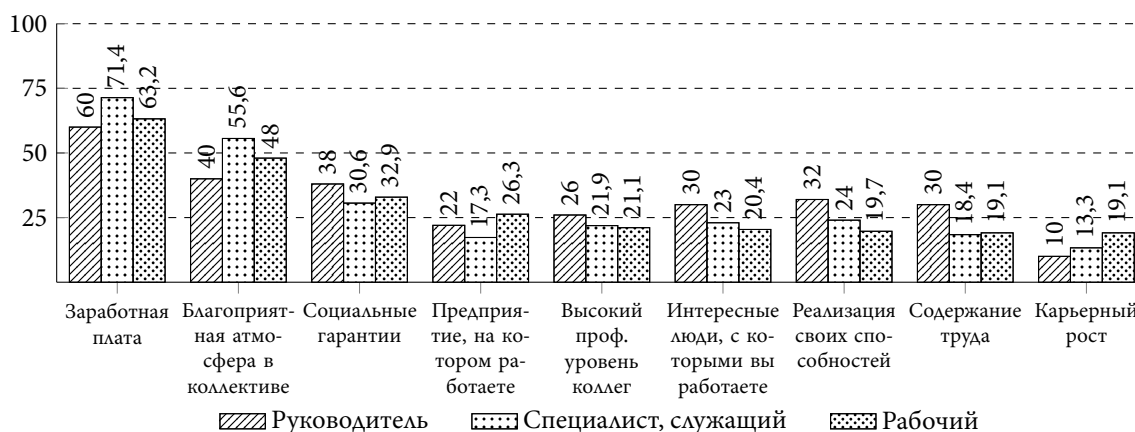

Рисунок 2 – Рейтинг организационных стимулов (N = 654), %

Figure 2 – Organizational incentives rating (N = 654), %

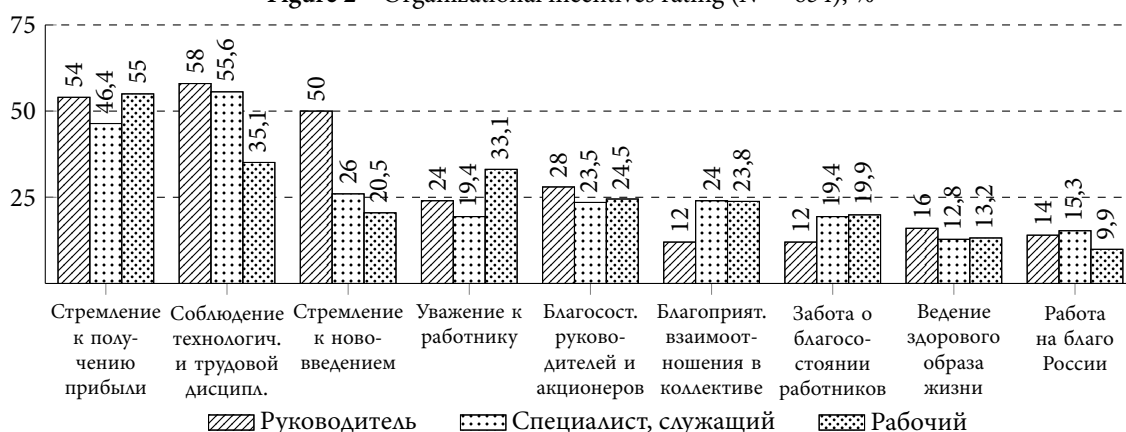

Рисунок 3 – Характеристика организационных ценностей (N = 654), %

Figure 3 – Characteristic of organizational values (N = 654), %

Несмотря на то что настоящая работа нравится подавляющему большинству руководителей (90%), специалистов (81,1%) и рабочих (77,6%), достаточно большое количество работников оставило ее, если бы была такая возможность. Такое желание испытывает 40% руководителей, 37,2% специалистов и 42,1% рабочих. Половина опрошенных демонстрирует нейтральное отношение к работе, об этом мы можем судить, анализируя ответы на вопрос «Какое место занимает работа в вашей жизни?». Чуть больше половины руководителей (54%) и специалистов/служащих (53,1%), а также 43,4% рабочих согласись, что работа важна, однако есть вещи не менее значимые в жизни. Около трети руководителей (34%) отметили интерес к работе: «именно она – мое хобби». Такого же мнения о работе придерживается 18,4% специалистов/служащих и лишь 13,8% рабочих. Как неприятную необходимость работу воспринимает 39,5% рабочих, 27% служащих/специалистов и 12% руководителей.

Анализ организационных ценностей показал неоднозначные результаты. Так, ведущее место среди организационных ценностей занимают «стремление к получению прибыли», «соблюдение технологической и трудовой дисциплины» и «стремление к нововведениям» (рисунок 3).

Если стремление к нововведениям можно отнести к ценностям, которые продиктованы современными требованиями повышенной адаптивности и способности к внедрению нового, то лидирующие места, по сути, занимают не ценности, а задачи, инструменты достижения организационных целей. «Уважение к работнику» стоит на 4 месте и как ценность воспринимается каждым третьим рабочим, каждым четвертым руководителем и каждым пятым работником категории «специалист/служащий». Анализ организационных отношений также показывает некоторое противопоставление всех трех категорий персонала: специалисты/служащие в силу наличия высокой квалификации в ситуации де-

фицита рабочей силы чувствуют себя достаточно уверенно даже в нестабильных условиях. Рабочие в меньшей степени удовлетворены своим положением в организации и их оценки приближены к оценкам уровня удовлетворенности сложившихся организационных отношений, которые дали руководители.

Выводы

Представленные результаты исследования позволяют обозначить несколько тенденций, способных оказать влияние на скорость и качество модернизации и инновационного развития, реализацию трудового потенциала работников современных предприятий и корпоративной стратегии управления.

Наше исследование показало, что процесс внедрения технологий и инноваций происходит с отчуждением большей части работников, в том числе рабочих, которые включены в этот процесс меньше всего. Они не могут инициировать изменения или повлиять на те из них, которые касаются их работы. Автоматизация, цифровизация и роботизация рабочих мест, которая в большей степени ориентирована именно на сокращение участия работника в простых, бедных по содержанию операциях, преобладающих на рабочих местах не осуществляется, либо осуществляется избирательно и крайне медленно. В результате, работодатель имеет непривлекательные рабочие места, которые не отвечают современным требованиям. Вследствие данной ситуации повышение престижа рабочих профессий среди молодежи и поддержание таких мероприятий как международное движение WorldSkills International (WSI), которое проводится в России уже несколько лет, является необходимостью [17].

Дополнительные риски создают трансформации рынка труда, неблагоприятная демографическая ситуация. Правительство Свердловской области⁹ прогнозирует дефицит рабочей силы на рынке труда и необходимость привлечения труда мигрантов, которые занимают мало привлекательные рабочие места [18; 19]. Стратегически такая ситуация грозит низкими темпами внедрения инноваций и вы-

сокими рисками поддержания высокого уровня технологического и экономического развития региона. В то же время в профессиональных траекториях молодых людей рабочие профессии по ряду причин недостаточно популярны: это связано с ограниченным освещением труда рабочих в медиа [20], и, как следствие, устойчивой позиции на выстраивание образовательно-профессиональной траектории, избегающей занятия рабочей должности [21], так как она подразумевает невысокий доход, ограничения карьерного роста (без соответствующего уровня подготовки) и невысокий уровень привлекательности труда рабочего [22], а также рисков технологической безработицы в условиях технико-технологических трансформаций [23].

В целом авторами отмечен недостаточно высокий уровень развития адаптационного потенциала работников. У рабочих он развит меньше всего и выражается в отсутствии желания повышать квалификацию, осваивать новые профессии. Дополнительные препятствия к повышению квалификационного уровня и формирования устойчивой мотивации к труду связаны с тем, что в настоящее время отсутствует четкая связь уровня квалификации и размера заработной платы, что подтверждается данными других исследователей [24]. Практически 90 % опрошенных в случае кризиса и угрозы потери работы склонны искать аналогичную работу в этом же городе, либо другом регионе страны. В дополнение к этой тенденции сохраняется еще одна, отмеченная одним из авторов в ходе исследования культуры труда рабочих транспортных предприятий в 2014 году [25], реализация своего человеческого потенциала воспринимается работниками как жизненная необходимость, текущая работа им нравится. Сохранить же место работы в случае, если будет возможность не работать, готовы гораздо меньшее количество респондентов. Это говорит о том, что содержание труда, его процесс и результат приносят удовольствие, мотивируют. Негативное воздействие оказывают социально-экономические условия протекания трудо-

⁹Об утверждении государственной программы Свердловской области «Содействие занятости населения Свердловской области до 2024 года» : Постановление Правительства Свердловской области от 21.10.2013 № 1272-ПП. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453135189> (дата обращения: 26.06.2021).

вого процесса, складывающиеся взаимоотношения, возможности карьерного роста, ценности и нормы.

Работники и руководители находятся в несколько смещенной системе ценностей, когда потребность реализации трудового потенциала сформирована достаточно четко, при этом сложившиеся организационные отношения не в состоянии эту потребность удовлетворить. В частности, из-за недостаточно высокого уровня квалификации руководителей, которые, имея большой опыт работы с технико-технологическими аспектами труда, в меньшей степени владеют современными инструментами управления, взаимодействия с работниками и организации продуктивных трудовых отношений. Как следствие, мы наблюдаем снижение удовлетворенности от работы как со стороны рабочих, чей труд мало привлекателен, зачастую беден по содержанию, отстраненность специалистов, чей запрос на более качественные взаимодействия и участия в управлении также не удовлетворен, так и со стороны руководителей, в особенности руководителей оперативного уровня, находящихся в условиях необходимости повышения эффективности и производительности и непонимания причин и возможностей добиваться обозначенных целей. Полученные в ходе проведенного исследования результаты коррелируют с результатами, полученными в ходе опросов других российских исследователей [26], которые также отмечают усиление односторонней зависимости работников от работодателей, их правовой незащищенности, в то время как партнерские отношения – наиболее востребованный тип взаимодействия – отмечены лишь каждым четвертым респондентом.

Вышеуказанные тенденции определяют сложности реализации корпоративной стратегии управления. Культура труда, которая сложилась на предприятиях транспортной отрасли, характеризуется противоречивой системой отношений между работниками и менеджментом. С одной стороны, руководители ориентированы на развитие, сохранение и преумножение конкурентных преимуществ компании с использованием современных инструментов управления и поэтапной реализа-

ции корпоративных стратегий модернизации и инновации. В то же время работники, отчужденные от процесса принятия решений, в том числе при разработке корпоративных стратегий, не имеют возможности повлиять на содержание корпоративных ценностей, содержание корпоративных стратегий, заинтересованы в их реализации в меньшей степени, чем руководители.

Подобное рассогласование интересов работников и руководителей способно породить сложности как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Если в краткосрочной перспективе подобная рассогласованность приводит к снижению удовлетворенности трудом, то в долгосрочной перспективе это может привести к снижению привлекательности бренда работодателя, сложностям привлечения квалифицированной рабочей силы как на должности рабочих, так и на должности специалистов и служащих, а также сложности закрепления на предприятии уже работающих сотрудников. Такая ситуация усиливает конфронтацию работников и представителей менеджмента, что также не способствует реализации корпоративных стратегий, формированию целостной и гармоничной системы управления.

Вместе с тем, процессы трансформации, автоматизации и роботизации потенциально могут привести к повышению привлекательности труда рабочих, чей труд в настоящий момент в большей степени возможно улучшить с помощью технологических изменений, чем труд специалистов и руководителей. Однако ситуация осложняется тем, что изменения внедряются эпизодично, не затрагивают рабочих мест, которые в этих изменениях нуждаются, что усиливает противостояние менеджмента и работников и затрудняет реализацию корпоративных стратегий.

Другой потенциальной проблемой может стать сдерживание трансформации трудовых отношений, ценностей, норм и правил поведения работников и, что более важно – руководителей, потому как новые условия потребуют новых, отличных от актуальных форм взаимодействия и реализации трудовых контактов. Исследования показывают, что руководители, в отличие от работников, в меньшей степени

готовы к изменению формы трудовых отношений [8, с. 189–196], установлению партнерских связей, опирающихся на соучастие работников в управлении, расширении свободы работника на рабочем месте, хотя эти противоречия латентны и, как отмечают исследователи, маскируются необходимостью поддержа-

ния дисциплины, контроля качества результатов труда. Запаздывание изменений в культуре управленческих кадров, потенциально усилит конфронтацию менеджмента и работников и замедлит реализацию корпоративных стратегий, снизит качество результатов труда и удовлетворенность трудом работников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Митягина Е.В. (2014). Причины утраты престижа рабочих специальностей среди молодежи, способы преодоления негативных тенденций // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 6. С. 16–27.
2. Окунева Т.В., Шестопалова О.Н. (2019). Формирование и поддержание профессиональных ожиданий выпускников транспортных вузов в процессе обучения // Вестник УрГУПС. № 3 (43). С. 100–107.
3. Чевтаева Н.Г., Ваторопин А.С. (2019). «Безопасная гибкость» как способ адаптации молодежи к новым формам занятости в цифровом обществе // Молодежь XXI века: образ будущего : Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб. С. 437–439.
4. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П. (1967). Человек и его работа (социологическое исследование) / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М. : «Мысль». 392 с.
5. Духовный мир советского рабочего: опыт конкретного социологического исследования / под ред. М. Т. Иовчука, Л. Н. Когана. М. : «Мысль», 1972. 438 с.
6. Шейн Э.Х. (2002). Организационная культура и лидерство / пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб. : Питер. 336 с.
7. Камерон К., Куинн Р. (2001) Диагностика и изменение организационной культуры / пер. с англ. под ред. И. В. Андреевой. СПб. : Питер. 320 с.
8. Болмэн Л.Д., Дил Т.Е. (2016). Рефрейминг организации: Компания как фабрика, семья, джунгли и храм. М. : Альпина Пабли. 625 с.
9. Рабочий и инженер: Социальные факторы эффективности труда / под ред. О. И. Шкаратана. М. : Мысль, 1985. 271 с.
10. Тощенко Ж.Т. (1998). Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. № 1. С. 21–34.
11. Шаталова Н.И. (1999). Система трудового потенциала работника // Социологические исследования. № 3. С. 51–54.
12. Шаталова Н.И. (2018). Механизмы саморегуляции и саморазвития трудового потенциала работника // Вопросы управления. № 6 (55). С. 135–141.
13. Тихонова Н.Е. (2021). Межпоколенческое воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 61–78.
14. Голенкова З.Т. (2015). Наемный работник в современной России. М. : Новый хронограф. 368 с.
15. Бессокирная Г.П. (2020). Удовлетворенность жизнью рабочих в современной России // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. М. : РОС ; ФНИСЦ РАН. С. 4052–4059.
16. Лапшин А., Иванющенкова М. (2017). Система Каменщика: интервью с руководителем аэропорта Домодедово // Harvard Business Review. № 1. С. 40–49.
17. Афанасьев М.В., Шаров Е.И. (2015). Повышение престижа рабочих профессий // Аккредитация в образовании. № 2 (78). С. 54–55.
18. Бедрина Е.Б., Вандышев М.Н., Струин Н.Л., Неклюдова Н.П., Мельникова А.С., Илинбаева Е.А., Тухтарова Е.Х. (2014). Современные подходы к оценке влияния потоков трудовых миграций на социально-экономическое благополучие принимающей территории : Коллективная монография. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН. 153 с.
19. Латова Н.В. (2020). Миграционные установки и предпочтения российских рабочих в контексте концепции человеческого капитала // Социологические исследования. № 10. С. 39–51.

20. Григорьева Н.Н. (2018). Совершенствование работы по подготовке кадров и социально-правовые основы повышения престижа рабочих кадров // Коммуникология: электронный научный журнал. Т. 3. № 2. С. 63–68.

21. Шестопалова О.Н., Окунева Т.В. (2016). Роль университета в образовательных и профессиональных траекториях современной молодежи // Вестник УрГУПС. № 2 (30). С. 100–107.

22. Огородов А.С., Саранчук С.Ю., Чевтаева Н.Г. (2017). Корпоративная сплоченность профессионального сообщества в условиях нестабильности рынка труда промышленного региона // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 17. № 1. С. 83–95.

23. Ваторопин А.С., Чевтаева Н.Г., Ваторо-

пин С.А. (2017). Автоматизация и роботизация как факторы роста технологической безработицы в современном обществе // Вопросы управления. № 4 (47). С. 70–78.

24. Тихонова Н.Е., Каравай А.В., Латова Н.В. (2019). Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. № 4 (97). С. 39–47.

25. Окунева Т.В. (2014). Особенности культуры труда современных рабочих // Дискуссия. № 6 (47). С. 62–69.

26. Темницкий А.А. (2021). Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих. Социологические исследования. № 4. С. 61–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Окунева Татьяна Владимировна – Уральский государственный университет путей сообщения (620034, Россия, Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66); tat-okuneva@list.ru.

Шестопалова Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент; Уральский государственный университет путей сообщения (620034, Россия, Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66); onshestopalova@mail.ru.

WORK CULTURE OF EMPLOYEES AS A FACTOR OF CORPORATE STRATEGY IMPLEMENTATION IN TRANSPORT ENTERPRISE MANAGEMENT

T.V. Okuneva^{10a}, O.N. Shestopalova^{11a}

^aUral State University of Railway Transport

ABSTRACT:

The article reveals the features of the work culture of transport enterprises employees, analyzes their attitude to work and the level of readiness for innovations implemented in the industry. The study of the work attitudes of employees revealed the presence of obstacles in relations between managers and company personnel, which complicates the development of the enterprise, implementation of corporate strategies and introduction of innovations and technologies. This problem requires profound study to identify new tools and management methods aimed at selection of active employees who are able to diagnose and propose ways to resolve the situation. The idea of modernization and innovation of the economy, according to the authors, can be implemented in the context of effective business strategies and models of corporate management to update the issues of transformation of the existing work culture at the enterprise and to promote the search for new forms of organizational relations.

The theoretical and methodological basis of the study includes the fundamental provisions of sociology and economics of labor, management and management theories, as well as the principles of systemic and functional analysis. The empirical basis of the study is the data from the official documents, statistics and

¹⁰RSCI AuthorID: 646364, ORCID: 0000-0001-5561-9634

¹¹RSCI AuthorID: 502771, ORCID: 0000-0001-5601-6245

corporate reports on the activities of the organization, the results of a survey among employees of enterprises in the transport industry in the city of Yekaterinburg and the Sverdlovsk region (654 people were interviewed).

As a result of the study, it has been found that among the difficulties and barriers to the implementation of the corporate management strategy, one can single out a low level of readiness for changes and insufficient innovative potential of all categories of personnel. This is expressed in the absence of active strategies for adaptation to organizational changes and innovations and passive reaction to the anticipated difficulties. The authors note the possibility of value disorientation of modern employees because of the transformation of work culture and increase of the requirements for the quality of organizational relations on the part of personnel and the impossibility of managers to meet these requirements. The respondents make the opposition between the attitude to work as an opportunity to unlock labor potential and the attitude to work as a set of specific conditions and demands of labor activity. Labor has more positive attitudes than work, which creates the prerequisites for the conflict between the manager and subordinates. Insufficient involvement of employees in decision-making processes and the ability to take initiative creates a mismatch in the actions of subjects and objects of managerial influence. In the long term, such a situation may create difficulties in the implementation of corporate, particularly innovative, strategies, and the strategies for human resource management, since it excludes a critical assessment of the proposed innovations and implies greater resistance from the staff.

KEYWORDS: value orientations of employees, work culture, prestige of blue-collar occupations, transformation of labor relations, coordination of corporate interests, adaptation strategies of behavior, partnerships.

FOR CITATION: Okuneva T.V., Shestopalova O.N. (2021). Work culture of employees as a factor of corporate strategy implementation in transport enterprise management, *Management Issues*, no. 4, pp. 137–150.

REFERENCES

1. Mityagina E.V. (2014). The reasons for the loss of prestige of work specialties among young people, ways to overcome negative trends, *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University*, no. 6, pp. 16–27.
2. Okuneva T.V., Shestopalova O.N. (2019). Formation and maintenance of professional expectations of graduates of transport universities in the learning process, *Bulletin of UrGUPS*, no. 3 (43), pp. 100–107.
3. Chevtaeva N.G., Vatoropin A.S. (2019). “Safe flexibility” as a way to adapt youth to new forms of employment in digital society. In: Skvortsov N.G., Avochakov Yu.V. (eds.) Proceedings of the Russian scientific conference with international participation “Youth of the XXI century: the image of the future”. Saint Petersburg. Pp. 437–439.
4. Zdravomyslov A.G., Yadov V.A., Rozhin V.P. (1967). Man and his job (sociological study). Moscow, Mysl'. 392 p.
5. Iovchuk M.T., Kogan L.N. (eds.) (1972). Spiritual world of the Soviet worker: the experience of a specific sociological study. Moscow, Mysl'. 438 p.
6. Edgar H. Schein (2002). Organizational culture and leadership (translation from English). Saint Petersburg, Piter. 336 p.
7. Cameron K., Quinn R. (2001). Diagnosis and change of organizational culture (translation from English). Saint Petersburg, Piter. 320 p.
8. Bolmen L.D., Dil T.E. (2016). Reframing organization: Company as a factory, family, jungle and temple. Moscow, Alpina Publ. 625 p.
9. Shkaratan O.I. (1985). Worker and engineer: Social labor efficiency factors. Moscow, Mysl', 271 p.
10. Toschenko Zh.T. (1998). Social mood – the phenomenon of modern sociological theory and practice, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 21–34.
11. Shatalova N.I. (1999). Employee's labor potential system, *Sociological Studies*, no. 3, pp. 51–54.
12. Shatalova N.I. (2018). Mechanisms of self-regulation and self-development of the employee's labor potential, *Management issues*, no. 6 (55), pp. 135–141.
13. Tikhonova N.E. (2021). Intergenerational reproduction of professional statuses and class affiliation in modern Russian society, *Questions of the theoretical economy*, no. 2, pp. 61–78.
14. Golenkova Z.T. (2015). Interesting worker in modern Russia. Moscow, New chronograph. 368 p.
15. Bessokirnaya G.P. (2020). Satisfaction with the life of workers in modern Russia. In: Mansurov V.A., Ivanova E.Yu. (eds.) Proceedings of the VI Russian sociological congress “Sociology and soci-

ety: traditions and innovations in the social development of the regions” (Tyumen, October 14–16, 2020). Moscow, ROS; FNISC RAS, pp. 4052–4059.

16. Lapshin A., Ivanyuschenkova M. (2017). Kamenshik's System: Interview with Domodedovo Airport Head, *Harvard Business Review*, no. 1, pp. 40–49.

17. Afanasyev M.V., Sharov E.I. (2015). Increasing the prestige of workers' professions, *Accreditation in education*, no. 2 (78), pp. 54–55.

18. Bedrina E.B., Vandyshev M.N., Struin N.L., Neklyudova N.P., Melnikova A.S., Ilinbaeva E.A., Tukhtarova E.Kh. (2014). Modern approaches to assessing the impact of labor migration flows on the socio-economic well-being of the host territory. Collective monograph. Ekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS. 153 p.

19. Latova N.V. (2020). Migration plants and preferences of Russian workers in the context of the concept of human capital, *Sociological Studies*, no. 10, pp. 39–51.

20. Grigoreva N.N. (2018). Improving the work on training and socio-legal framework for improving the prestige of work personnel, *Communication: electronic scientific journal*, vol. 3, no. 2, pp. 63–68.

21. Shestopalova O.N., Okuneva T.V. (2016). The role of the university in educational and professional trajectories of modern youth, *Bulletin of UrGUPS*, no. 2 (30), pp. 100–107.

22. Ogorodov A.S., Saranchuk S.Yu., Chevtavaeva N.G. (2017). Corporate cohesion of the professional community in the conditions of instability of the labor market of the industrial region, *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*, vol. 17, no. 1, pp. 83–95.

23. Vatoropin A.S., Chevtavaeva N.G., Vatoropin S.A. (2017). Automation and robotization as the factors of the growth of technological unemployment in the modern society, *Management issues*, no. 4 (47), pp. 70–78.

24. Tikhonova N.E., Karavay A.V., Latova N.V. (2019). Human capital of Russian workers: state, dynamics, factors, *Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research. Humanitarian and social sciences*, no. 4 (97), pp. 39–47.

25. Okuneva T.V. (2014). Features of the labor culture of modern workers, *Discussion*, no. 6 (47), pp. 62–69.

26. Temnitsky A.L. (2021). Traditions and innovations in the employment of Russian workers, *Sociological Studies*, no. 4, pp. 61–73.

AUTHORS' INFORMATION:

Tatyana V. Okuneva – Ural State University of Railway Transport (66, Kolmogorov St., Ekaterinburg, 620034, Russia); tat-okuneva@list.ru.

Olga N. Shestopalova – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural State University of Railway Transport (66, Kolmogorov St., Ekaterinburg, 620034, Russia); onshestopalova@mail.ru.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

Е.В. Попов^{1а}, В.Л. Симонова^{2а}, И.П. Челак^{3а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

В текущих условиях активное создание и распространение инноваций в их широком понимании представляется базовым фактором выживаемости и устойчивого роста социально-экономических систем и национальной экономики в целом. Приобретая такую направленность вектора развития предпринимательские, платформенные, сервисные, технологические, цифровые и иные производительные общности становятся инновационными экосистемами. При этом недостаточно разработан аналитический аппарат для оценки параметров их развития. Для обеспечения теоретико-практического вклада в формирующийся в экономике и управлении экосистемный подход в статье дано определение инновационной экосистемы высокотехнологичного предприятия, предложена ее схема, основывающаяся на систематизации факторов и заинтересованных сторон. Стейкхолдеры разделены на секторы потребителей, контрагентов (поставщики и конкуренты), институтов публичного управления, социальную и научно-образовательную сферу. Указаны расчетные факторы (или показатели, их характеризующие) каждой выявленной заинтересованной стороны, взаимовлияющей на субъект хозяйствования как ядро экосистемы. Приведены примеры и эффекты перекрестных воздействий в экосистеме, а также ряд противоречий, тормозящих темпы экосистемного генезиса. Предложена авторская гипотеза об аналитической модели оценки инновационной экосистемы высокотехнологичного предприятия, построенная на базе разработанной схемы стейкхолдеров. В рамках проектирования технологий экосистемного управления выдвинуто предположение, что эффективность и устойчивость взаимодействий хозяйствующих субъектов, иных стейкхолдеров экосистемы базируются на принципе баланса их интересов.

В совокупность методов исследования вошли анализ научных публикаций, факторное моделирование, систематизация. Практическим основанием для исследования стала инновационная экосистема крупного производственного предприятия Свердловской области, входящего в корпорацию «Ростех», изучение элементов которой оказало решающее значение в построении стейкхолдерской факторной схемы инновационной экосистемы. Планируемые теоретические и практические направления исследования видятся в уточнении и апробации стейкхолдерской схемы применительно к иным конфигурациям бизнес-моделей, экосистемам социального предпринимательства, раскрытию принципов развития и устойчивости экосистемных связей и взаимодействий в экономических системах.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00333.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стейкхолдеры, инновационная экосистема, показатели среды, высокотехнологичное предприятие, экосистемное управление.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попов Е.В., Симонова В.Л., Челак И.П. (2021). Систематизация факторов развития инновационной экосистемы предприятия // Вопросы управления. № 4. С. 151–165.

¹AuthorID РИНЦ: 44798, ORCID: 0000-0002-5513-5020

²AuthorID РИНЦ: 148845

³AuthorID РИНЦ: 1078978, ORCID: 0000-0001-8770-0533

Введение

В последнее время наблюдается повышение интереса зарубежных и российских авторов, предпринимателей, политиков⁴ к такому междисциплинарному феномену, как инновационные экосистемы (ИЭС) [1–3]. Выдвигаются гипотезы, что пандемийный и посткризисный этап эволюции мировой экономики будут характеризоваться переходом от глобализации к регионализации [4], протекционизму, что может способствовать экосистемной интеграции по территориальному признаку, на мезоуровнях, формированию промышленных экосистем, объединяющих локализованные предприятия в рамках определенной территории [5] в противовес транснациональным компаниям. Указанные тенденции, рост спроса на разнообразие товаров и услуг в экономике [6], требующий модернизации производственных технологий и интенсификации цепочек создания ценности, а также растущие возможности информационно-коммуникационных технологий [7] увеличивают внимание предприятий к реконфигурации бизнес-моделей, усилению стейкхолдерских взаимодействий с элементами внутреннего и внешнего круга собственной инновационной экосистемы [8–10], развитию автономной экосистемы [11], вхождению в орбиту лидирующей на рынке (в отрасли, в регионе) или потенциально более сильной экосистемы.

Актуальность развития теории инновационных экосистем обусловлена намечающимся сдвигом парадигмы хозяйствования и транзитом традиционной экономики фирм к экономике экосистем [8]. На практике это значит, что вам как собственнику или топ-менеджеру компании необходимо анализировать шансы бизнеса в обозримой перспективе и понимать, в какую экосистему войдет в будущем ваша организация, если на основании экспертных оценок будет установлено, что последняя не обладает достаточным потенциалом самой стать привлекательной для других компаний экосистемой. Тенденции в мировой экономике показывают, что если фирма не готова к таким вариантам развития событий, она рискует уйти с рынка.

Можно возразить, что отмеченные сценарии экосистемной стратегии характерны для платформенных типов хозяйствования, моделей B2C, C2C, ориентированных на продажи конечным потребителям массовых услуг, розничных товаров (например, *eBay, Amazon, Alibaba, Uber, СБЕР, Avito, Ozon, Wildberries*), функционирующие благодаря цифровым экосистемам (*Google, Apple*). Число партнерств в таких ИЭС составляет миллионы. Мы согласны с исследователями, утверждающими, что и производственные предприятия для устойчивого развития могут и должны активно встраиваться в экосистемные отношения [16; 19], которые, в частности, позволяют максимизировать положительные эффекты коллаборации, автоматизации и цифровизации [7; 8].

В связи с большой долей занятых сильному влиянию на экономику в целом в России особый исследовательский интерес представляют искусственно созданные (на основании формализованного решения определенных стейкхолдеров, в данном случае – правительственных решений) экосистемы государственных корпораций и входящих в них предприятий, представляющий уникальный и пока должным образом не оцененный опыт формирования экосистем, ядрами которых являются крупные промышленные, производственные предприятия, преимущественно созданные десятки лет назад, в период существования СССР. В экономической теории и в предпринимательской практике недостаточно представлены методы оценки экосистемы промышленных, высокотехнологичных предприятий. Целью настоящего исследования является систематизация факторов (экофакторов) развития инновационной экосистемы промышленного предприятия.

В связи с указанной проблемой в статье сформулированы результаты разработки стейкхолдерской факторной схемы инновационной экосистемы высокотехнологичного предприятия. Выделены ключевые заинтересованные стороны как элементы экосистемы и экофакторы [12], изменения которых, по оценкам исследователей, детерминируют инновационно-экосистемную динамику.

⁴Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021–2030 гг.): Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р.

Понятие инновационной экосистемы предприятия

Применяя телеологический подход в описании предмета исследования, нами постулируется, что экосистема как единство изучаемого экономического субъекта (фирмы, крупного предприятия, платформы, региона) и его среды (пула заинтересованных сторон) признается инновационной при наличии у нее такой основной цели, как создание и распространение инноваций (в широком смысле слова, включая новшества, нововведения, изменения), обеспечивающих приращение дополнительной ценности.

При этом ценность должна формироваться у большинства стейкхолдеров. В такой ситуации опасен феномен (назовем его «экосистемная ловушка»), при котором оппортунистическое, непаритетное поведение в экосистемных взаимодействиях ослабляет всех участников, как *ex ante*, так и *ex post*. Например, чрезмерное вмешательство публичных агентов (регуляторов, правительства, местных органов власти) для максимизации политических (и зачастую псевдо) социальных эффектов может привести к снижению экономических стимулов коммерческой компании – ядра ИЭС. В таком контексте вызывает серьезную озабоченность настроенность самого влиятельного финансового регулятора в России – Центрального банка – активно «регулировать» цифровые экосистемы⁵.

Инструментарий экосистемного подхода позволяет анализировать множество социально-экономических общностей, от мировой экономики в целом до уровня небольших фирм и домохозяйств. Обзор предшествующих актуальных исследований, посвященных анализу экосистем и факторов, влияющих на их развитие, показал недостаточность внимания авторов к изучению особенностей инновационных экосистем высокотехнологичных предприятий.

Так, D. Nepelski и V. Van Roy рассматривают в качестве базиса инновационной экосистемы наднациональный и надорганизационный европейский проект по выявлению и оценке новаторов и инноваций («экосистема совместных исследований и инноваций» [10]).

S.M. Lee, S. Trimi предлагают революционную парадигму об инновационной платформенной экосистеме слияния различных объектов, идей, людей, функций, технологий как самоорганизующемся механизме поиска и решения проблемных ситуаций и создания добавленной стоимости с использованием новых сквозных технологий (искусственного интеллекта, интернета вещей, аналитики больших данных, машинного обучения и т.д.) [11].

J. Kansheba рассматривает инновационную экосистему как результат развертывания способности множества заинтересованных сторон создавать систему взаимосвязанных гетерогенных элементов поддержки предпринимательства на территории [12].

А. Е. Плахин с соавторами [5], а также M. Soldak применяют сетевой подход к описанию изучаемого феномена. В частности, M. Soldak предлагает рассматривать экосистему как устойчивую сеть взаимосвязанных предприятий, основанную на соответствующих производственных технологиях [9].

На фоне указанных концепций авторское видение инновационной экосистемы отдельного предприятия как совокупного множества стейкхолдеров, взаимовлияющих друг на друга в рамках природной, институциональной, социальной и политической среды [13], может быть расценено как нечто традиционное и утилитарное. Однако оно основано на ставшей классической концепции тройной спирали [14], которая не теряет своей применимости в исследованиях различных форм экосистем [15]. Реализуемость научных рекомендаций, практическая возможность моделирования, «картирования» [8] стейкхолдерской модели экосистемы крупной фирмы представляется в условиях неопределенности, вызванной пандемией COVID-19, более уместной для предприятий реального сектора экономики.

Экосистемное управление

Одним из важных следствий предлагаемого стейкхолдерского подхода является акцент на ресурсную и управляющую подсистемы в ИЭС. Инновационная экосистема предприятия — это совокупность активных элементов, встроенных в единую среду, целостность самого предприятия как ядра, его окру-

⁵http://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf.

жения, стейкхолдеров [3; 5]. Поэтому рассматривать экосистему требуется путем выявления средовых и элементных энергетических связей. Если в природной среде энергия развития и взаимодействия прямо или опосредовано обусловлена солнечной активностью, то по аналогии с солярным воздействием в социально-экономических экосистемах энергия связей генерируется благодаря предпринимательской активности. Последняя ответственна за наполнение инновационной экосистемы целями, ресурсами, эффектами, за расширение присутствия экосистемы предприятия в региональной инновационной экосистеме путем вовлечения новых стейкхолдеров (в т.ч. расширение их типологии), интенсификацию эффективных взаимодействий. Предпринимательская энергия вдохновляет инноваторов, обеспечивает работоспособность управляющей подсистемы, которая в свою очередь ответственна за расширенный воспроизводственный цикл на предприятии. Таким образом, необходимо выдвинуть гипотезу о предпринимательской способности как связывающем инновационную экосистему метаресурсе. Отсюда важность грамотной настройки управляющих воздействий в экосистеме, которые бы создавали рамки и дорожные карты развертывания предпринимательской энергии [8]. Если стратегическое управление отвечает за связь внутренней среды организации с ее внешней средой, рассматриваемых дихотомически, то применяя экосистемный подход единства организации с ее внешней средой, мы приходим к выводу о необходимости концептуализации понятия и разработки технологий экосистемного управления.

Направленность на инновационную динамику и поступательное развитие экосистемы зависит от единого видения стейкхолдеров, перманентного обсуждения вопросов взаимодействия, отладки коммуникаций в экосистеме, изменения структуры управления. Так, в качестве приращения аналитического инструментария предлагается добавить к знаменитому треугольнику Энтони, иллюстрирующему три классических уровня менеджмента, четвертый – экосистемное управление (рис. 1).

Рисунок 1 – Уровни управления в социально-экономических системах⁶

Figure 1 – Governance levels in socio-economic systems

Процедура исследования

Объектом исследования является инновационная экосистема высокотехнологичного предприятия. Предметом исследования стали экономические отношения между стейкхолдерами инновационной экосистемы предприятия.

В исследовании применяются методы анализа научной литературы, факторное моделирование, системный анализ и синтез. Информационную базу исследования составили официальные справочно-правовые системы Российской Федерации и Свердловской области, сведения Федеральной службы государственной статистики и Правительства Свердловской области, аналитическая система СПАРК-Интерфакс, открытая отчетность Акционерного общества Производственное объединение «Уральский оптико-механический завод» имени Э. С. Яламова, входящего в государственную корпорацию «Ростех».

Практическим основанием для исследования и финализации стейкхолдерской факторной схемы инновационной экосистемы послужили показатели указанного высокотехнологичного коммерческого предприятия.

Результаты исследования

Анализ научных публикаций показал повышенное внимание исследователей к факторам, на динамику которых способен оказывать существенное влияние менеджмент и персонал предприятия. Поэтому данные факторы можно отнести к эндогенным. В числе последних преобладает группа ресурсных параметров (в первую очередь, нацеленных на рациональное использование факторов производства). К эндогенным факторам также предлагается отнести группу экосистемных перемен-

⁶Источник: разработка авторов на основании [25].

ных развития ИЭС (связанных с технологическими изменениями, инновационной и сетевой активностью, эволюцией бизнес-модели).

В табл. 1 показаны эндогенные факторы, обусловленные спецификой объекта исследования – высокотехнологического предприятия.

Таблица 1 – Эндогенные показатели развития инновационной экосистемы предприятия⁷
Table 1 – Endogenous indicators of the development of the innovation ecosystem of the enterprise

№ п/п	Показатель	Ед. изм.	Источник информ.	Гипотеза ⁸
1	2	3	4	5
1	Ресурсные (экологические) показатели. Набор индикаторов системно дает видение готовности компании следовать современным технологическим и производственным тенденциям, направленным на снижение трансформационных издержек, в том числе в экологических целях (снижение объемов ресурсов и отходов, уменьшение давления на природную среду) путем перехода к бережливому, а в последствии – к безотходному производству, экономике замкнутого цикла			
1.1	Производительность активов [16]. В перспективе пул активов может быть расширен: они могут варьироваться от физических объектов, таких как транспортные средства, станки, недвижимое имущество, до нематериальных активов – знаний, навыков, сервисных услуг и т.д. В упрощенной модели показатель рассчитывается как отношение выручки к стоимости активов	%	Бух. баланс	прямая
1.2	Коэффициент вводимых мощностей [16] (отношение стоимости объектов незавершенного строительства и вводимых активов к общей стоимости активов)	%	Бух. баланс / упр. учет	прямая
1.3	Коэффициент монетизации простаивающих мощностей [16] (отношение выручки от продажи внеоборотных активов к общей выручке)	%	Бух. баланс / упр. учет	прямая
1.4	Коэффициент экономии ресурсов [17]. Рассчитывается как отношение стоимости материальных ресурсов к выручке	%	Бух. баланс / упр. учет	обратная
1.5	Коэффициент бережливого производства (связан с издержками «на потери», появляющимися по причине возникновения брака, конечных, неиспользуемых далее отходов, из-за перепроизводства и т.д.) [17, 18]. Рассчитывается как отношение выручки к указанным издержкам	%	Бух. баланс / упр. учет	обратная
2	Экосистемные показатели, отражающие динамику технологических изменений, инновационную (в том числе научно-образовательную) активность, трансформацию форм хозяйствования [19], уровень корпоративной ответственности компании			
2.1	Коэффициент инновационной активности [10]. Рассчитывается интегрально, сложением субкоэффициентов 2.1.1–2.1.5			
2.1.1	Коэффициент сервитизации [17] – отношение выручки от сервисного обслуживания к общей выручке. Показывает потенциал развертывания перспективных стратегий цифровой, долевой экономики: увеличения процентного соотношения доходов от комплексного обслуживания клиентов, перехода на контракты жизненного цикла и совместного использования ресурсов, технологий (экосистемная динамика с захватом клиентов, поставщиков, конкурентов)	%	Бух. баланс / упр. учет	прямая
2.1.2	Коэффициент динамики взаимодействий [10, 17, 20, 24]. Рассчитывается интегрально, сложением субкоэффициентов 2.1.2.1–2.1.2.5. Связан с полисубъектностью и интенсивностью взаимодействий со стейкхолдерами, в том числе по вопросам инновационной деятельности	%	Бух. баланс / упр. учет	прямая
2.1.2.1	Динамика числа потребителей продукции			
2.1.2.2	Динамика числа поставщиков продукции			
2.1.2.3	Динамика числа научных и образовательных партнеров			
2.1.2.4	Динамика числа партнеров из пула органов власти и местного самоуправления			
2.1.2.5	Динамика числа партнеров из пула общественных организаций к выручке			

⁷Источник: разработки авторов.

⁸Гипотеза об изменении уровня развития ИЭС (прямая или обратная связь).

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
2.1.3	Коэффициент образовательной активности (в части программ по инновационной и управленческой тематике). Рассчитывается интегрально, сложением субкоэффициентов 2.1.3.1-2 (дополняется наличием отдельной структуры, отвечающей за развитие экосистемы (департамент в правлении, комитет в совете директоров и т.д.) [10, 21])	%	Служба HR (кадровый департамент)	прямая
2.1.3.1	Динамика числа обученных			
2.1.3.2	Динамика числа обучений			
2.1.4	Коэффициент интенсивности НИОКР [10, 22] (динамика затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки). Индикатор, не опосредовано, напрямую показывающий внимание и готовность компании к производству новых знаний, к созданию и внедрению инноваций, новых и улучшенных продуктов, услуг, технологий	%	Бух. баланс / упр. учет / НИЦ	прямая
2.2	Коэффициент корпоративной ответственности [3, 22]. Рассчитывается интегрально, сложением субкоэффициентов 2.2.1–5. Описывает проактивную позицию компании по отношению к общественным процессам, проектам. Позволяет выявить системное взаимовлияние компании и социального окружения, ответственность по отношению к обществу за условия и результаты производственной и иной деятельности	%	Бух. баланс / упр. учет / служба соц. маркетинга	прямая
2.2.1	Динамика затрат на социальные проекты			
2.2.2	Динамика затрат на политические проекты			
2.2.3	Динамика затрат на экологические проекты			
2.2.4	Динамика затрат на культурные проекты			
2.2.5	Динамика разницы положительных и отрицательных оценок компании (контент-анализ СМИ и социальных медиа)			
2.3	Сетевой потенциал компании [23]. Рассчитывается интегрально. Позволяет анализировать готовность компании к коллаборации, открытости, сотрудничеству со смежниками и иными стейкхолдерами в условиях цифровой трансформации (эконотроники)	%	Бух. баланс / упр. учет Службы ИТ / CDO	прямая

Выявление экзогенных показателей проводилось путем анализа природы иных, помимо менеджмента и персонала, преимущественно внешних заинтересованных сторон высокотехнологичного предприятия, что привело к концептуализации пяти групп стейкхолдеров инновационной экосистемы:

- потребители как целевая группа функционирования предприятия;
- поставщики и конкуренты (второй сегмент ключевых экономических контрагентов);
- властные структуры;
- общество;
- сектор науки и образования.

Группировка заинтересованных сторон позволила определить показатели, наиболее часто встречаемые в литературе, для оценки роли и характера влияния соответствующего стейкхолдера на развитие экосистемы хозяйствующего субъекта, в первую очередь ее инновационной составляющей.

Стейкхолдерская факторная схема инновационной экосистемы высокотехнологичного

предприятия представлена на рисунке 2. В схеме указаны заинтересованные стороны и связанные с ними факторы (показатели), влияние которых на экосистему носит принципиальный характер.

Как показано на рисунке, в число основных заинтересованных сторон экосистемы предприятия нами было включено 16 стейкхолдеров, для каждого из которых выделены экофакторы (показатели), наибольшим образом влияющие на развитие и качество экосистемных взаимодействий.

В зависимости от схожести выполняемых ролей стейкхолдеры сгруппированы в пять групп. Отметим, что такой важный элемент экосистемы как менеджмент функционально ближе к предпринимательской группе заинтересованных сторон, основу которой составляют конкуренты и поставщики.

В целях обеспечения компактности аналитического инструментария, в отношении указанных пяти групп стейкхолдеров из ближайшего окружения: потребители, конкурен-

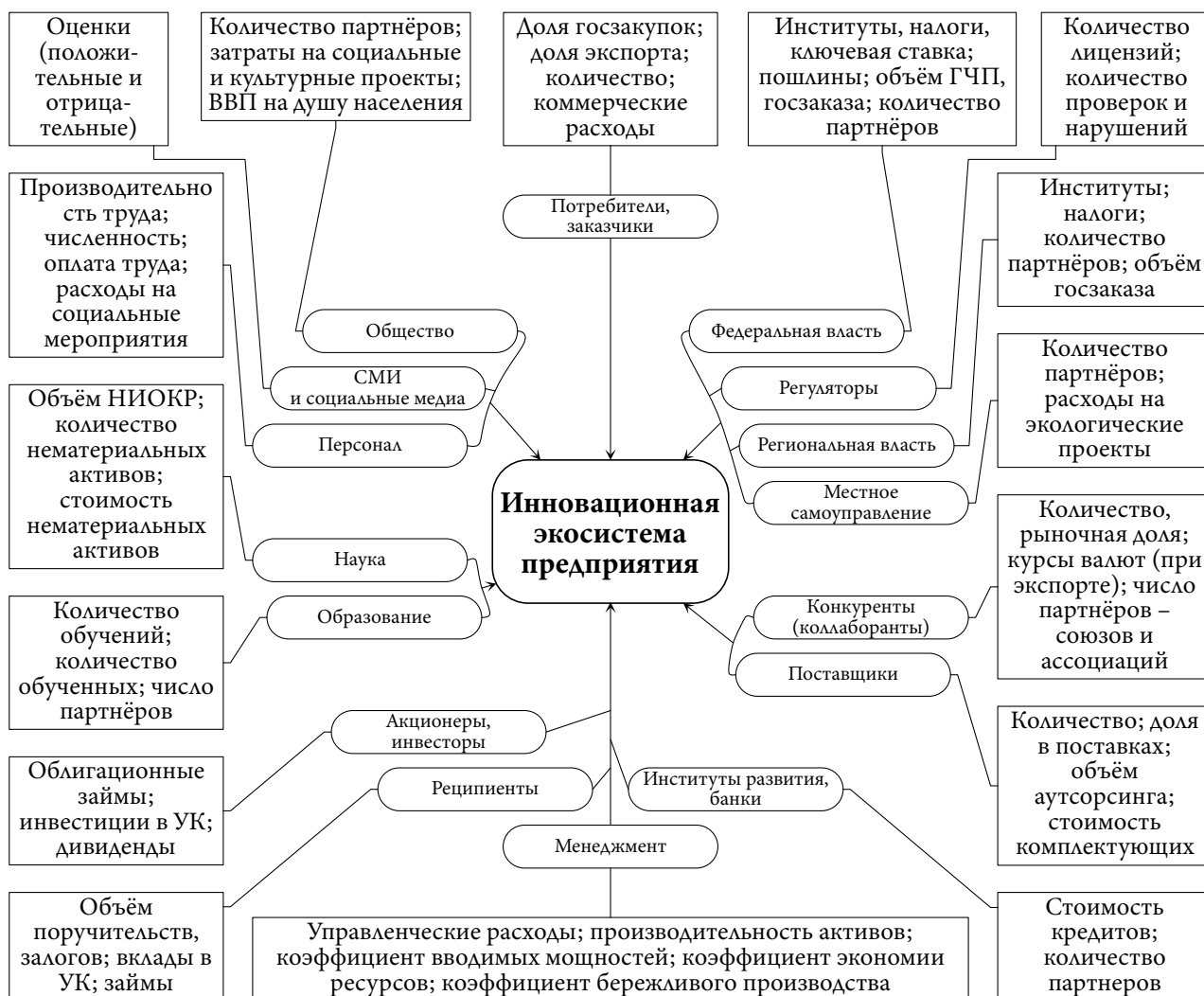

Рисунок 2 – Факторная схема инновационной экосистемы высокотехнологичного предприятия⁹
 Figure 2 – Factorial scheme of the innovation ecosystem of a high-tech enterprise

Рисунок 3 – Реперные показатели влияния стейкхолдеров на инновационную активность предприятия¹⁰
 Figure 3 – Benchmark indicators of the influence of stakeholders on the innovative activity of the enterprise

⁹Источник: разработки авторов.

¹⁰Источник: разработки авторов.

ты и поставщики, власть (федеральная, региональная, а также регуляторы как особый вид государственных органов), общество (включая персонал предприятия, СМИ и социальные медиа), наука и образование – выделены относящиеся к ним результирующие факторные показатели, которые предлагается использовать при построении аналитической модели оценки уровня развития инновационной экосистемы высокотехнологичного предприятия (рис. 3).

Обсуждение

Ранее нами были выявлены порядка 100 факторов (показателей) влияния на развитие инновационных экосистем [26]. Значительная доля факторов проявляется через стратегические параметры внешней среды, ориентиры, сильные и слабые сигналы. В большей мере они характеризуют окружающую экосистему пространство и должны учитываться при реализации соответствующей технологии управления (в первую очередь, стратегического менеджмента). Данные факторы характеризуют зачастую целые направления, секторы среды, могут быть конкретизированы десятками индикаторов. Для расчетов влияния детализированных переменных издержки могут быть достаточно высоки, и не всегда существует возможность расчетов (отсутствие соответствующих алгоритмов, недоступность данных). Многие факторы влияют на экосистему опосредованно.

Экосистемный подход отвечает принципу междисциплинарности. В его рамках уместны широкие обобщения, крупные объекты исследования (национальные экономики, региональные инновационные экосистемы). Здесь значим широкий фронт природных, социальных, политических, финансово-хозяйственных, цифровых (эконотронных) факторов. Создание универсальной и при этом рабочей модели оценки всего круга экосистем представляется большим вызовом для ученых. Поэтому в практических целях необходимы различные методики оценки относительно разнообразных форм экосистем.

Для разработки аналитической модели оценки развития экосистемы высокотехнологичного предприятия мы рассматривали две группы индикаторов, наглядно показываю-

щих условно внутреннюю (эндогенные показатели, табл. 1) и внешнюю (экзогенные показатели, рис. 2) среду экосистемы в ее социально-экономическом аспекте. Финишный выбор индикаторов основан на итогах проведенного контент-анализа, выявившего значительный интерес исследователей как к ресурсным и инновационным измерителям, так и переменным, наиболее отчетливо, комплексно характеризующих экономические и общественно-политические связи предприятия, открытость, уровень инновационного развития его экосистемы.

Для иллюстрации развертывания влияния факторов (показателей) на развитие инновационной экосистемы предприятия приведем пример в части группы стейкхолдеров «власть» и фактора «налоги». Воздействие фискальной составляющей заключается в следующих аспектах. Объем налогового бремени показывает:

- наличие и состояние активов предприятия (земельный налог, налог на имущество, транспортный налог);

- уровень предпринимательской активности (налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, налог на добычу полезных ископаемых, водный налог).

С другой стороны, объем отчислений фиксирует роль предприятия в формировании бюджетных ресурсов муниципалитета, региона, страны. Также можно говорить об опосредованном влиянии предприятия условно второго порядка, путем использования финансовых средств, полученных от хозяйствующего субъекта, для выполнения государственных функций. Кроме того, показатели налоговой динамики могут детерминировать пристальное внимание государственных и муниципальных органов власти и управления к деятельности экономического агента, например, в случае значительного падения объема налоговых отчислений. Интерес со стороны публичных стейкхолдеров в рассматриваемой ситуации не ограничивается собственно фискальной стороной, а распространяется шире. Так, в условиях необходимости обеспечения роста налоговых сборов в долгосрочной перспективе органы власти имеют институциональные возможности и ресурсную ба-

зу оказывать поддержку предприятиям (экспортную, отраслевую, структурную, информационную, организационную и др.).

Также могут быть осязаемы взаимные эффекты от иных воздействий государства: институционального влияния, надзорных мероприятий. Подобным образом каждый фактор в своём разворачивании способен указать на множество точек пересечения интересов и взаимовлияния стейкхолдеров в представленной схеме, как основных, так и периферийных.

Будет справедливо отметить, что такого рода перекрестная зависимость стейкхолдеров в экосистеме бывает не только с положительной окраской. По аналогии с природными экосистемами нарушение баланса «личных» и общих интересов, чрезмерная асимметрия информации между группами стейкхолдеров, неравные возможности заинтересованных сторон, в частности, крупного бизнеса в союзе с государством, с одной стороны, и малого бизнеса, с другой стороны, могут вызвать замедление динамики, ослабевание, терминальные состояния экосистем или их отдельных секторов. Пример из недавнего прошлого – обвал показателей малого и среднего бизнеса при введении многомесячного национального локдауна в 2020 году в большинстве «потребительских» отраслей¹¹, тогда как крупные (системообразующие компании) не только не перешли в режим блокировки деятельности, но и получили значительную материальную поддержку. Отмеченный пример иллюстрирует превалирование интересов крупнейших производителей над малыми в различных секторах экономики, и как следствие, искажения в темпах экосистемного генезиса.

Отсюда для более эффективного развития инновационных экосистем в национальной экономике недостаточно найти в окружении предприятий ключевые заинтересованные стороны и наладить с ними отношения. Для формирования сильных, обоюдовыгодных связей между элементами экосистемы необходимо обеспечение высокого уровня взаимного доверия, соблюдения принципов равноправия, равновесия интересов. Устойчивые экосистемы, находясь структурно на мезоэкономическом уровне хозяйство-

вания, являются ключевым звеном, связывающим микроэкономических и макроэкономических агентов, позволяющим транслировать установки, команды «сверху» и слабые и сильные сигналы «снизу», потенциально предотвращая искажения вертикальной коммуникации в экономике.

Аналитическая модель оценки инновационной экосистемы высокотехнологичного предприятия

Систематизация стейкхолдеров и агрегация ключевых экофакторов (рис. 3) позволяют сформировать следующую гипотезу об аналитической модели оценки инновационной экосистемы высокотехнологичного предприятия, которая описывается следующим уравнением:

$$Y = k_1 \cdot i_{\frac{c}{100}} + k_2 \cdot i_{\frac{b}{100}} + k_3 \cdot i_{\frac{p}{100}} + k_4 \cdot i_{\frac{s}{100}} + k_5 \cdot i_{\frac{es}{100}}, \quad (1)$$

где Y – объем реализованных предприятием инновационных товаров и услуг в общем объеме продаж (как универсальный экономический показатель инновационной активности и результативности предприятия); $i_{\frac{c}{100}}$ – интегрированный показатель факторов (ИПФ) «потребители продукции и услуг» (англ. *customers*); $i_{\frac{b}{100}}$ – ИПФ «конкуренты и поставщики» (англ. *business*); $i_{\frac{p}{100}}$ – ИПФ «власть» (англ. *power*); $i_{\frac{s}{100}}$ – ИПФ «общество» (англ. *society*); $i_{\frac{es}{100}}$ – ИПФ «образование и наука» (англ. *education and science*).

Инновационная продукция как результат деятельности промышленной организации представляется основным экономическим показателем, характеризующим реализацию инновационной экосистемой данной организации своей миссии.

В число показателей сегмента «Потребители продукции и услуг» вошли доля продукции особого назначения и доля экспорта. В зависимости от производственной отраслевой специфики здесь могут быть выбраны альтернативные переменные (например, продукция для оборонных нужд, высокотехнологичные товары, продукция высоких переделов, объем государственного заказа), которые демонстрируют технологический уровень предприятия. Параметры экспорта говорят о кон-

¹¹<https://rosstat.gov.ru/folder/14036>.

курентоспособности продукции предприятия, участвующего в международной торговле.

Приведенные индексы сегмента «Конкуренты и поставщики» показывают отраслевой уровень конкуренции и кооперации в отрасли. При малой степени монополизации возможны развитые сетевые, кластерные эффекты.

Предлагаемые показатели сегмента «Власть» помимо рассмотренных выше эффектов налоговых выплат отражают соблюдение предприятием правил, стандартов, выявляемое при проведении различного рода государственных проверок, а также принятые в отношении рассматриваемой организации нормативно-правовые акты на федеральном и региональном уровне.

В число индикаторов сегмента «Общество» входят:

- отношение средней заработной платы по предприятию к средней заработной плате по региону, показывающее уровень человеческого капитала на предприятии;

- доля расходов на социальные проекты, которая говорит о степени корпоративной ответственности предприятия;

- один из важных показателей эконотроники предприятия, иллюстрирующий как включенность организации в цифровой информационный дискурс, так и отношение активных слоев общества к деятельности предприятия: доля положительных отзывов в средствах массовой информации и социальных медиа в общем числе отзывов.

Последний сегмент агрегированной стейкхолдерской схемы «Наука и образование» раскрывает собственно инновационные аспекты экосистемы: научно-техническую деятельность предприятия и индикаторы взаимодействия с региональным научно-образовательным сектором:

- отношение расходов предприятия на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы к общей сумме расходов;

- доля научных работников в регионе;

- отношение количества партнеров компании из общего числа научных и образовательных организаций в регионе преимущественного присутствия.

Выявленные на основании актуальных научных работ факторы и показатели, тесно связанные с производственно-инновационным, сетевым, социальным потенциалом предприятия, могут быть рассчитаны с использованием ресурсов государственных статистических организаций, по данным бухгалтерской и управленческой отчетности предприятий, открытым сведениям информационно-аналитических систем о компаниях (СПАРК-Интерфакс, СБИС, *RusProfile*). Важной задачей видится создание рабочей расчетной модели, не перегруженной индикаторами, с высокой степенью удобства использования, в том числе обладающей способностью стать управленческим инструментом (например, путем интеграции в существующие модели стратегического и финансово-экономического анализа предприятия).

Выводы

Контент-анализ современных исследований показал, что в научной литературе существует проблема отсутствия развернутой систематизации факторов развития инновационных экосистем предприятий, обусловленная некоторым перекосом научного интереса – повышенным вниманием исследователей к «передовым» (цифровым, платформенным) формам и моделям экосистемных взаимодействий.

В рамках работ по решению указанной проблемы, в качестве приращения научных знаний в статье показана стейкхолдерская факторная схема инновационной экосистемы высокотехнологичного предприятия, позволяющая подойти к анализу экосистем с использованием методологии оценки стейкхолдерских взаимодействий, генерирующих устойчивые эмерджентные эффекты.

Проведена группировка заинтересованных сторон экосистемы и определены их ролевые экофакторы. Для каждой стейкхолдерской группы акторов – клиентской, предпринимательской, властной, общественной, научно-образовательной – экспертным путем с учетом научных результатов современных исследователей выбраны ключевые индикаторы, которые предлагается использовать для аналитической модели оценки инновационной экосистемы предприятия.

Приведены примеры взаимного влияния заинтересованных сторон на основе ряда выявленных факторов взаимодействия. Показана роль справедливого экономического баланса интересов стейкхолдеров, который служит гарантией развития и устойчивости инновационных экосистем, и, как следствие, макроэкономики в целом. Преодоление волюнтаризма государства, лоббизма отдельных крупных «системообразующих» отраслей в противовес малым секторам экономики возможно путем ускорения формирования региональных инновационных экосистем.

В целях моделирования и оценки экосистемного генезиса предложена группировка стейкхолдеров в зависимости от роли последних в экосистеме.

Если говорить о дальнейших исследованиях, предполагаемые теоретико-практические изыскания могут быть сконцентрированы на применении стейкхолдерской схемы инновационной экосистемы (в т.ч. в целях совершенствования инструментария) в отношении различных форм и моделей предпринимательских общностей, а также в отношении экосистем социального и политического предпринимательства, формировании технологий экосистемного управления. В сферу интересов последнего предлагается включить проблемы расчета экономической и социальной эффективности вовлечения предприятия и стейкхолдеров в экосистемные взаимодействия, выхода из них, устранения из ИЭС «токсичных» элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Раменская Л.А. (2020). Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях // *Управленец*. № 4. С. 16–28.
2. Радюкова Я.Ю., Архипова Ю.К., Сутягин В.Ю., Колесниченко Е.А. (2019). Развитие экосистем в современной экономике: возможности и последствия // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. № 9 (6). С. 29–38.
3. Adilson Giovanini, Pablo F. Bittencourt, Maurício Uriona Maldonado (2019). Innovation Ecosystem in Application Platforms: An Exploratory Study of The Role of Users, *Revista Brasileira de Inovação*, Campinas (SP). February, 20. Pp. 1–28.
4. Wang Z., Sun Z. (2020). From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order, *Journal of Chinese Political Science*, 10.1007/s11366-020-09706-3.
5. Плахин А.Е., Ткаченко И.Н., Евсеева М.В. (2020). Архитектура инновационной экосистемы промышленности региона // *Вестник НГИ-ЭИ*. № 8 (111). С. 51–59.
6. Bryson Hilton, Bitá Hajihashemi, Conor M. Henderson, Robert W. Palmatier. (2020). Customer Success Management: The next evolution in customer management practice? *Industrial Marketing Management*, vol. 90, October, Pp. 360–369.
7. Thomson L., Kamalaldin A., Sjödin D., Parida V. (2021). A maturity framework for autonomous solutions in manufacturing firms: The interplay of technology, ecosystem, and business model, *International Entrepreneurship and Management Journal*. 10.1007/s11365-020-00717-3.
8. Madis Talmar, Bob Walrave, Ksenia S. Podoynitsyna, Jan Holmström, A. Georges L. Romme (2020). Mapping, analyzing and designing innovation ecosystems: The Ecosystem Pie Model, *Long Range Planning*, vol. 53, no. 4. 10.1016/j.lrp.2018.09.002.
9. Soldak M.O. (2019). Industrial ecosystems and technological development, *Econ. promisl*, no. 4 (88), pp. 75–91.
10. Daniel Nepelski, Vincent Van Roy (2020). Innovation and innovator assessment in R&I ecosystems: the case of the EU Framework Programme, *The Journal of Technology Transfer*, June 26. Pp. 1–36.
11. Sang M. Lee, Silvana Trimi. (2021). Convergence innovation in the digital age and in the COVID-19 pandemic crisis, *Journal of Business Research*, vol. 123, pp. 14–22.
12. Jonathan Mukiza Peter Kansheba (2020). Small business and entrepreneurship in Africa: the nexus of entrepreneurial ecosystems and productive entrepreneurship, *Small Enterprise Research*, vol. 27, no. 2, pp. 110–124. DOI: 10.1080/13215906.2020.1761869.
13. Попов Е.В., Симонова В.А., Челак И.П. (2020). Стейкхолдерская модель инновационной экосистемы региона // *Инновации*. № 6 (260). С. 46–53.

14. Carayannis E., Campbell D. (2010). Triple Helix, Quadruple Helix and Quintuple Helix and How Do Knowledge, Innovation and the Environment Relate To Each Other? A Proposed Framework for a Trans-disciplinary Analysis of Sustainable Development and Social Ecology, *International Journal of Social Ecology and Sustainable Development*, vol. 1, pp. 41–69.
15. Admore Tutsirayi Nyamaka, Adele Botha, Judy Van Biljon, Mario Alphonso Marais. (2020). The components of an innovation ecosystem framework for Botswana's mobile applications, *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, vol. 86, no. 6. 10.1002/isd2.12137.
16. Vinit Paridaa, Thommie Burström, Ivanka Visnjic, Joakim Wincenta (2020). Orchestrating industrial ecosystem in circular economy: A two-stage transformation model for large manufacturing companies, *Journal of Business Research*, August, vol. 101, pp. 715–725.
17. Donata Siuskaite, Vaida Pilinkiene, Dainius Zvirdauskas (2019). The Conceptualization of the Sharing Economy as a Business Model, *Inzinerine Ekonomika – Engineering Economics*, vol. 30, no. 3, pp. 373–381.
18. Маркова Н.А., Марков Д.А. (2018). Проблемы внедрения концепции бережливого производства на предприятиях // *Управленец*. Т. 9. № 6. С. 40–48.
19. Орехова С.В., Мисюра А.В., Кислицын Е.В. (2020). Управление возрастающей отдачей высокотехнологичной бизнес-модели в промышленности: классические и экосистемные эффекты // *Управленец*. Т. 11. № 4. С. 43–58.
20. Anna Lütje, Volker Wohlgemuth (2020). Requirements Engineering for an Industrial Symbiosis Tool for Industrial Parks Covering System Analysis, Transformation Simulation and Goal Setting, *Administrative Sciences*, vol. 10, no. 1. pp. 1–24.
21. Omar Valdez-De-Leon (2018). How to Develop a Digital Ecosystem: a Practical Framework, *Technology Innovation Management Review*, no. 12, pp. 43–54.
22. Jarrod Ormiston (2019). Blending practice worlds: Impact assessment as a transdisciplinary practice, *Business Ethics: A European Review*, vol. 28, no. 4, pp. 423–440.
23. Попов Е.В., Симонова В.Л., Тихонова А.Д. (2020). Сетевой потенциал фирмы в условиях цифровизации экономической деятельности // *Журнал экономической теории*. Т. 17. № 1. С. 117–129.
24. Tarald O. Kvålseth (2018). Relationship between concentration ratio and Herfindahl-Hirschman index: A re-examination based on majorization theory, *Heliyon*, vol. 4, no. 10. [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(18\)30297-4](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(18)30297-4).
25. Anthony R.N., Govindarajan V. (2000). *Management Control Systems* (10th international edition). New York, McGraw-Hill Irwin. 784 p.
26. Попов Е.В., Челак И.П. (2020). Факторы влияния на развитие инновационных экосистем // *Сборник материалов VII Летней школы по институциональной и эволюционной экономике*. Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет. С. 52–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Попов Евгений Васильевич – доктор экономических наук, профессор; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); erorov@mail.ru.

Симонова Виктория Львовна – кандидат экономических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); vlsimonova1409@gmail.com.

Челак Игорь Павлович – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); chelak@mail.ru.

CLASSIFICATION OF THE FACTORS OF AN ENTERPRISE INNOVATION ECOSYSTEM DEVELOPMENT

E.V. Popov^{12a}, V.L. Simonova^{13a}, I.P. Chelak^{14a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

In the current environment, the active development and implementation of innovations in their broad sense become the basic factor of survival and sustainable growth of socio-economic systems and the national economy as a whole. Following this trend, entrepreneurial, platform, service, technological, digital and other enterprises become innovative ecosystems. At the same time, the analytical apparatus for assessing the parameters of their development is not sufficiently developed. In order to provide a theoretical and practical contribution to the ecosystem approach emerging in the economy and management, the article defines the innovation ecosystem of a high-tech enterprise and suggests its scheme based on the classification of stakeholders. Stakeholders are divided into sectors of consumers, contractors (suppliers and competitors), public administration institutions, social and scientific and educational spheres. The calculated factors (or indicators that characterize them) of each party that mutually influence the business entity as the core of the ecosystem are indicated. Examples and effects of cross-impacts in the ecosystem are given, as well as a number of contradictions that slow down the pace of ecosystem development. The author proposes a hypothesis about the analytical model for assessing the innovation ecosystem of a high-tech enterprise based on the classification of stakeholders. Within the framework of the ecosystem management technologies, it is suggested that the efficiency and stability of interactions between economic entities and other stakeholders of the ecosystem are based on the principle of balancing their interests.

The set of research methods includes the analysis of scientific publications, factor modeling and classification. The practical basis for the study is the innovation ecosystem of a large production enterprise of the Sverdlovsk region, which is part of the Rostec Corporation. The theoretical and practical contributions of the research are the clarification and approbation of the stakeholder scheme of the innovation ecosystem in different business models and ecosystems of social entrepreneurship. Besides the paper discusses the principles of development and sustainability of ecosystem relations and interactions in economic systems.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-010-00333.

KEYWORDS: stakeholder, innovation ecosystem, environmental indicators, high-tech enterprise, ecosystem management.

FOR CITATION: Popov E.V., Simonova V.L., Chelak I.P. (2021). Classification of the factors of an enterprise innovation ecosystem development, *Management Issues*, no. 4, pp. 151–165.

REFERENCES

1. Ramenskaya L.A. (2020). Application of the concept of ecosystems in economic and managerial research, *Upravlenets – The Manager*, no. 4, pp. 16–28.
2. Radyukova Ya.Yu., Arkhipova Yu.K., Sutya-
gin V.Yu., Kolesnichenko E.A. (2019). Ecosystem development in the modern economy: opportuni-
ties and consequences, *News of the South-West State University. Series: Economy. Sociology. Management*, no. 9 (6), pp. 29–38.
3. Adilson Giovanini, Pablo F. Bittencourt, Mau-
ricio Uriona Maldonado (2019). Innovation Ecosys-
tem in Application Platforms: An Exploratory Study

¹²RSCI AuthorID: 44798, ORCID: 0000-0002-5513-5020

¹³RSCI AuthorID: 148845

¹⁴RSCI AuthorID: 1078978, ORCID: 0000-0001-8770-0533

of The Role of Users, *Revista Brasileira de Inovação*, Campinas (SP). February, 20. Pp. 1–28.

4. Wang Z., Sun Z. (2020). From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order, *Journal of Chinese Political Science*, 10.1007/s11366-020-09706-3.

5. Plakhin A.E., Tkachenko I.N., Evseeva M.V. (2020). Architecture of the Innovation Ecosystem of the Industry of the region, *Bulletin of NGIEI*, no. 8 (111), pp. 51–59.

6. Bryson Hilton, Bitá Hajihashemi, Conor M. Henderson, Robert W. Palmatier. (2020). Customer Success Management: The next evolution in customer management practice? *Industrial Marketing Management*, vol. 90, October, Pp. 360–369.

7. Thomson L., Kamalaldin A., Sjödin D., Parida V. (2021). A maturity framework for autonomous solutions in manufacturing firms: The interplay of technology, ecosystem, and business model, *International Entrepreneurship and Management Journal*. 10.1007/s11365-020-00717-3.

8. Madis Talmar, Bob Walrave, Ksenia S. Podynitsyna, Jan Holmström, A. Georges L. Romme (2020). Mapping, analyzing and designing innovation ecosystems: The Ecosystem Pie Model, *Long Range Planning*, vol. 53, no. 4. 10.1016/j.lrp.2018.09.002.

9. Soldak M.O. (2019). Industrial ecosystems and technological development, *Econ. promisl*, no. 4 (88), pp. 75–91.

10. Daniel Nepelski, Vincent Van Roy (2020). Innovation and innovator assessment in R&I ecosystems: the case of the EU Framework Programme, *The Journal of Technology Transfer*, June 26. Pp. 1–36.

11. Sang M. Lee, Silvana Trimi. (2021). Convergence innovation in the digital age and in the COVID-19 pandemic crisis, *Journal of Business Research*, vol. 123, pp. 14–22.

12. Jonathan Mukiza Peter Kansheba (2020). Small business and entrepreneurship in Africa: the nexus of entrepreneurial ecosystems and productive entrepreneurship, *Small Enterprise Research*, vol. 27, no. 2, pp. 110–124. DOI: 10.1080/13215906.2020.1761869.

13. Popov E.V., Simonova V.L., Chelak I.P. (2020). Stakeholder model of the innovative ecosystem of the region, *Innovation*, no. 6 (260), pp. 46–53.

14. Carayannis E., Campbell D. (2010). Triple Helix, Quadruple Helix and Quintuple Helix and How Do Knowledge, Innovation and the Environment Relate To Each Other? A Proposed Framework for a Trans-disciplinary Analysis of Sustainable De-

velopment and Social Ecology, *International Journal of Social Ecology and Sustainable Development*, vol. 1, pp. 41–69.

15. Admore Tutsirayi Nyamaka, Adele Botha, Judy Van Biljon, Mario Alphonso Marais. (2020). The components of an innovation ecosystem framework for Botswana's mobile applications, *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, vol. 86, no. 6. 10.1002/isd2.12137.

16. Vinit Paridaa, Thommie Burströmc, Ivanka Visnjicd, Joakim Wincenta (2020). Orchestrating industrial ecosystem in circular economy: A two-stage transformation model for large manufacturing companies, *Journal of Business Research*, August, vol. 101, pp. 715–725.

17. Donata Siuskaite, Vaida Pilinkiene, Dainius Zvirdauskas (2019). The Conceptualization of the Sharing Economy as a Business Model, *Inzinerine Ekonomika – Engineering Economics*, vol. 30, no. 3, pp. 373–381.

18. Markova N.A., Markov D.A. (2018). Problems of implementation of the concept of crumbling production at enterprises, *Upravlenets – The Manager*, vol. 9, no. 6, pp. 40–48.

19. Orekhova S.V., Misyura A.V., Kislitsyn E.V. (2020). Management of an increasing return of a high-tech business model in industry: classic and ecosystem effects, *Upravlenets – The Manager*, vol. 11, no. 4, pp. 43–58.

20. Anna Lütje, Volker Wohlgemuth (2020). Requirements Engineering for an Industrial Symbiosis Tool for Industrial Parks Covering System Analysis, Transformation Simulation and Goal Setting, *Administrative Sciences*, vol. 10, no. 1. pp. 1–24.

21. Omar Valdez-De-Leon (2018). How to Develop a Digital Ecosystem: a Practical Framework, *Technology Innovation Management Review*, no. 12, pp. 43–54.

22. Jarrod Ormiston (2019). Blending practice worlds: Impact assessment as a transdisciplinary practice, *Business Ethics: A European Review*, vol. 28, no. 4, pp. 423–440.

23. Popov E.V., Simonova V.L., Tikhonova A.D. (2020). The network potential of the company in the conditions of digitalization of economic activity, *Journal of economic theory*, vol. 17, no. 1, pp. 117–129.

24. Tarald O. Kvålseth (2018). Relationship between concentration ratio and Herfindahl-Hirschman index: A re-examination based on majorization theory, *Heliyon*, vol. 4, no. 10. [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(18\)30297-4](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(18)30297-4).

25. Anthony R.N., Govindarajan V. (2000). Man-

agement Control Systems (10th international edition). New York, McGraw-Hill Irwin. 784 p.

26. Попов Е.В., Челак И.П. (2020). Factors of influence on the development of innovative ecosys-

tems. In: Proceedings of the materials of VII Summer School on the institutional and evolutionary economy. Khanty-Mansiysk, Ugra State University, pp. 52–66.

AUTHORS' INFORMATION:

Evgeniy V. Popov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); epopov@mail.ru.

Viktoriya L. Simonova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); vlsimonova1409@gmail.com.

Igor P. Chelak – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); chelak@mail.ru.

УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ УНИВЕРСИТЕТА: КОНКУРС НА ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

А.Э. Федорова^{1а}, Е.Б. Власова^а

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Одним из инструментов повышения конкурентоспособности образовательной организации высшего образования и повышения качества профессорско-преподавательского состава является конкурсный отбор претендентов на замещение должностей педагогических работников. Цель представленного в статье исследования состоит в анализе эффективности конкурсной процедуры, реализуемой в крупном российском университете, и поиске путей ее совершенствования как инструмента повышения кадрового потенциала высшей школы. По результатам применения в течение года новой системы балльной оценки образовательной и научно-исследовательской деятельности претендентов на должности профессорско-преподавательского состава авторами проведено анкетирование членов конкурсных комиссий институтов вуза как участников одного из этапов конкурса. Опрос позволил выявить достоинства и недостатки действующей в университете конкурсной процедуры. Среди основных проблем респонденты отмечают недостаточное количество альтернативных конкурсов, сложность привлечения к конкурсу внешних претендентов, стремление коллективов кафедр сохранить «своих», даже низко продуктивных сотрудников, отсутствие ряда необходимых показателей оценки. На основе изучения теоретических материалов и опыта практической деятельности в университете, анализа практики других вузов авторами предложены направления совершенствования конкурса профессорско-преподавательского персонала. Исследование вносит вклад в поиск решений по одной из наиболее обсуждаемых сегодня задач привлечения в университет и отбора квалифицированных кадров, имеющих глубокие профессиональные знания, значимые научные достижения в соответствующих отраслях науки, обладающих творческим, научным потенциалом, высокими интеллектуальными и нравственными качествами претендентов на замещение должностей профессорско-преподавательского состава.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ гранта «Разработка инструментария оценки влияния социального загрязнения трудовых отношений на благополучие работников в условиях цифровизации экономики» № 19-010-00705.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кадровый потенциал университета, профессорско-преподавательский состав, конкурсный отбор, оценка результативности, результативность претендентов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федорова А.Э., Власова Е.Б. (2021). Управление кадровым потенциалом университета: конкурс на замещение должностей научно-педагогических работников // Вопросы управления. № 4. С. 166–178.

Введение

Ключевым ресурсом эффективности реализации модернизационных процессов в системе высшего образования является кадровый потенциал вуза. Авторы разделяют точку зрения исследователей, рассматривающих под кадровым потенциалом вуза человеческий капитал, определяющий масштабы производ-

ства образовательных услуг, количество и качество выпускников с определенным запасом конкурентоспособности. Здесь под человеческим капиталом подразумевается не только количество и качество персонала, но и система внутриорганизационных отношений [1].

Цели, стоящие перед современным высшим образованием, предопределяют специ-

¹AuthorID РИНЦ: 460187, ORCID: 0000-0002-4600-6489, ScopusID: 57008834300, ResearcherID: E-5944-2013

фику научно-педагогической деятельности в университете, что отражается на требованиях, предъявляемых к личности преподавателя [2; 3]. При разработке стратегии и политики развития кадрового потенциала вуза, в полной мере обеспечивающих достижение мирового уровня, важнейшее значение имеет соответствие компетенций академического персонала требованиям международных стандартов высшей школы [4; 5]. От современного педагогического работника вуза сегодня требуется быть не только эффективным преподавателем, но и исследователем, создателем новых знаний и конкурентоспособных образовательных продуктов, в т. ч. в электронной среде [6; 8].

В настоящее время среди управленческих инструментов повышения качества кадрового потенциала университета выделяются такие:

- оценка результативности научно-педагогических работников по критериям, соответствующим стратегическим целям вуза (публикационная активность, научная, проектная деятельность, эффективность преподавательской деятельности и т. д.);

- эффективный контракт, включающий показатели образовательной (учебной, учебно-методической), научно-исследовательской (исследовательской, экспертной) и организационной (участие в работе коллегиальных органов, сервисах студентов, административной работе) деятельности;

- система открытого найма на позиции научно-педагогических работников, обеспечение реального конкурсного отбора;

- определение требований к результатам работы продуктивных специалистов;

- точечный поиск и привлечение продуктивных специалистов, имеющих высокие показатели публикационной, научно-исследовательской и проектной активности;

- привлечение молодых российских кандидатов и докторов наук (с участием в их публичных защитах), формирование для них специальных предложений (на позиции стажеров-исследователей, в исследовательские проекты и на образовательные программы);

- открытый конкурс с определенными критериями для приглашения постдоков, обладателей степеней PhD зарубежных университетов.

Очевидно, что открытый конкурс и конкурентный отбор кандидатов с высоким уровнем профессионально-личностного развития на замещение должностей научно-педагогических работников является одним из эффективных методов развития потенциала профессорско-преподавательского состава [9–11].

Конкурсный порядок отбора академического персонала является традиционным для российской высшей школы. Правовая основа конкурсного отбора до сих пор остается дискуссионным вопросом [12–17]. Необходимость проведения конкурса неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ и подвергалась критике со стороны ученых [18–19]. В определениях Конституционного суда РФ и судебных актах судов общей юрисдикции подчеркивается, что при проведении конкурса образовательное учреждение высшего образования производит отбор профессорско-преподавательских кадров, исходя из:

- всесторонней оценки профессиональных, деловых, творческих и нравственных качеств претендентов, необходимых для надлежащего выполнения задач, возложенных на научно-педагогический коллектив университета законом об образовании;

- способности выполнять ими в составе конкретного научно-педагогического коллектива работу по должности, на замещение которой они претендуют, имея в виду возложенные на высшее учебное заведение задачи по удовлетворению потребностей обучающихся в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, что гарантируется специальной процедурой принятия решения.

На практике часто возникает вопрос о праве образовательных организаций высшей школы расширять, конкретизировать или дополнять квалификационные требования, установленные для профессорско-преподавательского состава нормативными правовыми актами. Расширение требований к работникам по сравнению с требованиями, установленными законодательством, может рассматриваться как ущемление интересов претендентов на замещение должностей научно-педагогических работников. Однако практические работники высшего образования, как прави-

ло, занимают позицию, в соответствии с которой университет как работодатель должен иметь все полномочия в части самостоятельного подбора работников для выполнения тех или иных трудовых функций, что согласуется с положениями абз. 7 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». Подтверждение этой позиции можно найти в принимаемых образовательными организациями локальных нормативных актах, которыми устанавливаются соответствующие требования.

В некоторых судебных актах делается вывод о том, что квалификационные справочники устанавливают только минимальные квалификационные требования, предъявляемые к претендентам. Действующим законодательством образовательной организации высшего образования предоставлено право устанавливать дополнительные квалификационные требования к претендентам на замещение должностей профессорско-преподавательского состава. Следовательно, предъявление дополнительных квалификационных требований к претендентам не противоречит действующему законодательству. Университет своими локальными актами закрепляет дополнительные требования к претендентам, что служит инструментом отбора квалифицированных профессионалов и повышения качества кадрового потенциала.

Институты избрания по конкурсу на должности научно-педагогических работников вузов претерпели существенные изменения в теоретическом и практическом аспектах, но при этом сама процедура конкурса практически не менялась: должности заведующих кафедрами, профессоров, доцентов, старших преподавателей, преподавателей и ассистентов замещаются сроком до пяти лет; отбор проводится на Ученых советах, которому предшествует обсуждение кандидатуры на заседании соответствующей кафедры; решение принимается тайным голосованием [20–22].

В применяемом в настоящее время Положении «О порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу»², не нашли отражения многие вопросы организации и проведения конкурса, которые традиционно включались в ранее действовавшие нормативные документы. Авторы ограничились изложением лишь основных концептуальных идей проведения конкурса [23]. Главной особенностью положения является предоставление возможности проведения заочного конкурса на должности профессора и доцента среди ведущих мировых ученых, имеющих официальное приглашение для работы в данную образовательную организацию. Данный тезис позволяет повысить уровень конкуренции на рынке труда научно-педагогических работников.

Методы исследования

Объектом исследования является крупный российский университет, декларирующий свою миссию как повышение международной конкурентоспособности региона и обеспечение реиндустриализации, наращивание человеческого и научно-технического потенциала, сбалансированное обновление традиционных и развитие постиндустриальных отраслей экономики России, в первую очередь на территории федерального округа.

В 2019–2020 гг. доля профессорско-преподавательского персонала исследуемого университета составила около 35 % общей численности работников по основному месту работы и немногим более 50 % от общей численности работников по внешнему совместительству. Численность научно-педагогических работников по основному месту работы, имеющих ученую степень, сохранялась в пределах 1,5 тыс. человек. Соотношение профессорско-преподавательского состава в 2019–2020 гг. по возрастным группам практически не изменилось: наибольшая доля преподавателей находится в возрасте от 40 до 59 лет (39,2 %) и старше 60 лет (35,6 %).

²Об утверждении Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу : Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.07.2015 № 749 // КонсультантПлюс. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187627/ (дата обращения: 15.05.2020).

Порядок организации и проведения конкурса на должности ассистента, преподавателя, старшего преподавателя, доцента и профессора³, а также процедура избрания заведующего кафедрой в университете определены Положением о конкурсе на замещение должностей научно-педагогическим работников. В период с сентября 2019 г. по май 2020 г. было объявлено 2 035 вакансий в связи с тем, что более 80 % преподавателей имеют трудовые договоры сроком от двух до трех лет: двухлетний – 70,6 %, трехлетний – 7,7 %, четырехлетний – 2,1 % и пятилетний – 19,6 %. При этом в подавляющем большинстве случаев конкурсы проходят на безальтернативной основе (1 претендент на 1 вакансию). В 2019–2020 учебном году лишь 28 случаев альтернативных конкурсов имели место на все объявленные вакансии, что составляет 1,4 % от общего числа проводимых конкурсов.

Конкурсная процедура исследуемого университета состоит из 4 этапов:

1. Объявление конкурса. Основанием является заявка директора института об объявлении конкурса. Как правило, на вакантные с 1 сентября следующего учебного года должности или для перевода на другие должности в текущем учебном году.

2. Подача заявлений об участии в конкурсе и иных документов претендентов. Прием этих документов производится по адресам и в сроки, указанные в объявлении.

3. Рассмотрение претендентов на замещение должностей на заседаниях конкурсных комиссий институтов и собраниях научно-педагогических работников кафедр.

Конкурсные комиссии институтов в соответствии с Рекомендациями по дополнительным требованиям и показателям балльной оценки результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности претендентов на замещение должностей ППС оценивают образовательную и научно-исследовательскую деятельности претендентов на должности ППС и устанавливают рекомендуемый срок трудового договора по результатам

прохождения конкурса. В случаях несоответствия предъявляемым требованиям к должности (отсутствие ученой степени и/или звания, стажа научно-педагогической работы) претендентов, являющихся высококвалифицированными специалистами, вопросы об их допуске к участию в конкурсе рассматриваются на заседании Аттестационной комиссии для профессорско-преподавательского состава.

4. Избрание на Ученом совете института (при делегировании им полномочий) или университета.

Основными факторами, формирующими требования к конкурсу в исследуемом университете, выступают:

– дорожная карта, направленная на усиление кадрового потенциала университета и внедрение процедуры открытого конкурсного отбора;

– профессиональные стандарты и аккредитационные требования, соответствие претендентов на должности профессорско-преподавательского состава требованиям к квалификации профессорско-преподавательского персонала;

– эффективный контракт как элемент соответствия критериев оценки претендентов критериям оценки результативности деятельности научно-педагогических работников;

– новые образовательные технологии, наличие и развитие компетенций в области онлайн-образования, использования электронных образовательных ресурсов и т. п.

Таким образом, конкурс является одним из ключевых управленческих механизмов в университете и реализует принцип повышения качества кадрового потенциала университета через снижение численности научно-педагогических работников с низкими показателями результативности и повышение численности работников с высокими результатами труда.

В 2019 г. введена в действие система балльной оценки результативности образовательной и научно-исследовательской деятельности претендентов на должности профессорско-преподавательского состава, были оцене-

³Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций : Постановление Правительства РФ от 08.03.2013 № 678 // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4817b8be82dcbc1b9.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

ны 1 334 претендента. В ходе выполнения проведения оценки выявлены организационные и технические проблемы. Для оценки эффективности конкурсного отбора претендентов на замещение должностей профессорско-преподавательского состава авторами в декабре 2020 г. проведено анкетирование членов конкурсных комиссий институтов исследуемого университета. Анкета включает 14 вопросов открытого и закрытого типов. Цель анкетирования заключалась в получении мнения членов конкурсных комиссий о степени формальности и эффективности конкурсной процедуры, ее роли в развития кадрового потенциала вуза, значимости и валидности показателей балльной оценки, необходимости корректировки подходов к оценке претендентов. Всего в опросе приняли участие 65 респондентов.

Результаты исследования

Опрос показал, что, по мнению 75,4 % респондентов, конкурс на замещение должностей профессорско-преподавательского состава происходит с учетом реальных результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности. При этом 78,5 % участников опроса считают, что введение балльной

оценки результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности кандидатов на должности ППС способствует повышению объективности принятия решений конкурсной комиссии. Наиболее значимыми результатами образовательной деятельности научно-педагогического работника респонденты назвали создание учебника, учебного пособия, электронно-образовательного ресурса, фондов оценочных средств (76,9 %), подготовку и реализацию нового курса (56,9 %) (рис. 1).

По мнению респондентов, наиболее значимыми результатами научной деятельности претендентов является количество научных публикаций, индексируемых в Web of Science и (или) Scopus (83,1 %), количество научных публикаций, вошедших в «Перечень ВАК», и защита диссертации на соискание ученой степени (по 63,1 %) (рис. 2).

В целом, респонденты отметили, что введение балльной оценки результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности претендентов позволило многим работникам увеличить срок трудового договора (58,5 %) и стимулировало научно-педагогических работников к выполнению показателей деятельности университета (41,5 %).

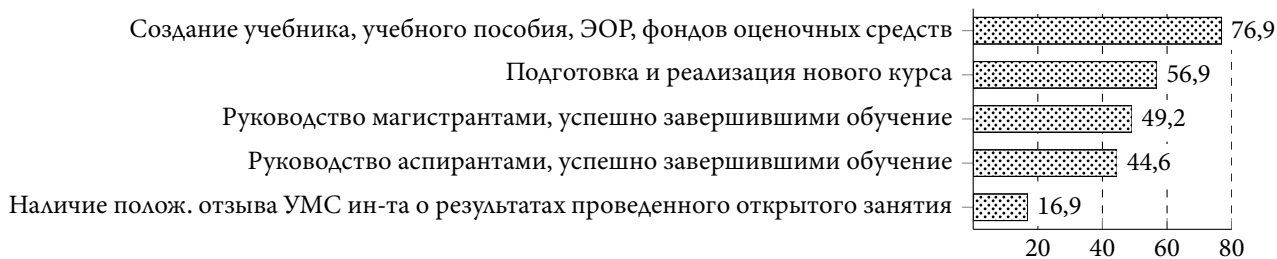

Рисунок 1 – Оценка значимости критериев оценки результатов образовательной деятельности для принятия положительного решения конкурсной комиссией в отношении претендентов на должность ППС, %

Figure 1 – Assessment of the significance of the criteria for assessing the results of educational activities for a positive decision by the competition commission in relation to applicants for the position of teaching staff, %

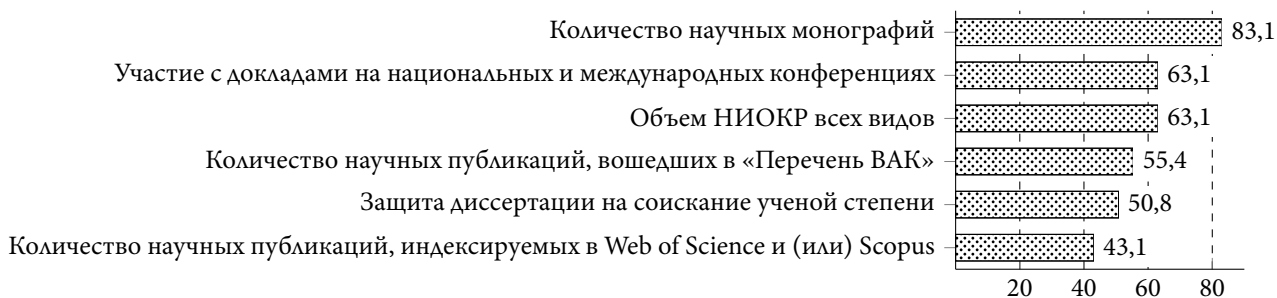

Рисунок 2 – Оценка значимости критериев оценки результатов научно-исследовательской деятельности для принятия положительного решения конкурсной комиссией в отношении претендентов на должность ППС, %

Figure 2 – Evaluation of the significance of the criteria for evaluating the results of scientific-research activities for a positive decision by the competition committee in relation to applicants for the position of teaching staff, %

Интересен тот факт, что немногим менее половины респондентов (46,2 %) считают возможным работу в составе конкурсной комиссии научно-педагогических работников, не имея собственных результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности, но занимая активную жизненную позицию. Балльная оценка результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности претендентов является эффектив-

ным инструментом для принятия решений о рекомендуемом конкурсной комиссией сроке трудового договора (67,7 % опрошенных).

Обобщение комментариев и рекомендаций опрошенных членов конкурсных комиссий по направлениям совершенствования действующего в университете конкурса на замещение должностей профессорско-преподавательского состава представлено в форме результатов нарративного анализа (табл. 1).

Таблица 1 – Нарративный анализ комментариев и рекомендаций респондентов, данных в свободной форме⁴
Table 1 – Narrative analysis of comments and recommendations of respondents, given in free form

Нарративы респондентов	Элементы конкурса
1	2
<i>Комментарии респондентов</i>	
«Наличие двух претендентов на одну должность – редчайший случай» • «Конкурс – это наличие двух или более претендентов. В институте этого нет» • «Балльный формализм возможен только при реальном конкурсе» • «Показатели были бы значимы при наличии альтернативного конкурса, но его, как правило, нет» • «Количество альтернативных конкурсов (участие 2 и более претендентов на 1 вакансию) увеличилось по сравнению с предыдущим периодом» • «По-прежнему конкурс организуется под конкретную фамилию, поэтому фактически конкурса нет, есть только ограничение, на сколько лет избирать» • «Конкурсная комиссия может повлиять на улучшение показателей конкретного подразделения, но не всегда может помочь от избавления несознательной части ППС, так называемого "болота пока нет реального конкурса, превышающего требуемое количество ППС»	Альтернативный конкурс
«Формальный подход присутствует, реальные результаты в некоторых случаях учитываются и влияют» • «Результаты рассматриваются, но решение принимается на более широких основаниях, в щадящей логике» • «Считаю необходимым понизить необходимый предел баллов для заключения договор на определенный срок. Частые переизбрания не способствуют улучшению качества, а вынуждают работников гнаться за сиюминутными показателями, не способствующими общему повышению уровня. Умеючи – долго!» • «Качество решений конкурсных комиссий повысится, если они будут сформированы не по институтам, а по отраслям науки (гуманитарные, естественные, технические, социальные и др.» • «ППС не обязан заниматься НИР»	Принятие решений конкурсной комиссией
«Требуется [балльная оценка – прим. авт.] корректировки для возможности в ряде случаев учета "нецифруемых" качеств» • «Ни один из предложенных вариантов [критериев балльной оценки – прим. авт.] не является универсальным для всех категорий ППС» • «[критерии балльной оценки образовательной деятельности – прим. авт.] зависят от того направления работы, которое задает заведующий кафедрой (руководитель образовательной программы)» • «Это чистая профанация, миллионы статей в год, которые никому не нужны. Чисто бухгалтерский подход к науке!» • «Административная деятельность (например, деятельность руководителя образовательной программы), профориентационная работа вообще не включаются в балльную оценку»	Критерии оценки
«Желание кафедры иметь данного сотрудника в своем штате. Кафедральные связи крепки» • «Позволило многим работникам университета из числа ППС получить лишь минимально возможный срок контракта и увеличило частоту оформления бумаг» • «Уменьшилась значимость решения конкурсной комиссии и Ученого совета института» • «Появление конкурсной комиссии в процедуре конкурса ППС только добавило бумажной работы, но никак не повлияло на саму процедуру конкурса. Считаю, что отбор должен производиться в самом подразделении, где работает или будет работать ППС (например, на кафедре). Именно заведующий кафедрой лучше знает, что представляет из себя данный работник и насколько он нужен кафедре»	Результаты деятельности конкурсной комиссии
<i>Рекомендации респондентов</i>	
«Конкурсная комиссия должна сама принимать решение о сроке трудового договора, а не иметь только рекомендательный голос» • «В соответствии с результатами балльной оценки рекомендовать конкурсной комиссии выбирать из двух сроков трудового договора для претендента» • «Необходимо убрать минимальный срок 2 года. Это расслабляет претендентов»	Рекомендуемый срок трудового договора

⁴Стилистика ответов респондентов сохранена.

Продолжение таблицы 1

1	2
«В балльной оценке нужно учитывать и образовательную деятельность ППС, с учетом мнения студентов» • «Необходимо предусмотреть участие ППС в воспитательной работе со студентами» • «Повысить уровень значимости рекомендаций коллективов кафедр. Цифры не отражают реальных заслуг и важности преподавателя для университета» • «Необходимо учитывать работу руководителем образовательной программы» • «Выработать особые критерии конкурсного отбора для преподавателей-практиков, которые не занимаются научно-исследовательской деятельностью» • «Нужны преференции молодым преподавателям, мотивированным и способным к новациям в образовательном процессе» • «Повышение квалификации ППС должно быть по профилю читаемых дисциплин»	Критерии оценки

Таким образом, результаты опроса показывают, что действующая процедура конкурса для претендентов является эффективным инструментом оценки претендентов на должности профессорско-преподавательского состава и происходит в большинстве случаев с учетом реальных результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности. Балльная оценка способствует повышению объективности принятия решений конкурсной комиссией при избрании претендента на должность ППС, но требуется уточнение ее показателей. Введение балльной оценки результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности претендентов позволило сделать процедуру конкурса более понятной и прозрачной, стимулировало работников из числа профессорско-преподавательского состава к выполнению показателей деятельности университета и позволило многим преподавателям увеличить срок своего трудового договора. Но также предлагаются рекомендации по улучшению и совершенствованию конкурса, в том числе необходимость выработки критериев для преподавателей-практиков, формирование конкурсных комиссий не по институтам, а по отраслям науки (гуманитарные, естественные, технические, социальные и др.).

Дискуссия

В рамках исследования авторами изучен опыт организации и проведения конкурса профессорско-преподавательского состава в ведущих российских вузах: Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ «ВШЭ»), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), Томский государственный университет (ТГУ), Томский политехнический университет (ТПУ), Российская ака-

демия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ), Уральский государственный горный университет (УГГУ), Тюменский государственный университет (ТюмГУ), Московский физико-технический институт (МФТИ) (табл. 2).

Обобщение практики конкурса вышеперечисленных университетов показывает, что избрание на должности проводится Учеными советами, за исключением Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, где избрание на должность проводится конкурсной комиссией Ученого совета с последующим утверждением протокола на Ученом совете университета.

Сопоставляя итоги рассмотрения претендентов на научно-педагогические должности с показателем кадрового потенциала «Доля профессорско-преподавательского состава в возрасте до 40 лет» в ранжировании ведущих вузов, можно предположить направленность конкурсов на омоложение кадрового состава профессорско-преподавательского состава. В 70 % рассматриваемых университетов кафедры исключены из процедуры конкурса при рассмотрении претендентов, и именно в этих университетах, за исключением СПбГУ, доля профессорско-преподавательского состава в возрасте до 40 лет составляет от 32 % до 40 %: НИУ «ВШЭ» (40 %), ТПУ (39,2 %), ТюмГУ (33,8 %), МФТИ (32,4 %) и ЮУрГУ (32 %). В двух университетах, где при рассмотрении претендентов задействованы кафедры, доля профессорско-преподавательского состава в возрасте до 40 лет составляет менее 29 %: УрФУ (25,2 %) и ТГУ (27,9 %). Все же следует отметить, что прямопропорциональная взаимосвязь конкурсной процедуры и возраста

Таблица 2 – Элементы конкурса профессорско-преподавательского состава в ведущих российских вузах, 2020 г.
Table 2 – Elements of a faculty competition in leading Russian universities, 2020

Конкурс	Университет									
	ВШЭ	СПбПУ	ТГУ	ТПУ	РАНХиГС	УГГУ	ЮУрГУ	ТюмГУ	МФТИ	УрФУ
<i>Периодичность проведения конкурсов</i>										
2 раза в год	+			+					+	
Не менее чем за 2 месяца до проведения конкурса		+	+		+	+	+	+		+
<i>Основание объявления конкурса</i>										
Список ППС, у которых истекает срок трудового договора в учебном году	+				+		+			
Заявка директора института (заведующего кафедрой)		+	+	+		+		+	+	+
<i>Первичное рассмотрение претендента (оценка соответствия квалификации)</i>										
Кадровая служба		+	+	+		+	+	+	+	+
Кадровая комиссия	+									
Кафедра					+					
<i>Рассмотрение претендентов</i>										
Кафедра	+		+		+	+				+
Конкурсная (кадровая) комиссия подразделения	+		+	+				+	+	+
Ученый совет института (факультета, школы)		+					+			
<i>Избрание на должность</i>										
Конкурсная комиссия ППС Ученого совета		+								
Ученый совет института (факультета)			+	+	+	+	+ ⁵	+	+ ⁵	+
Ученый совет университета	+	*					+		+	

* Утверждение протокола комиссии об избрании.

профессорско-преподавательского состава не прослеживается. Тем не менее, можно утверждать, что омоложению кадрового потенциала университета мешает сопротивление привлечению новых кадров на уровне кафедр.

По результатам исследования, рекомендуемые механизмы совершенствования конкурса на замещение должностей профессорско-преподавательского состава включают:

1. Создание конкурсных комиссий на университетском уровне с установлением им статуса квалификационной комиссии по 3 профилям направления подготовки (естественнонаучный, инженерно-технический, социогуманитарный и экономический). Это позволит установить единый подход с четкими и ясными требованиями к претендентам с учетом профиля профессиональной деятельности.

2. Исключение обязательного участия научно-образовательного подразделения, в ко-

тором проводится конкурс (кафедра, департамент), из процесса рассмотрения претендентов (рис. 3). При этом подразделение может предоставить рекомендации по претенденту в форме мотивированного заключения, которое будет рассмотрено на заседаниях общеуниверситетской конкурсной комиссии и Ученого совета.

Рисунок 3 – Конкурс на этапах оценивания деятельности претендентов

Figure 3 – Competition at the stages of assessing the activities of applicants

⁵При делегировании полномочий по избранию претендентов по конкурсу Ученым советом университета.

Таблица 3 – Планируемая структура профессорско-преподавательского персонала исследуемого университета, соответствующая профессиональным трекам работников

Table 3 – The planned structure of the teaching staff of the studied university, corresponding to the professional tracks of employees

Категории научно-педагогических работников	Требуемые компетенции	Доля, %
Преподавательско-исследовательская	1, 2, 3, 4, 5	50
Исследовательская	1, 3, 5	10
Преподавательская	2, 3, 5	25
Проектно-практическая	3, 4, 5	15

3. Создание информационной системы «Конкурс ППС», предназначенной для организации процесса от этапа подачи документов претендентами с момента объявления конкурса до этапа оглашения результатов избрания. Данная система позволит вести единую базу данных вакансий.

4. Уточнение показателей и критериев системы оценки претендентов на должности профессорско-преподавательского состава. В исследуемом университете к 2024 г. планируется обеспечить переход к четырем профессиональным трекам научно-педагогических работников в зависимости от наличия следующих компетенций (табл. 3):

1) научно-исследовательские (фокус на публикационную активность);

2) образовательные (вкл. онлайн-компетенции, участие в реализации сетевых программ);

3) связанные с интернационализацией образования и науки;

4) проектные (вкл. проектное обучение, реализацию программ ДПО, инновационную, практико-ориентированную и экспертно-аналитическую деятельность);

5) адаптивность к экосистеме университета (использование корпоративных сервисов, участие в мотивационных программах).

Переход к указанным профессиональным трекам научно-педагогических работников, подразумевающий развитие у персонала перечисленных выше компетенций, требует создания особых механизмов отбора, стимулирования и оценки, институционализированных возможностей профессионального и карьерного развития профессорско-преподавательского состава.

Заключение

В ходе настоящего исследования выявлены следующие проблемы конкурса на замещение должностей профессорско-преподавательского состава:

– затруднено привлечение к конкурсу внешних претендентов. Несмотря на то что решение кафедры (департамента) носит рекомендательный характер, в связи с устоявшимися межличностными связями и настроением удержания «своих», даже низко результативных, в подразделениях присутствует противодействие привлечению сторонних кадров;

– при рассмотрении претендентов в большинстве случаев присутствует формальный подход: наличие высшего образования соответствующего уровня, ученой степени и (или) ученого звания, стажа научно-педагогической работы. Как правило, для должностей доцента и профессора требуется наличие научных публикаций и приравненных к ним трудов, а также обращается особое внимание на индексирование их в наукометрических базах данных;

– система балльной оценки результативности претендентов способствует повышению объективности решений конкурсных комиссий и Ученых советов, а также стимулирует часть научно-педагогических работников к повышению своей продуктивности. От результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности претендентов зависит рекомендуемый срок трудового договора по результатам избрания по конкурсу. Но основная масса «непродуктивных» работников из числа профессорско-преподавательского состава уже адаптировалась к двухлетним срокам трудовых договоров на фоне сохранения практики объявления конкурсов под «своих».

В заключении следует отметить, что конкурс на замещение должностей профессорско-преподавательского состава остается одним из эффективных управленческих инструментов повышения качества кадрового потенциала университета. На новом этапе развития университета, определяемом стратегией развития, отвечающей на такие вызовы, как обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, модернизации профессионального образования за счет внедрения адаптивных, практико-ориен-

тированных и гибких образовательных программ, и цифровой трансформации университета, в том числе в части управления кадровым потенциалом, в качестве ключевых задач управления академическим персоналом определены: индивидуализация и непрерывность профессионального развития научно-педаго-

гических работников, диверсификация и гибкость профессиональных траекторий, повышение трудового статуса и социальной защищенности ведущих научно-педагогических работников, привлечение молодых кадров, рост социальной ответственности университета как работодателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцева Е.В., Запарий В.В., Коробейникова А.П., Бусыгина И.С. (2014). Кадровый потенциал современного вуза: монография / под ред. проф. В. В. Запарий. Издание второе, исправленное и дополненное. Екатеринбург : УрФУ.
2. Зеленина Э.Е. (2018). К вопросу развития кадрового потенциала в вузах // Инновационная экономика : Материалы V Международной научной конференции (г. Казань, май 2018 г.). Казань : Молодой ученый. С. 24–27.
3. Складар Е.С. (2018). Конкурентоспособность преподавателя ВУЗа как одно из условий повышения качества образовательных услуг // Иннов: электронный научный журнал. № 5 (38). URL: <http://www.innov.ru/science/economy/konkurentosposobnost-prepodavatelya> (дата обращения: 23.11.2020).
4. Бугров Д.В., Пономарева О.Я., Федорова А.Э. (2016). Концептуальные вопросы развития кадрового потенциала университета // Университетское управление: практика и анализ. № 1. С. 17–29.
5. Fedorova A., Ponomareva O. (2017). Developing university HR potential as the basis for its intellectual capital. In: Conference Proceedings of the 9th European Conference on Intellectual Capital “Intellectual Capital: Its Application in Practice” (6-7 April 2017, Portugal), pp. 97–105.
6. Лазарев Г.И. (2015). Новые стратегии вуза в развитии кадрового потенциала // Университетское управление: практика и анализ. № 1. С. 53–63.
7. Багирова А.П., Ключев А.К., Нотман О.В., Шубат О.М., Щербина Е.Ю., Яшин А.А. (2016). Преподавательский труд в современной России: трансформация содержания и оценки: монография / под общ. ред. проф. А. П. Багировой ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург : Издательство Уральского университета.
8. Briones C.K.L., Gonzalez C., Claribel S. (2019). The contemporary university and the management of human talent Notes and reflections, *Revista San Gregorio*, no. 35, pp. 111–123.
9. Hutaibat K., Alhatabat Z., Von Alberti-Alhtaybat L. (2021). Performance habitus: performance management and measurement in UK higher education, *Measuring Business Excellence*, no. 25 (2), pp. 171–188.
10. Alshaikhmubarak A., Da Camara N., Baruch Y. (2020). The impact of high-performance human resource practices on the research performance and career success of academics in Saudi Arabia, *Career Development International*, no. 25 (6), pp. 690–671.
11. Yuan Y. (2020). The Strategic Transformation of Human Resource Management Mode in Ocean Engineering University, *Journal of Coastal Research*, no. 112, pp. 203–206.
12. Попова С.А., Трихина И.А. (2019). Формирование подходов к оценке эффективности деятельности профессорско-преподавательского состава в кадровой политике высшего учебного заведения // Вестник Евразийской науки, № 1. URL: <https://esj.today/PDF/37ECVN119.pdf> (доступ свободный).
13. Белов В.Г., Парфенов Ю.А., Косинова Е.П., Гибова И.М. (2014). Критерии оценки эффективности труда профессорско-преподавательского состава // Фундаментальные исследования. № 8-4. С. 981–984.
14. Завгородний А.В. (2017). Конкурсные и трудовые правоотношения педагогических работников образовательных организаций Российской Федерации. Москва : Проспект. 288 с.
15. Завгородний А.В. (2021). Конкурс в российском трудовом праве и его значение для возникновения трудовых (служебных) правоотношений : Монография. Москва : Проспект. 173 с.
16. Мещерякова Т.Р. (2020). Правовое регулирование порядка замещения должностей профессорско-преподавательского состава ВУЗа. URL: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/>

arxiv/032015r/172-mescheryakova-032015 (дата обращения: 30.11.2020).

17. Рашева Н.Ю. (2015). Конкурс на замещение должности научно-педагогического работника в высшем учебном заведении: особенности правового регулирования // Вопросы правоведения (всероссийский научный журнал). № 3. С. 236–254.

18. Черных Н.В. (2018). Правовое регулирование избрания научно-педагогических работников по конкурсу. СПб. : Медиапир. 120 с.

19. Черных Н.В. (2018). Избрание по конкурсу научно-педагогических работников. Москва : Проспект. 88 с.

20. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.09.2014 № 2029-О //

КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158541/ (дата обращения: 13.09.2020).

21. Определение Московского городского суда от 03.12.2015 № 4г-12235/15 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=647062#0723997137096402> (дата обращения: 13.09.2020).

22. Коробченко В.В. (2013). Избрание по конкурсу: объективный отбор или субъективный выбор? // Трудовое право в России и за рубежом. № 1. С. 53–56.

23. Вашурина Е.В. (2005). Вопросы стратегического развития университетского персонала // Университетское управление: практика и анализ. № 4. С. 87–97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Федорова Алена Эдуардовна – Ph.D., кандидат экономических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); a.e.fedorova@urfu.ru.

Власова Елена Борисовна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); e.b.vlasova@urfu.ru.

MANAGEMENT OF UNIVERSITY PERSONNEL CAPACITY: COMPETITIVE PROCEDURE FOR A FACULTY STAFF

A.E. Fedorova^{6a}, E.B. Vlasova^a

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

One of the instruments to improve the competitiveness of higher education establishments and to enhance the quality of faculty staff is a competitive selection of candidates to fill teaching positions. The purpose of the study is to analyze the effectiveness of the competitive procedure carried out in a large Russian university and to find ways to improve it as a tool for increasing the staff potential of higher schools. A new system of evaluation of educational and research activities of applicants for teaching positions has been tested for a year. Then the authors conducted a survey among the institutes' competitive commissions members who take part in one of the competition stages. The survey revealed the advantages and disadvantages of the university's competitive procedure. Among the main problems are the insufficient number of alternative competitions, the difficulty of attracting new candidates to the competition, the desire of department staff to choose the candidates they have been working with even if they show low-productivity, and the lack of a number of important evaluation indicators. On the basis of the study of theoretical materials and practical experience at the university, as well as the analysis of the practice of other higher educational establishments, the authors propose ways to improve the competition procedure for faculty staff. The study contributes to the search for solutions of one of the most discussed problems of attracting new teachers to the university and selecting qualified personnel with deep professional knowledge, significant scientific achievements in the relevant branches of science, scientific potential and the intellectual and moral qualities.

⁶RSCI AuthorID: 460187, ORCID: 0000-0002-4600-6489, ScopusID: 57008834300, ResearcherID: E-5944-2013

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research grant “Development of tools to assess the impact of social pollution of labor relations on employees’ well-being in a digitized economy”, project no. 19-010-00705.

KEYWORDS: university personnel capacity, teaching staff, competitive selection, evaluation of results, performance of applicants.

FOR CITATION: Fedorova A.E., Vlasova E.B. (2021). Management of university personnel capacity: competitive procedure for a faculty staff, *Management Issues*, no. 4, pp. 166–178.

REFERENCES

1. Zaytseva E.V., Zapariy V.V., Korobeynikova A.P., Busygina I.S. (2014). Personnel potential of the modern university. Monograph. 2nd ed., corr. and suppl. Ekaterinburg, UrFU.
2. Zelenina Z.E. (2018). To the issue of the development of personnel potential in universities. In: Proceedings of the V International Scientific Conference “Innovative economy” (Kazan, May 2018). Kazan, Molodoy uchyonyy, pp. 24–27.
3. Sklyar E.S. (2018). Competitiveness of the university teacher as one of the conditions for improving the quality of educational services, *Innov: Electronic Scientific Journal*, no. 5 (38). URL: <http://www.innov.ru/science/economy/konkurentosposobnost-prepodavatelya> (Calling date: 23.11.2020).
4. Bugrov D.V., Ponomareva O.Ya., Fedorova A.E. (2016). Conceptual issues of personnel capacity development University, *University management: Practice and analysis*, no. 1, pp. 17–29.
5. Fedorova A., Ponomareva O. (2017). Developing university HR potential as the basis for its intellectual capital. In: Conference Proceedings of the 9th European Conference on Intellectual Capital “Intellectual Capital: Its Application in Practice” (6-7 April 2017, Portugal), pp. 97–105.
6. Lazarev G.I. (2015). New university strategies in the development of personnel potential, *University management: Practice and analysis*, no. 1, pp. 53–63.
7. Bagirova A.P., Klyuev A.K., Notman O.V., Shubat O.M., Scherbina E.Yu., Yashin A.A. (2016). Teacher work in modern Russia: transformation of content and evaluation. Monograph. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University.
8. Briones C.K.L., Gonzalez C., Claribel S. (2019). The contemporary university and the management of human talent Notes and reflections, *Revista San Gregorio*, no. 35, pp. 111–123.
9. Hutaibat K., Alhatabat Z., Von Alberti-Alhtaybat L. (2021). Performance habitus: performance management and measurement in UK higher education, *Measuring Business Excellence*, no. 25 (2), pp. 171–188.
10. Alshaikhmubarak A., Da Camara N., Baruch Y. (2020). The impact of high-performance human resource practices on the research performance and career success of academics in Saudi Arabia, *Career Development International*, no. 25 (6), pp. 690–671
11. Yuan Y. (2020). The Strategic Transformation of Human Resource Management Mode in Ocean Engineering University, *Journal of Coastal Research*, no. 112, pp. 203–206.
12. Popova S.A., Trikhina I.A. (2019). Formation of approaches to assessing the effectiveness of the activities of the faculty in personnel policy of the highest educational institution, *Bulletin of Eurasian Science*, no. 1. URL: <https://esj.today/PDF/37ECVN119.pdf> (free access).
13. Belov V.G., Parfenov Yu.A., Kosinova E.P., Gibova I. M. (2014). Criteria for assessing the effectiveness of the work of the professorial-teaching staff, *Fundamental researches*, no. 8-4, pp. 981–984.
14. Zavgorodiy A.V. (2017). Competitive and labor relations of pedagogical workers of educational organizations of the Russian Federation. Moscow, Prospekt. 288 p.
15. Zavgorodiy A.V. (2021). Competition in the Russian labor law and its importance for the emergence of labor (official) legal relations. Monograph. Moscow, Prospekt. 173 p.
16. Mescheryakova T.R. (2020). Legal regulation of the procedure for replacing the posts of the faculty of the university. URL: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/arxiv/032015r/172-mescheryakova-032015> (accessed 30.11.2020).
17. Rasheva N.Yu. (2015). Competition for replacing the post of scientific and pedagogical worker in higher education institution: features of legal regulation, *Questions of legal education (Russian scientific journal)*, no. 3, pp. 236–254.
18. Chernykh N.V. (2018). Legal regulation of the

election of scientific and pedagogical workers in the competition. Saint Petersburg, Mediapapir. 120 p.

19. Chernykh N.V. (2018). Election by the competition of scientific and pedagogical workers. Moscow, Prospekt. 88 p.

20. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 2029-O dated September 25, 2014. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158541/ (accessed 13.09.2020).

21. Definition of the Moscow City Court no. 4g-

12235/15 dated December 3, 2015. ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=647062#0723997137096402> (accessed 13.09.2020).

22. Korobchenko V.V. (2013). Election by competition: objective selection or subjective choice? *Labor law in Russia and abroad*, no. 1, pp. 53–56.

23. Vashina E.V. (2005). Issues of strategic development of university personnel, *University management: Practice and analysis*, no. 4, pp. 87–97.

AUTHORS' INFORMATION:

Alena E. Fedorova – Ph.D., Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); a.e.fedorova@urfu.ru.

Elena B. Vlasova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); e.b.vlasova@urfu.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@ganepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,75 п.л. (30 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков). Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 25 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью),
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ), ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) (при наличии),
- место работы (учебы) и занимаемая должность,
- ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом),
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

Адрес редакции:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<http://journal-management.com/>

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет 31.08.2021. Формат 60 × 84 1/8.

Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 21,16. Уч.-изд. л. 16,37. Тираж 999.

Цена свободная.

Отпечатано в РИО Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № _____.